

Сергей Шахнов

Соль земли Русской

Феномен русской интеллигенции

Предисловие

Я у зеркала стояла, может, час, а, может, два,
Так что шея загудела, заболела голова.
Вижу четко, вижу ясно - ну, какой же тут секрет!
Ведь такого не бывает: ж...па - есть, а слова - нет

Детская песенка

Вот уже более века в России не утихают споры о том, когда и как возникла русская интеллигенция и главное, что же подразумевается под этим понятием и кого следует относить к этой категории народонаселения. Не менее жестокие споры вызывает и обсуждение роли интеллигенции в бурных событиях второй половины XIX и всего XX веков.

Первыми новое явление почувствовали великие русские писатели Иван Тургенев («Отцы и дети», 1862 г.) и Федор Достоевский («Идиот», 1868, «Бесы», 1872 г.). Но сам термин тогда еще не был использован. На приоритет в его употреблении претендовал писатель Петр Боборыкин. Благодаря его плодovitости и художественному таланту в 60-х – 70-х годах XIX века этот термин постепенно совершил дрейф от древнеримского понимания в смысле духовной силы к современному представлению о совокупности носителей этой самой силы. В дальнейшем, большой вклад в раскрытие образа интеллигента внес Антон Чехов. В советское время среди писателей наиболее ярким певцом русской интеллигенции был Даниил Гранин.

Начиная с 70-ых годов XIX века феномен русской интеллигенции был

обнаружен публицистами, историками и философами и начались попытки его осмысления. Первым, в 1868 году рубрикой «Письма о русской интеллигенции» в журнале «Современное обозрение» дискуссию открыл народник Николай Михайловский. Затем к нему присоединился Николай Шелгунов, также народник. Далее интерес к этой теме только нарастал, что свидетельствовало о масштабности явления. Иван Аксаков и другие последователи «славянофилов», а также такие мыслители, как Василий Розанов и Константин Леонтьев, в своей оценке рождавшейся интеллигенции были близки к автору «Бесов». В то же время публицисты «западники», такие как Петр Лавров, Константин Кавелин, а позднее Иванов-Разумник и Михаил Туган-Барановский считали интеллигенцию «влиятельным двигателем прогресса, ... врагом рутины и застоя, искателем новой правды».

Однако после событий революции 1905 года многие из них резко поменяли мнение. В вышедшем в 1909 году сборнике «Вехи» Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Петр Струве, Семен Франк и другие мыслители высказали серьезные претензии к русской интеллигенции и дали отрицательную оценку ее роли в революционных событиях. При этом к самим себе они, по-видимому, претензий не имели.

После Октябрьской революции, едва «властители дум» сошли с трапов «философских» пароходов, споры о роли русской интеллигенции разгорелись с новой силой. Для Максима Горького, Алексея Толстого и «сменовеховцев» «русская интеллигенция... остается... единственной ломовой лошадкой, запряженной в тяжкий воз истории России». В то же время видный философ и идеолог русского общевойскового союза (РОВС) Иван Ильин и, в особенности, убежденный монархист Иван Солоневич имели к интеллигенции колоссальные претензии.

В дальнейшем, в эмиграции думы о судьбах русской интеллигенции потеряли актуальность. В Советской же России какие-либо «думы», не согласованные с идеологическим отделом ЦК, на долгие годы были вообще запрещены.

В 90-е годы XX века интерес к этой теме возобновился с новой силой.

Многочисленные публикации в прессе, кандидатские и докторские диссертации росли, как грибы после дождя. Апофеозом этой своеобразной эпохи Возрождения стал съезд Конгресса русской интеллигенции, созванный с большой помпой в Москве, в декабре 1997 года.

Съезд предварялся рядом круглых столов, в которых приняли участие крупные российские мыслители того времени – ученые и писатели. Целью этих встреч была попытка систематизировать представления об интеллигенции и сформулировать само это понятие.

Но, как известно, «каждый интеллигентный человек ощущает себя единственным в своем роде произведением природы и общества». Поэтому количество мнений превзошло количество участников.

Тут упоминался и «образованный человек с обостренным чувством совестливости», и «интеллектуальная независимость», и «груз ответственности перед обществом» и «фронда по отношению к любому режиму», и «постоянная тяга к противостоянию деспотической государственной власти», и «обостренное чувство справедливости», и «высокий уровень духовности» и даже «праведничество, жертвенность и известный аскетизм». Апофеозом этих идеалистических определений стало утверждение Игоря Бестужева-Лады, что «интеллигент — это воплощение Бога на Земле», так как первым истинным интеллигентом, по его мнению, был Иисус Христос.

При этом каждый из выступавших, давая дефиниции термину интеллигенция, вероятно, руководствовался собственным примером. Хотя, как подлинный интеллигент, и не акцентировал на этом внимание.

И в вопросе о судьбах русской интеллигенции единства также не обнаружилось. Пессимисты, такие как Вадим Кожин, Гранин, Бестужев-Лада и Даниил Аль предрекали ее скорый уход из русской жизни. «Основной функцией интеллигенции является критическое противостояние власти» – утверждали они. Поэтому после «победы» демократии ни власть, ни народ в ней уже не нуждаются. Оптимисты, такие как Дмитрий Лихачев, Никита Моисеев, Борис Раушенбах и другие считали, что «интеллигенция выступает одним

из важнейших гарантов жизнеспособности общества». При этом они верили, что «XXI век будет веком огромного подъема русской культуры» и, соответственно, расцвета интеллигенции.

Согласились, и то далеко не все, только с мнением академика Лихачева, что «интеллигенция – это понятие чисто русское и содержание его преимущественно ассоциативно-эмоциональное».

Исходя из состава участников съезда, в который входили члены Правительства и Администрации Президента России, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы и прочие официальные лица, можно с уверенностью утверждать, что Конгресс интеллигенции был порожден ельцинским режимом, нуждавшимся в идеологическом обеспечении своей политики. Но интеллигенция не оправдала этих надежд, и Конгресс как политическое явление тихо сошел с общественной сцены. Сошел в полном соответствии с предсказанием того же Лихачева, утверждавшего, что «нельзя из интеллигенции делать партию, потому что как только из интеллигенции будет сделана партия, перестанут существовать интеллигенты».

Единственным реальным достижением 1-ого съезда было принятие Устава общероссийского общественного движения «Конгресс интеллигенции Российской Федерации». За время своего существования Конгресс не только не сформулировал хотя бы зачатки идеологии нового российского государства, но даже не смог выработать общепризнанного определения интеллигенции.

Но работы по самоидентификации продолжались литься рекой. Среди них наиболее фундаментальным мне представляется труд профессора СПбГУП Аркадия Соколова¹. Здесь представлены и концепция, и методология, и систематизация, и даже формулы интеллигентности – намек на переход от гуманитарных к точным наукам. Представлены типы интеллигентов и составляющие их этического самоопределения, среди которых выделяются толерантность и альтруизм. Но главное – здесь представлена непоколебимая

¹ Соколов А.В. Поколения русской интеллигенции. СПб.: Изд-во С59 СПбГУП, 2009. — 672 с. — (Новое в гуманитарных науках; Вып. 41).

вера русской интеллигенции в собственное величие и значимость.

Не хватает только системного подхода, в рамках которого объект исследования должен рассматриваться как целостное множество элементов в совокупности отношений и связей между ними. Поэтому интеллигенция у Соколова оказалась виртуальной группой, входящей в реально существующий интеллектуальный слой, в который помимо нее входит еще и группа интеллектуалов, также виртуальная. Объясняет он это тем, что невозможно выделить социальную группу «подлинных интеллигентов» из интеллектуального слоя. Можно назвать только отдельные личности, «идеальных интеллигентов», «символы интеллигентности».

Но социальная группа – это объективно существующая устойчивая совокупность индивидов, взаимодействующих определенным образом. Она по определению не может быть виртуальной. Иначе получается, что отдельные интеллигенты есть, а интеллигенции нет!

Данная коллизия рассмотрена в детской песенке, строки из которой вынесены в эпиграф. Правда в нашем случае ситуация обратная – слово есть, а ж...ы, то есть интеллигенции – нет. И потому все претензии к ней, как социальной группе, бессмысленны.

Поэтому если спросить: «Ребята, кто больше полувека расшатывал великую империю?» «Это не мы, это подлые интеллектуалы: циники, деспоты, нигилисты, квазигуманисты и их приспешники полуинтеллектуалы: фанатики, вандалы, хамы¹! – ответят интеллигенты. – А мы гуманисты, мы за все хорошее против всего плохого! И вообще мы виртуальная группа, реально нас нет». А нас нет, как известно, и суда нет.

Концептом участника виртуальной субкультуры интеллигенции по определению Соколова является «образованный и творческий человек, руководствующийся не только разумом, но и чувствами совести и стыда, эмоциями сострадания и благоговения перед Культурой и Природой».

¹ Здесь перечисляются типы интеллектуалов и полуинтеллектуалов по классификации Соколова.

Нетрудно заметить, что это определение, как и большинство определений, данных участниками рассмотренных выше круглых столов, носит ярко выраженный идеалистический характер. Описанный в них идеал творческого человека практически не достижим для простого смертного, так как вступает в противоречие с реалиями жизни. Человек же, как существо социальное, в подавляющем большинстве случаев пренебречь ими не может. Поэтому получается, что настоящий интеллигент – это практически аналог церковного Святого в светской жизни.

Возникает вопрос. Если устойчивой социальной группы интеллигенции нет, а существуют только отдельные идеальные интеллигенты, то как определить, достаточно ли тот или иной представитель интеллектного слоя «благоговеет перед Культурой и Природой и руководствуется чувствами совести и стыда»? Получается, что интеллигент – это своего рода почетное звание, которое кто-то должен присвоить. Канонизацией Святых занимается Церковь. Процесс этот долгий и сложный. Условием святости является обретение мощей, подтверждение их нетленности и фиксация исходящих от них чудес. Процедура же канонизации Интеллигентов до сих пор не определена. Неясно также и кто должен этим заниматься. Была надежда, что этим займется специальная комиссия Конгресса Русской интеллигенции. Но Конгресс благополучно умер, а вместе с ним умерла и надежда.

Могут сказать: «Ну что ты пристал со своей канонизацией? Каждый истинный интеллигент носит интеллигентность в своем сердце и ни в какой идентификации не нуждается». Но на самом деле вопрос этот далеко не праздный. Возможность идентификации интеллигентов напрямую связана с возможностью выполнения ими важнейших функций, возложенных на них Историей (или отдельными историками?), что и показано в следующей главе.

Как мы видим, представление об интеллигенции чрезвычайно запутаны. Попробуем все же с этим разобраться. Но вначале необходимо развенчать миф о древности, наднациональности и надконфессиональности интеллигенции.

Глава 1. От Рюрика до Лихачева

Трудно найти черную кошку в темной комнате.
Особенно трудно, если ее там нет.

Конфуций

Профессор Соколов утверждает: «Длительность культурно-исторической эпохи совпадает с длительностью группового поколения интеллигенции, поскольку именно интеллектуальный слой, то есть образованная, творчески активная и этически определившаяся часть общества, создает, хранит и распространяет идейное содержание своей эпохи. Причем не массовое поколение детерминирует интеллектуально-этический потенциал интеллигенции, а наоборот, интеллигенция определяет нравственные нормы и интеллектуальный уровень современников, то есть духовность данной эпохи. Именно интеллигенция является исторически значимым субъектом. Отсюда следует, что периодизацию истории культуры нужно строить не по векам и десятилетиям, а по поколениям интеллигенции».

Здесь сразу бросается в глаза явное противоречие. С одной стороны, идейное содержание эпохи создает весь интеллектуальный слой, а с другой, интеллектуальный уровень и духовность эпохи определяет только интеллигенция. Но в таком случае вклад интеллектуалов в интеллектуальный уровень должен стремиться к нулю. Тогда все они, в строгом соответствии с логикой Соколова, должны быть дебилами или даунами.

Правда, в дальнейшем профессор уточняет, что при периодизации поколений «термин «интеллигенция» употребляется в социально-экономическом его значении ... под интеллигенцией понимается интеллектуальный слой данной культурно-исторической эпохи, объединяющий как подлинных интеллигентов, отвечающих формуле интеллигентности, так и интеллектуалов, соответствующих формуле интеллектуальности». Это уточнение спасает умственный уровень интеллектуалов, но окончательно выносит мозг читателю.

При анализе вышеприведенного текста возникает и еще одна проблема. Лихачев считал, что интеллигенция – это явление чисто русское, в то время как Бестужев-Лада утверждал, что «интеллигенция — это феномен не только русский, а общемировой, причем с древнейших времен и до наших дней».

Академик Лихачев – один из немногих канонизированных интеллигентов, получивших право «определять нравственные нормы и интеллектуальный уровень современников». «Нетленные же мощи» Бестужева-Лады пока не обретенны, и говорить о его интеллигентности в высшем, соколовском смысле мы с уверенностью не можем. Из этого следует очевидный вывод: в споре о наднациональности интеллигенции мы должны поверить именно Лихачеву. Тем более что с ним согласились многие другие авторитетные участники судьбоносного Конгресса. Но отсюда следует парадоксальный вывод – у других народов культура развиваться не может, ибо некому «создавать, хранить и распространять культурные смыслы», нет «исторически значимого субъекта».

Но такого, как вы понимаете, быть не может. Поэтому одно из двух: либо интеллигенция всемирна, либо она не исторически значимый субъект.

Данную коллизию Соколов разрешает, даруя интеллигенту право на ошибку. Тогда можно сказать, что академик Лихачев может быть неправ, и европейская, да и вся остальная мировая культура спасены!

Но разве может ошибаться «наместник Бога» и «исторически значимый субъект» или, если перевести на более понятный советскому поколению язык, «Ум, Честь и Совесть нашей эпохи»? Здесь чувствуется явное противоречие. Как мы поняли, только истинный интеллигент достигает высшей стадии духовного просветления, открывающего перед ним все «культурные смыслы». Поэтому, неся их в массы, он, в отличие от интеллектуала, не должен иметь права на ошибку, иначе что же останется от этих «смыслов». И чем тогда для народа он лучше сомнительного в духовном смысле интеллектуала?

Разве станет легче миллионам россиян, пережившим 90-е годы, если комиссия по канонизации когда-нибудь установит, что Егор Гайдар, с его кондовым экономическим либерализмом, давно отвергнутым даже на Западе, по своим личностным качествам полностью соответствует светлому идеалу Интеллекта? И кому-нибудь станет теплее на душе от того, что он ошибался искренне?

А другие миллионы россиян, по которым прокатилось кровавое «Красное колесо»? Может ли служить для них утешением то, что среди многочисленных «Бердяев Булгаковичей», которые полвека пичкали их гуманизмом, нигилизмом, атеизмом, социализмом, марксизмом и прочим «измом», оказалось немало «истинных» Интеллектов?

И опять могут сказать: «Он ничего не смыслит в диалектике. Отдельные интеллекты могут ошибаться, а интеллигенция – никогда!»... Соглашайтесь! Но все же, каким образом виртуальная группа, не имеющая системных связей, может нивелировать заблуждения своих виртуальных членов?

Наконец, «вишенка на торте» цитируемого текста. Только интеллигенция является этически определившейся частью общества, так как этот признак является ее отличительной чертой. А весь остальной народ – это всего лишь объект. Он своего характера, нравов и обычаев не имеет. Все жизненно важные смыслы, ценности и добродетели, к достижению которых следует стремиться, те нормы и эталоны, которыми нужно руководствоваться, он получает от интеллигенции.

Отсюда следует, что интеллекты должны были существовать с древнейших времен, по крайней мере, с момента появления кроманьонцев. Те, по утверждениям археологов, «создали богатую и разнообразную культуру позднего палеолита». Ну, а кто именно принес им эту богатую и разнообразную культуру? Я думаю – ответ очевиден! Можно даже предположить, что интеллекты, подобно древним уткам, прибыли на Землю с одной из далеких планет, после чего у кроманьонцев и наступил расцвет культуры, объяснить который ученые раньше не могли.

Анализируемый текст представляет собой яркий пример антисистемного мышления, являющегося родовым признаком русской интеллигенции. Оно базируется на представлении о том, что общество развивается не по объективным законам, а по воле некоей божественной субстанции, именуемой интеллигенцией. То есть постулат Соколова фактически подтверждает представление Бестужева-Лады об интеллигенте как воплощении Бога на земле.

Но Бог один раз дал людям Завет и при этом наделил их свободной волей и, соответственно, ответственностью за свои поступки. Интеллигент же, по Соколову, постоянно формирует для людей «нравственные нормы... и духовность каждой эпохи». И при этом, что особенно удивительно, наш Интеллигент всегда страшно недоволен уровнем нравственности и духовности своего народа, который он же ему, если верить Соколову, и обеспечивает.

Хочется воскликнуть: «Господи! ...То есть Интеллигент! Почему ты не просветил рабов твоих светом истинной духовности?! Чем же ты занимался столько веков, бездельник?!»

Возникает и другая коллизия. Только интеллигенция определяет духовность каждой эпохи. При этом выделить социальную группу «подлинных интеллигентов» из интеллектного слоя не представляется возможным. Как же тогда оделить истинные духовные ценности интеллигентов, от ложных – интеллектуалов?

Церковь, хотя и с большим трудом, но все же упорядочила это вопрос. Истиной признаются только тексты Священного писания и их толкования в произведениях Святых отцов, церковью же канонизированных. Все остальное – от Лукаваго!

Но как быть в нашем случае, как не поддаться искушению и не пойти по неверному пути? Как не прельститься ложными идеями этих оборотней-интеллектуалов и не погубить свою бессмертную душу? Нет ответа!

Для людей, обладающих системным мышлением, а таких, как это ни странно, большинство, совершенно очевидно, что все явления в природе и обществе развиваются по естественным законам и имеют начало и конец.

Для людей верующих источником законов является бог. Атеисты же в большинстве своем об этом вообще не задумываются.

Поэтому для них феномен русской интеллигенции не является чем-то особенным и его генезис достаточно понятен. Она сформировалась в середине XIX века во вполне конкретных общественно-исторических условиях, предопределивших ее основные черты. Условия эти были уникальными (в чем состояла уникальность, мы рассмотрим в следующей главе), что объясняет уникальность самого феномена. Современники, обнаружив это явление, дали ему имя. Имя прижилось, так как в значительной степени отражало сущность возникшей общности, и интеллигенция, как новая социальная группа, встроившись в структуру российского общества, продолжила развиваться, расширяться и усложняться.

Но для истинного интеллигента такой утилитарный подход не приемлем. Его распирает чувство собственной значимости и незаменимости, поэтому он объявляет эту реальную социальную группу самозванкой, для которой священное имя Интеллигенция является псевдонимом. Истинная же интеллигенция объявляется виртуальной, а ее мифические представители наделяются идеальными чертами, соответствующими великой миссии, восходящей из глубины веков.

Поэтому Соколов отказывает большинству современников и ближайших предков в праве носить это гордое звание. Отказывает из-за им же установленной высокой этической планки. Он устремляет свой пристальный взгляд в эти самые глубины, пытаясь там разглядеть образы русских интеллигентов. Присваивая это почетное звание наиболее значимым и уважаемым фигурам древности, он тем самым поднимает значение интеллигенции до воистину вселенских высот.

Но, увы, можно до посинения вглядываться в глубину веков, пытаясь разглядеть в том или ином историческом персонаже черты интеллигентности, но занятие это изначально бесперспективное. Черты исторических персонажей всегда мифологизированы, и чем дальше мы уходим в глубь веков, тем глубже мифоло-

гизация. Даже образ основоположника русской интеллигенции – Тимофея Грановского был мифологизирован. Причем миф этот начал формироваться еще при жизни его прототипа, отвечая запросу определенной части общества.

Несмотря на все эти трудности, Соколов продолжает всматриваться в глубины и обнаруживает двенадцать поколений русской интеллигенции (три палеокультурных и девять неокультурных), определивших для России двенадцать культурно-исторических эпох.

Первое, древнерусское поколение интеллигенции, по его мнению, определило культурно-историческую эпоху Древней Руси X – XIV веков. Начало эпохи определяется Крещением. Но и после этого «упрямый народ два столетия сохранял перуно-христианское двоеверие, был далек от какой-либо интеллигентности и, конечно, не мог служить основой для генезиса русской интеллигенции».

Но тогда откуда же она взялась? То, что интеллигенция к тому времени уже появилась, у Соколова сомнения нет, ибо «в противном случае ...не совершилась бы в варварской стране культурная революция, головокружительный скачок с уровня археологического язычества на уровень средневековой палеокультуры».

По его мнению, крещение Руси подготовили византийские миссионеры. А так как «культурно-революционный переворот означает коренное преобразование общественного сознания, управление которым — сущностная функция интеллигенции», то отсюда следует, что в составе византийских миссионеров должны были быть первые «апостолы интеллигентности на Русской земле».

Из вышеприведенного текста логически вытекает, что в варварской стране, какой была Русь до крещения, общественного сознания либо не было вообще, либо оно пребывало в полном хаосе, так как некому было им управлять. По видимому, это чувствовали и сами восточные славяне. Еще в IX веке они попытались пригласить интеллигентов из Скандинавии. Но с варяжской интеллигенцией у них вышла промашка великая. Наевшиеся мухоморов скандинавские берсерки¹ оказались мало пригодны к формированию «идейного содержания эпохи». И хотя

¹ Берсерки – одержимые бешенством в бою воины викингов, находившиеся под воздействием психотропных препаратов, получаемых из мухоморов.

государство с их помощью худо-бедно образовалось, но с «духовными смыслами» по-прежнему была беда. И только благодаря византийским миссионерам-интеллигентам древняя Русь совершила, наконец, «головокружительный скачок».

Правда, профессор милостиво позволяет и языческим варварам иметь некоторые примитивные духовные смыслы. По его мнению, этими смыслами управляли волхвы, «архаичный интеллектный слой... который можно было бы назвать архаичной протоинтеллигенцией». Этим допущением он спасает русскую интеллигенцию от необходимости забираться в дебри верхнего палеолита.

Итак, по Соколову, «семена интеллигентности были занесены интеллигентами византийского образца». И дело сразу пошло на лад. К византийским интеллигентам, посеявшим эти самые семена, профессор относит патриарха Константинопольского Фотия, равноапостольных братьев-просветителей Кирилла и Мефодия, императора Константина VII Багрянородного, основателя религиозно-философского учения исихазма Григория Паламу и ряд других, менее известных философов и богословов.

Желание искать в наиболее выдающихся деятелях древности черты интеллигентности вполне понятно и объяснимо. Приятно осознавать, что ты ведешь свою духовную родословную не от сиволапых разночинцев, а от патриархов и багрянородных императоров, даже если сам безбожник и либерал.

Соколов считает, что собственно древнерусское поколение интеллигентов зародилось не позже XI века в монастырях и среди книжников княжеских дворов. По его мнению, «символом древнерусской культурной революции являются фигуры православного интеллигента-книжника».

Первыми русскими интеллигентами он называет Киевского митрополита славянского происхождения Илариона, а также Великих князей Киевских: Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и Александра Невского.

В старомосковском поколении (XIV – начало XVII века), по мнению Соколова, «Святая Русь есть область бытия русской интеллигентности в палеокультурном ее облики». Поэтому к интеллигентам он относит русских святых: Сер-

гия Радонежского, Стефана Пермского, Кирилла Белозерского, Нила Сорского, митрополита Макария, а также Андрея Рублева. Причем с мнением академика Лихачева, присвоившего звание первого интеллигента на Руси переводчику греческих священных книг Максиму Греку, профессор позволил себе не согласиться. Как говорится, Платон мне друг, но истина дороже!

А вот среди Московских Великих князей и царей он интеллигентов не обнаружил. Только Лжедмитрий I оказался почти интеллигентом, но в конце жизни все же подкачал.

Допетровский период, как считает Соколов, «небогат на великих интеллигентов». Из священнослужителей до уровня интеллигенции дотягивают только богослов, поэт и придворный астролог Симеон Полоцкий и его ученик, первый российский библиограф Сильвестр Медведев. Среди бояр – просветитель и меценат Федор Ртищев и дипломат Афанасий Ордын-Нащекин.

Профессор понимает, что определенные им качества современного интеллигента, такие как образованность, креативность и экологическая озабоченность, применительно к его палеокультурным поколениям интеллигентов будут выглядеть довольно смешно. Поэтому он предлагает «формулы, адресованные неокультурным интеллигентам и интеллектуалам, переосмыслить применительно к древнерусским реалиям». В результате переосмысления и появляются человеколюбивые и кроткие интеллигенты-священнослужители, а также толерантные и умеренно гордые интеллигенты-князья, а формула интеллигентности наполняется такими свойствами, как книжность, косность, смиренномудрие, долготерпение и воцерковленность.

Неокультурные поколения открываются петровской эпохой. В эту эпоху, как и во все последующие эпохи, униженная императором православная церковь, по мнению Соколова, никого достойного высокого звания интеллигента не дала. Среди сподвижников Петра интеллигентами оказались только первый российский историк Василий Татищев и основатель библиотечного дела Андрей Богданов. Самому же Петру профессор в интеллигентности, сла-

ва богу, отказал, несмотря на категоричное заявление Дмитрия Мережковского: «Я повторял и настаиваю: первый русский интеллигент – Петр!»

Справедливости ради нельзя не отметить, что он не поддавался искушению и не записал в интеллигенты такого всеми почитаемого русского ученого, как Михайло Ломоносов. Тот, согласно разработанной Соколовым классификации, оказался недостойным столь высокого звания.

В екатерининскую эпоху интеллигенты уже пошли косяком. Список открывала сама Екатерина. Среди наиболее значимых фигур к интеллигентам были отнесены: основатель Московского университета Иван Шувалов, историкограф Федор Миллер, основатель филологии Екатерина Дашкова, личный библиограф Екатерины и первый «библиотечный интеллигент» Василий Петров, Президент Академии художеств Алексей Мусин-Пушкин, крупнейший библиофил граф Дмитрий Бутурлин, общественный деятель Александр Радищев, поэт Гаврила Державин, историк Николай Карамзин и книгоиздатель и просветитель Николай Новиков.

Наконец, первая половина Пушкинско-Гоголевской эпохи дала целую плеяду «соколовских интеллигентов». Помимо собственно Пушкина и Гоголя, профессор относит к ним Жуковского, Лермонтова, хозяек литературных салонов — «символов интеллигентности», таких как Евдокия Голицына, и Зинаида Волконская. Даже в армии проницательный взор Соколова обнаружил «чуждый жестокой воинской корпорации дух интеллигентности», где «появились офицеры-гуманисты с альтруистическим чувством долга, совестью и толерантностью, благоговением перед наукой и культурой». Разглядел он интеллигентов и среди декабристов, отнеся к таковым учредителей литературного кружка «Зеленая лампа» и членов Союза благоденствия Якова Толстого, Федора Глинку и Сергея Трубецкого.

Вторую половину этой эпохи¹, во время которой, собственно, и начался процесс формирования реальной, а не выдуманной Соколовым русской интеллигенции, мы рассмотрим в следующей главе.

¹ Здесь, как и ранее, используется периодизация эпох по Соколову.

Поведем итог его поисков за период с IX по начало XIX века. Интеллигентов оказалось: Император – один; Великие князья – четыре; святые, в земле русской просиявшие, – шесть; а также десятки бояр, дворян, духовных лиц, основателей научных направлений, Академий, библиотечного дела, историков, историографов, писателей, поэтов и даже «офицеров-гуманистов». Воистину, нужно обладать богатой фантазией, чтобы объединить всех этих персонажей в единую, пусть и виртуальную социальную группу, да еще и объявить духовными родственниками современных интеллигентов.

Можно с уверенностью утверждать, что вынесенное в эпитафию изречение Конфуция очень точно отражает содержание научных поисков профессора Соколова. Конечно, понять его можно. Как истинный интеллигент, он стремится доказать значимость своей социальной группы для духовного развития русского общества. Чтобы придать ей вес, профессор выбирает наиболее известные и почитаемые в народе фигуры и причисляет их к лику Интеллигенции.

Его совершенно не смущает, что, по его же собственному утверждению, «палеокультурные поколения русской интеллигенции... никогда себя интеллигенцией не считали», да и, добавлю, слова то такого никогда не слыхивали. Для него «главная задача ... рассеять распространенное заблуждение, что русская интеллигенция появилась в середине XIX века, поскольку ранее слова «интеллигенция» не было в русском языке. Да, слова не было, но интеллигентные люди были!»

Логика железная! Чтобы ее развенчать, воспользуемся таким простым приемом, как аналогия. Например, сейчас существует достаточно многочисленная группа музыкантов, прошедших через ВИА «На-На», получившая в народе довольно устойчивое имя – нанайцы. Интересно, найдется ли ученый, который объявит, что нанайцы, проживающие на берегах Амура и его притоков, это вовсе не нанайцы, что это псевдоним, а истинных нанайцев будет искать среди древних гусяров и скоморохов, используя концепт нанайца как творческого человека, благоговеющего перед Музыкой и Бари Алибасовым? Вы скажете: «Что за бред?!» А палеокультурная интеллигенция чем-то лучше?

Конечно, если бы интеллигенция была бы сословием, то есть группой людей с одинаковыми правами и обязанностями, передающимися по наследству, или классом, объединяющим людей по месту в системе общественного производства, то все было бы гораздо проще. Вряд ли кому-то пришло бы в голову объявить, что рабочий класс – это псевдоним, и начать искать настоящих рабочих в глубине веков по концепту необразованного и некреативного человека, благоговящего перед Киркой и Лопатой, с основной социальной функцией быть могильщиком буржуазии.

Дефиниция классов и сословий достаточно формализована, однозначна и не допускает различных толкований. В то время как другие социальные группы – материя достаточно тонка. А где тонко, там, как известно, и рвется!

У многих социальных групп границы достаточно размыты, признаки не всегда очевидны. Это и дает простор для творческой фантазии, которую часто называют грубым словом научная спекуляция.

Но мы не будем столь требовательны и грубы. Нужно с пониманием относиться к трудам интеллигенции, посвященным самой себе. Никому же не придет в голову назначать на матч арбитра из той страны, которая участвует в соревновании, и требовать от него объективности.

Представляю, что бы ответил Сергей Радонежский, если бы профессор сообщил ему, что преподобный принадлежит к равноапостольной Интеллигенции, определяющей нравственные нормы его русских духовных чад. Наверное, он осенил бы себя крестным знаменем и воскликнул: «Чур, меня! Чур! Изыди искусситель дьявольский!»

А как бы удивился Великий князь Киевский Владимир Мономах, с лермонтовским «упоением в бою» рубивший половецкие головы, если бы узнал о своем палеоинтеллигентном «смиреномудрии и долготерпении».

Ну и, наконец, высший полет социологической мысли – причисление к лику интеллигентов императрицы Екатерины II. Нет никаких сомнений, что, как истинный интеллигент, она свергла и убила мужа, руководствуясь «чувствами совести и стыда и эмоциями сострадания».

Подведем итог. Рассмотренная работа Аркадия Соколова является ярким примером субъективного идеализма. Виртуальная интеллигенция существует только в мозгу ее автора. Реальной же интеллигенции, по его мнению, вообще нет. Те социальные группы, которые нагло называли себя интеллигенцией, на самом деле самозванцы. Священное же имя «Интеллигенция» для них – псевдоним.

Отдельные представители «истинной» интеллигенции назначаются самим профессором. Правда, назначаются на основании разработанной им строгой научной классификации. Основой классификации является деление людей на социальные типы, образуемые различными сочетаниями этических параметров.

Само по себе выделение социальных типов по тем или иным признакам достаточно плодотворно. Не вызывает сомнений и разделение российского интеллектного слоя (по Соколову) или интеллектуальной элиты в общепринятом определении на интеллигенцию и просто интеллектуалов. Но идеализм профессора проявляется в том, что к интеллигенции он относит только социальные типы, обладающие различным сочетанием положительных или нейтральных этических параметров, в то время как интеллектуалам достаются отрицательные.

В реальности же в любой социальной группе всегда присутствуют все возможные поведенческие типы, меняются только их пропорции. Поэтому любая попытка приписать той или иной группе набор строго определенных этических параметров является ее идеализацией. Отсюда и возникает «виртуальность».

По-видимому, профессор и сам понимает шаткость своей позиции, поэтому заявляет: «Только в абстракции может мыслиться ... «интеллигенция как виртуальная группа», реально же существуют конкретные, функционально специализированные ... профессионально (граждански, религиозно) определившиеся интеллектуальные группы. Именно реальные интеллектуальные группы оказывают влияние на общество и взаимодействуют с властями».

Ну что же – это уже ближе к жизни. Осталось сделать последний шаг. Отбросить все эти виртуальные глупости и определить место интеллигенции среди реальных интеллектуальных групп.

Но как не заблудиться в этом царстве теней, именуемом социальной структурой общества? И только ли социальными отношениями определяется феномен русской интеллигенции? Думаю – путеводной звездой для нас в этом вопросе станет системный подход.

Еще раз подчеркнем, что под социальной группой понимают любую объективно существующую устойчивую совокупность людей, связанных системой отношений, регулируемых формальными или неформальными социальными институтами, и осознающих свою принадлежность к данной группе, а также признающих членами этой группы с точки зрения других. Поэтому никаких виртуальных групп социология не знает.

Многочисленные социальные группы и субкультуры постоянно рождаются и умирают. Их появление обуславливается сочетанием различных факторов. Так случилось, что в России в середине XIX века группа образованных и креативных людей самоорганизовалась в неформальную референтную¹ социальную группу и самоидентифицировалась, получив устойчивое имя – интеллигенция.

Поэтому миф и о ее древности – не более чем миф! А то, что она сформировалась под воздействием сочетания факторов, имевших место именно в России того времени, говорит о том, что интеллигенция, и здесь мы соглашаемся с Лихачевым, – это явление чисто русское. А изначальная неформальность объединения на базе общей системы ценностей, норм и оценок не допускает надконфессиональности интеллигенции.

Но, впрочем, достаточно утомлять читателя развенчанием очевидной нелепости. Перейдем, наконец, к рассмотрению вопроса по существу. При этом, чтобы устранить все вышеописанные проблемы и недоразумения, попробуем рассмотреть феномен русской интеллигенции в русле системного подхода с привлечением не только социологии, но и этнологии.

¹ Референтная группа – это социальная группа, система ценностей, норм и оценок которой служит для входящего в нее индивида эталоном.

Глава 2. Истоки

Как сладостно Отчизну ненавидеть!
И жадно ждать ее уничтоженья!
И в разрушении Отчизны видеть
Всемирную десницу возрожденья.

Владимир Печерин

По поводу русской интеллигенции и ее роли в истории написаны сотни работ. Главным недостатком большинства из них является отсутствие четкой дефиниции этого понятия. Интеллигенция, как змея, ускользает из рук исследователя. Поэтому все попытки обвинить ее в чем-либо натываются на проблему – является ли тот или иной исторический персонаж членом этой замечательной социальной группы. Попытке устранить этот пробел и посвящена данная работа.

Если оставить в стороне сказки о былинных богатырях-интеллигентах, то реальная интеллигенция, как особая социальная группа, зародилась в конце 40-х годов XIX века, самоидентифицировалась в 60-ых и вышла на историческую сцену, прежде всего, в виде движения народников. Естественно, рождению предшествовал некоторый «инкубационный» период, когда социальная группа уже формировалась, но еще не идентифицировалась.

Но, прежде чем определять характеристики этой социальной группы, рассмотрим исторические условия, при которых она возникла. Начнем с важнейших.

Русский этнос в XIX веке вступил в фазу надлома. Признаком наступления этой фазы является изменения стереотипа поведения его членов, императив которого теперь формулируется как: «Главное, чтобы не так, как было!».

Первым проявлением наступившей фазы можно считать восстание Декабристов в 1825 году. В дальнейшем возникающий в этой фазе раскол единого этнического поля только углублялся, затрагивая все слои русского общества.

Фазу надлома проходят все этнические системы, и в этом ничего уникального нет. Уникальность заключалась в том, что русский этнос вступил в эту фазу в соседстве с западно-христианским суперэтносом, находящимся в конце

инерционной фазы, в эпоху расцвета материальных сил. Он значительно обогнал Россию в экономическом и научно-техническом развитии и, особенно, в области гуманитарных наук.

Наличие философских идей, исходящих от более успешного во многих отношениях соседа. Практически полное отсутствие собственных. Страстное желание немедленных перемен, характерное для фазы надлома. Все более углубляющийся духовный раскол. Все это стало тем историческим фоном, на котором формировалась русская интеллигенция.

Были еще две менее существенные, но все же, достаточно значимые предпосылки рождения этой социальной группы, во многом определившие ее облик. Во-первых, значительный рост числа образованных разночинцев, наблюдавшийся с середины XIX века. Во-вторых, предшествовавший этому бурный расцвет масонских лож, имевший место в России со второй половины XVIII века до первой четверти XIX века.

История масонства в его современном понимании, столь тесно переплетенная с современной историей России, ведется с XVII века. Но вся символика и ритуалы указывают на глубинную связь «вольных каменщиков»¹ с древними еврейскими каббалистическими сектами. А их история насчитывает не одно тысячелетие. Непосредственными предшественниками современных масонов многие исследователи считают Орден Тамплиеров. Он возник в Палестине в результате крестовых походов, где тамплиеры могли вступить в контакт с каббалистами.

В 1731 году первая, документально зафиксированная масонская ложа появилась и в России. Вначале в ее состав входили в основном иностранцы, и руководилась она из английского центра. Но очень скоро появились ложи, состоявшие целиком из высокородных русских аристократов, а руководящий центр переместился в Германию. Одним из первых русских масонов стал Президент иностранной коллегии барон Петр Шафиров.

¹ слово масон, MASON в английской транскрипции, означает каменщик.

Во времена Елизаветы количество русских масонов непрерывно росло, а при Екатерине II на территории России действовали масонские ложи уже трех систем: немецкой, шведской и английской. В 1777 году, в ложе шведской системы был посвящен в масоны наследник престола, Павел Петрович. В России было создано девять лож шведской системы, а часть уже существующих лож перешла под ее контроль. Таким образом, многие видные государственные деятели оказались в подчинении у шведского короля, главы шведских масонов.

Узнав об этом, Екатерина в 1779 году запретила деятельность масонских лож шведской системы. Руководство российскими масонскими ложами перешло к германской системе. В 1782 году Великая Национальная ложа России стала восьмой провинцией немецкой системы «Строгого чина», гроссмейстером ордена которой был герцог Фердинанд Брауншвейгский.

Познакомившись поближе с деятельностью вольных каменщиков и их уставом, императрица задалась простым вопросом. А можно ли считать людей, приносящих присягу Ордену, деятельность которого направляется из-за границы, благонадежными подданными? И в 1782 году, когда Екатерина почувствовала себя уже достаточно уверенно на троне, наиболее влиятельные масоны-придворные были удалены от дел.

Затем случилась кровавая вакханалия во Франции, участие в которой масоны не только не срывали, но всячески подчеркивали свою решающую роль. Все это сильно подействовало на Екатерину. В 1792 году было проведено следствие, за которым последовал указ о строжайшем запрещении масонских лож. Масоны ушли в «подполье». Но ни одна ложа не прекратила свою деятельность, ни один масон высоких степеней не пострадал. Все стрелки были переведены на выдающегося русского просветителя и книгоиздателя Новикова. Он и был «разоблачен» каменщиками на следствии как главный масон и враг Отечества. Суд над Новиковым и уход основных «каменщиков» от ответа продемонстрировал, что масоны уже тогда начали приобретать серьезное влияние во всех государственных органах.

После воцарения Павла I, «каменщики» вновь получили свободу деятельности. Но Павел не оправдал надежд «братьев». Едва укрепившись на престоле, уже в 1797 году он подтвердил запрет деятельности масонских лож и удалил от себя видных масонов-царедворцев, провозгласив курс на возрождение народного самодержавия.

Но «братья» не сидели сложа руки, и в 1801 году Павел был убит в своем новом Михайловском замке. На престол взошел отцеубийца Александр I, царствование которого стало золотым веком русского масонства.

Придя к власти в результате масонского заговора, Александр вынужден был разрешить открытую деятельность лож «вольных каменщиков» и даже сам принял посвящение. Старые ложи вышли из подполья, начали интенсивно создаваться новые. Причем наибольшее влияние в России постепенно получают ложи Великого Востока Франции. Масонство становится модным увлечением высшего света, а салонные вечера превращаются в заседания лож. Но теперь уже, кроме высшей аристократии, в ложи в больших количествах устремляются мелкие чиновники, деятели культуры и прочие разночинцы. Кроме моды, их привлекала туда возможность общаться «на равных» с сильными мира сего, а также карьерные интересы. Засилье масонами высших государственных должностей практически лишало человека, не состоящего в «братствах», возможности продвинуться по службе.

Мировое масонство является типичным примером антисистемы, то есть секты с негативным мировоззрением, для которой ложь является принципом существования. Поэтому нужно с большой осторожностью относиться к информации о масонских ложах, так как всегда существует вероятность того, что она инспирирована самими масонами.

Масоны всячески стремились создать о себе впечатление безобидной организации с архаичными ритуалами и благородными, хотя и несколько наивными целями. Для поддержания этого имиджа создавалось большое число мелких и якобы независимых лож с членами низших ступеней посвящения. Туда привлекались наиболее талантливые и известные члены общества, художники,

поэты, музыканты. Занимались они исключительно «просветительской» деятельностью и «улучшением нравов». Для привлечения таких членов использовалась естественная человеческая любознательность и накопленные масонами огромные знания в области управления людьми и манипулирования сознанием.

Получив при Александре право легальной деятельности, масоны взяли под контроль и создали вновь множество общественных просветительских и благотворительных организаций. Под прикрытием этой благородной деятельности они развернули масштабную работу по разрушению духовных основ уже всего русского народа, постепенно вырывая своих последователей из русской этнической системы. Особенно большой урон нанесла деятельность созданного в Англии Библейского общества. Оно под видом изучения Библии занималось подрывом основ православия и распространением масонских идей. Ближайший помощник Александра, иллюминат Михаил Сперанский для разрушения православия изнутри планировал создать специальную ложу, в которую должны были приниматься «наиболее способные из духовенства».

Сильно было влияние масонов и среди преподавателей сети всесословных уездных школ и губернских гимназий, созданной в 1804 году по указу Александра. Благодаря этим преподавателям масонские идеи стали проникать и в другие слои общества. Крупнейшими рассадниками масонства естественно стали университеты, как старый, так и созданные при Александре. Дело дошло до того, что Сперанский предложил Государю идею объединить все ложи в пирамиду, на вершине которой в качестве Мастера Великой ложи должен был встать сам Александр.

Казалось, что «каменщики» близки к тому, чтобы взять государство под свой контроль. Но нужно отдать должное Александру I. В 1822 году он решил издать указ о запрете всех тайных и, прежде всего, масонских организаций.

Масоны «серьезных градусов» перевели свои ложи в «спящий режим». В нем они и пребывали, дожидаясь своего часа, который наступил в начале XX века. Радикальные масоны ответили восстанием Декабристов. Большинство же,

для которого членство в ложах было только приятным время препровождением, прекратило свою «тайную» деятельность.

Но длительная масонская пропаганда оставила глубокий след в умах «передовых слоев» русского общества и заложила такие черты будущей интеллигенции, как презрение и отрицание всего национального, русского. Здесь можно согласиться с мнением профессора Соколова, что «масоны – родоначальники этической субкультурной традиции в русской интеллигенции», Также как и с мнением религиозного философа Василия Зеньковского, заметившего: «В русском масонстве формировались все основные черты будущей «передовой» интеллигенции». Можно сказать, что из этого масонского бульона и выросла русская интеллигенция, которой предстояло сыграть такую большую и трагическую роль в истории России на рубеже XIX-XX веков.

Как же могло случиться, что масонство так легко и быстро сумело проникнуть в высшие слои русского общества. На мой взгляд, кроме отмеченного выше колоссального опыта, накопленного масонами в управлении человеческим сознанием, главная причина кроется в антинациональной направленности ранних реформ Петра I. Они оказали максимальное влияние именно на столичное дворянство. Воспитываемые на презрении ко всему народному, утратившие национальные корни отпрыски аристократических семей легко попадали в сети опытных масонских «просветителей». Фонвизинские «петиметры», гордившиеся тем, что «батюшка русский язык не любил, а я его и вовсе не знаю», заполняли свой духовный вакуум оккультизмом. Тем более что внешне это выглядело вполне безобидно. Масоны в России всячески подчеркивали, что условием вступления в их ряды является верность православию.

Вообще, многократно упомянутая уникальность России проявилась и здесь. В конце XVIII и в первой половине XIX века родным языком для русской аристократии стал французский язык. На нем они общались, писали и думали. Для них он был родным, впитываемым с «молоком матери». И только для общения с прислугой и «чернью» нанимались учителя из образованных разночинцев, обучавших отпрысков основам русского языка.

Презрение к «чуждому» языку черни, естественным образом воспитывало и презрение к его носителям. А под влиянием масонского «просвещения» это презрение легко трансформировалось в презрение и ненависть уже ко всему Отечеству и его государственным институтам.

Абсурдность ситуации ярко проявилась во время Отечественной войны 1812 года. Народные партизаны побили немало русских офицеров, в темноте принимая их за французов, так как те неосторожно общались на чужом языке. В армии было даже издано распоряжение, запрещающее при рейдах по тылам общаться по-французски. Но даже когда многие гусары пытались обращаться к партизанам на русском, то говорили с таким чудовищным акцентом, что мужики принимали их за врагов. Еще один парадокс. Многие декабристы, «борцы за народное счастье», на следствии давали показания на французском, так как по-русски писать не умели.

И только гений Пушкина и Гоголя спасли русский язык от полного забвения правящим классом. А затем появился и стал все больше расширяться слой читающей и пишущей публики из разночинцев. В отличие от дворянства, думали и писали они на русском языке, хотя французский многие тоже знали. К этому добавилась политика Николая I, разрешавшего издавать газеты и журналы только на русском языке. Да и разгромленная наполеоновская Франция стала терять свой международный авторитет и притягательность для русской аристократии. К тому же небывалый патриотизм простого народа, проявленный во время войны, не даром названной Отечественной, вызывал у аристократии невольное уважение. А вместе с ним стало возвращаться и уважение к русской культуре. Все это постепенно вернуло наш родной язык в аристократические дома. И к середине XIX века русский язык, как это ни странно звучит, вернул себе статус родного для русской элиты. Хотя французский еще долго оставался вторым основным.

Вместе с разгромом масонских лож, были отстранены от преподавания и наиболее известные профессора философии. А с 1826 по 1835 годы чтение курсов философии в Московском университете было вообще запрещено. Но инте-

рес к философии запретить было уже нельзя. Только центр интереса переместился из университетов в философские кружки.

Первый такой кружок, «Общество любомудрия» возник практически сразу после закрытия масонских лож, в 1823 году. Среди его членов были: князь Владимир Одоевский, будущий сенатор и основоположник русского музыкознания; Иван Киреевский, будущий теоретик славянофильства; Александр Кошелев; Сергей Шевырев, будущий декан Московского университета. Общество по-

Владимир Одоевский
1804-1869

сещали также Алексей Хомяков, будущий основоположник славянофильства и Михаил Погодин, будущий профессор Московского университета. Все они были очень молоды (Погодину было 23, остальным от 17-ти до 19-ти лет) и чрезвычайно амбициозны. Также следует отметить, что все они, опять-таки за исключением Погодина, были дворянами.

Кошелев позднее рассказывал: «Новое общество собиралось тайно, и об его существовании мы никому не говорили... Тут господствовала немецкая философия, то есть Кант, Фихте, Шеллинг и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких любомудров... христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний».

Можно вполне понять и простить этот юношеский максимализм, тем более что ни на самих участников, ни на российское общество в целом, эти любомудрствования существенного влияния не оказали. Любопытно, что, несмотря на юношескую увлеченность немецкой классической философией, все они, за исключением Одоевского, в зрелые годы стали славянофилами.

С конца 20-х годов центром брожения общественной мысли становится Московский университет. В нем появляются первые профессора, сторонники

философии Шеллинга. Сначала Михаил Павлов, а в 1830 году и Николай Надеждин, пытались распространять ее среди студентов всеми доступными способами. Причем Павлов был одним из первых в многочисленной плеяде будущих профессоров университетов, направлявшихся на стажировку в Европу. Там они должны были «повышать квалификацию», но вместе с ней привозили «мятежный дух свободной

философской мысли».

Последствия распространения «мятежного духа» не заставили себя долго ждать. В 1827 году среди студентов Московского университета возник революционный кружок братьев Критских, состоявший из разночинцев. В том же году он был разгромлен полицией. В 1830 году студент Московского университета, ученик Надеждина, Весса-

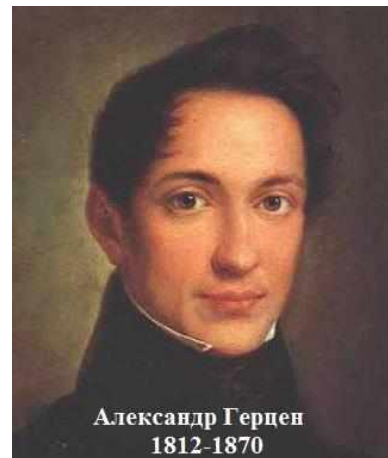
рион Белинский организовал студенческий философский кружок. И в нем практически все члены также были разночинцами.

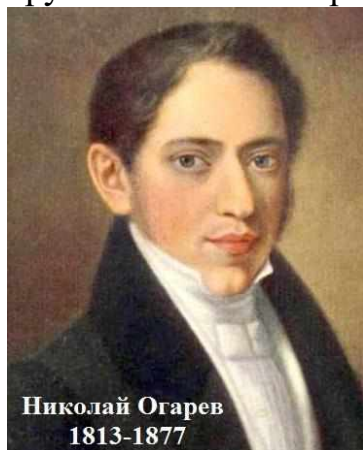
В 1831 году для пропаганды своих философских идей, Надеждин открыл журнал «Телескоп». И в том же году, снова среди студентов Московского университета дворянского происхождения, возник радикально-революционный кружок Николая Сунгурова, также быстро разгромленный.

Напуганное ростом революционности своих студентов, начальство московского университета «на всякий случай» закрыло и литературно-философский кружок Белинского, а самого его исключило из университета.

Но, едва был разгромлен кружок Сунгурова и закрыт кружок Белинского, как в университете возник новый кружок. Он формировался вокруг 19-ти летнего Александра Герцена и 18-ти летнего Николая Огарева. Хотя среди его членов студентами были не все. В отличие от революционных кружков братьев Критских и Сунгурова, этот кружок был умеренно политическим. В нем обсуждались идеи утопического социализма. Все одиннадцать его членов были дворянами. В 1834 году

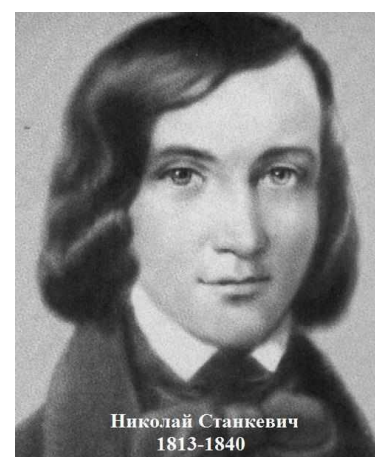
кружок также был разгромлен из-за распространявшихся там памфлетов на Императора. Двое его членов были помещены в тюрьму и вскоре умерли. Остальные были отправлены в ссылку. Никто из них, кроме Герцена и Огарева, сколько-нибудь заметного влияния на процесс «брожения умов» в России того времени не оказал.

Наконец, в 1832 году, и опять в основном из студентов Московского университета, вокруг 19-ти летне-

го студента Николая Станкевича возник самый знаменитый литературно-философский кружок. Он оказал наибольшее влияние на развитие философской мысли в России того периода.

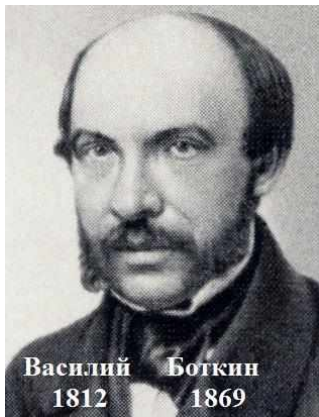
Поначалу этот кружок мало отличался от других кружков московского университета. В нем юные студенты восторгались учением Шеллинга, так как Станкевич тоже был учеником Надеждина. Среди его участников в будущем известность приобрел только поэт и публицист Константин Аксаков.

Но, в отличие от других, этот кружок просуществовал до 1839 года и в разное время его членами были такие известные западники, как: Белинский; Тимофей Грановский; Михаил Бакунин, будущий идеолог анархизма; Василий Боткин, литературный критик; Иван Тургенев, буду-

ший великий писатель. Кроме того, в кружок входил Михаил Катков, будущий консерватор и основоположник русской политической журналистики. Посещали кружок и будущие славянофилы Иван Киреевский и Юрий Самарин.

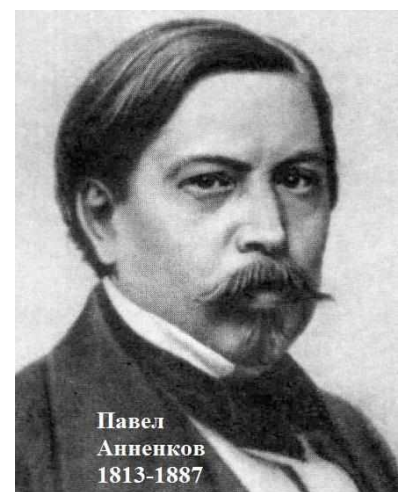
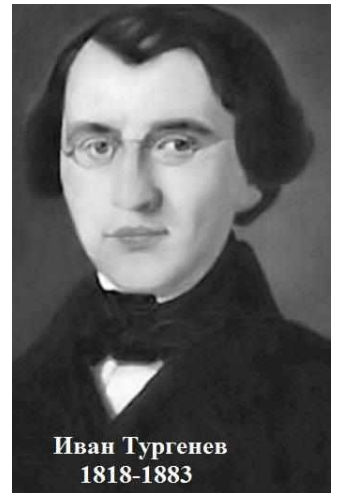
Аксаков, вспоминая о кружке Станкевича, отмечал, что «в этом кружке вырабатывалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу... воззрение большей частью отрицательное». А мемуарист Павел Анненков в работе «Замечательное десятилетие» вспоминал: «Белинский ещё не вносил ни малейшего раскола в тот молодой кружок, сформировавшийся в начале 30-х годов под сенью Московского университета... Зародыши различных и противоборствующих мнений

уже находились в нём...но зародыши эти ещё не приходили в брожение и таились до поры до времени за дружеским обменом мыслей, за общностью научных стремлений. Достаточно вспомнить, что Аксаков был тогда германизирующим философом, не менее Станкевича. Киреевский – завзятым европейцем и западником, не уступавшим Грановскому».

Следует отметить, что все члены этого кружка, как и всех предыдущих кружков, были достаточно молоды. Даже на момент его распада в 1839 году, никому из них не было и тридцати. А большинству не было и двадцати пяти – для философа возраст юный. Но в отличие от других кружков того периода, в нем впервые наблюдалось сословное смешение. Разночинцы Белинский, Боткин и Катков участвовали в философских дискуссиях наравне с дворянами.

В 1836 году в кружок Станкевича буквально врывается, как писал Анненков, «молодой отставной артиллерийский офицер Михаил Бакунин... он не

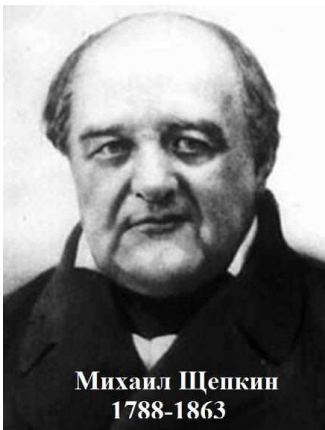

знал, что делать с собой и наткнулся на Станкевича, который, угадав его способности, засадил за немецкую философию». В результате яркий пассионарий Бакунин сумел передать всем участникам кружка, и прежде всего Белинскому, «упоение гегелевской философией». Шеллинг был отставлен и теперь «человек, не знакомый с Гегелем, считался кружком почти что не существующим человеком». Самым пламенным поклонником Гегеля, как еще недавно не менее ярким сторонником Шеллинга, стал Белинский. При этом немецким он не владел и знал о философии Гегеля только из довольно произвольных пересказов Бакунина. Также как до этого он познакомился с философией Шеллинга из рассказов Станкевича.

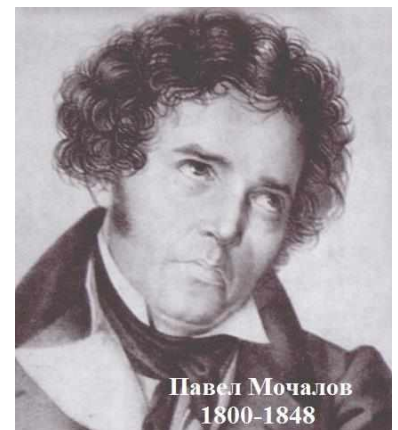

Несколько особняком от революционных и философских кружков студентов Московского университета стоял литературный кружок Николая Селивановского. Хотя его организатор в 1927 году тоже закончил Московский университет.

Среди его членов был уже знакомые нам Михаил Погодин и Василий Боткин, поэт Алексей Кольцов, писатели Федор Кони и Николай Полевой, художник Карл Рабус, композитор Александр Варламов, знаменитый хирург Федор Иноземцев, профессор Московского университета Дмитрий Крюков, знаменитые артисты Михаил Щепкин и Павел Мочалов и многие другие. Бывал там и Белинский. И этот кружок также носил сословный характер, так как в основном состоял из разночинцев.

Прежде чем продолжить рассмотрение развития философской мысли в России, необходимо дать определение понятию ее основных носителей – раз-

ночинцев. Разночинцами называлась межсословная категория лиц, не принадлежащая ни к одному из установленных сословий: дворянству, духовенству, купечеству, мещанству или крестьянству.

До XIX века к разночинцам относились в основном низшие придворные и стацкие служители, а также отставные солдаты и их дети, не записавшиеся в купечество или мещанство. Также к разночинцам относились дети личных дворян и выходцы из духовенства, не ставшие священнослужителями.

Но к середине XIX, благодаря развитию сети сословных гимназий, а также университетов, значительную долю разночинцев стали составлять выходцы из духовенства, купечества, мещанства, крестьянства и мелкого чиновничества, получившие образование, но не поступившие на государственную службу. Именно эти образованные разночинцы, освоившие профессии врача, учителя, журналиста, переводчика, публициста, писателя, художника, композитора, стали основой для формировавшейся русской интеллигенции.

Так как важнейшую роль в формировании интеллигенции сыграли университеты, особенно Московский, необходимо бросить взгляд на состояние и развитие университетов в России XIX века.

В 1802 году было создано министерство народного просвещения, которое провело реформу образования. Она привела к появлению широкой сети сословных приходских и уездных школ и губернских гимназий. В дополнение к Московскому университету были открыты университеты в Дерпте (Тарту, 1802), Вильно (1803-1831), Казани (1804), Харькове (1805), Санкт-Петербурге (1819) и, соответственно, создано шесть учебных округов во главе с этими университетами.

Была поставлена задача. Привлечь в университеты способную дворянскую молодежь с целью подготовки кадров для замещения все возрастающего числа должностей государственной службы. С этой целью выпускникам и преподавателям присваивались определенные ранги (классы). Так, успешно выдержавшим выпускные экзамены присваивался 12-ый класс, магистрам — 9-

ый, адъюнктам и докторам — 8 класс, профессорам — 7-ой. При том, что уже девятый класс давал право на получение личного дворянства.

Но этот стимул больше привлекал разночинцев. Поэтому и преподаватели, и студенты в первой четверти XIX века в основном были разночинцами. При этом количество их было крайне мало. К началу реформы, в Московском университете было всего 64 студента и 13 профессоров. И хотя к 1819 году, к моменту завершения создания округов, численность студентов существенно выросла (в Московском университете — 605 студентов, в других — значительно меньше), но для такой большой страны это число было все еще крайне мало.

Дворяне по-прежнему не хотели отдавать своих детей в университеты, предпочитая пажеские и кадетские корпуса, а также дворянские лицеи. Учиться в университетах вместе с разночинцами, где профессорами в основном были бывшие семинаристы, они не желали.

Нехватка преподавательских кадров в университетах стояла очень остро. Поначалу ее пытались решить за счет иностранных профессоров. Более шестидесяти иностранцев было приглашено в Россию и распределено по всем университетам. Но, как известно, что русскому хорошо — то немцу смерть. Очень скоро почти все они оказались в Дерпте. После чего Дерптский университет расцвел, превратившись в крупный научный центр и кузницу преподавательских кадров. А другие университеты по-прежнему прозябали.

И тогда министру народного просвещения, графу Сергею Уварову пришла в голову интересная мысль. Для пополнения преподавательских кадров направлять заканчивающих университеты наиболее способных юношей из обедневших дворянских родов на стажировку за границу. Отправлялись они в основном в Берлинский университет, бывший в то время образцом классического университета.

Всего с 1829 по 1847 год за границу было отправлено 92 будущих преподавателя, из них в Берлинский университет — более 60-ти. Помимо этого, для повышения престижа преподавателей, были существенно повышены оклады профессоров и адъюнктов.

Благодаря этим командировкам, проблема преподавательских кадров была практически решена. Но если бы Сергей Семенович знал, чем все это закончится, он, наверное, прострелил бы голову, в которую пришла столь «счастливая» мысль.

Тем не менее, престиж университетов был повышен, и число студентов в них стало постоянно расти. В 1836 году численность студентов во всех университетах достигла 2-х тысяч, а в 1848 – уже 4-х тысяч. При этом значительная часть студентов по-прежнему составляли разночинцы. Благодаря этому доля образованных разночинцев, осваивающих свободные профессии, непрерывно росла. А общее число разночинцев к 1850 году достигло 200-сот тысяч человек. Хотя дети отставных солдат по-прежнему составляли большинство.

О материальном положении тогдашней профессуры можно судить по картине художника Николая Подключникова, изображающей дружескую

встречу профессоров Московского университета на квартире декана медицинского факультета Алексея Филомафитского.

На картине слева направо: Григорий Сокольский (1807-1886) - профессор терапии; Филомафитский (1807-1849) - профессор физиологии; Петр Редкин - профессор законовещения и правовещения; Дмитрий Крюков (1809-1845) - профессор древней истории и римской словесности; Федор Иноземцев (1802-1869) - профессор практической хирургии.

Как мы помним, преподаватели командировались за границу и ранее. Еще в 1820 году упомянутый нами профессор Московского университета Михаил Павлов «привез» из Германии в Россию философскую систему Шеллинга.

Но тогда это были единицы. Теперь же среди стажеров были такие будущие знаменитости, как: хирурги Николай Пирогов и Иноземцев; известный правовед Федор Мильгаузен; химик Александр Воскресенский; математик Петр Котельников; физик Василий Лапшин; экономист Александр Чивилев; историк Михаил Куторга; правоведы Петр Калмыков и Никита Крылов.

Все они стали прекрасными преподавателями, учеными, специалистами, внесшими значительный вклад в науку и образование. Но для нашей темы интересны другие стажеры: филологи Владимир Печерин, Крюков и Михаил Катков; историки Грановский, Михаил Лунин и Сергей Соловьев; правовед Редкин, а также писатель Тургенев. К ним можно добавить Ивана и Петра Киреевских, Константина Аксакова, Василия Боткина, Огарева, Бакунина и Станкевича, которые выезжали на учебу в Берлинский университет за свой счет.

Именно эта группа молодых мыслителей привезла из-за границы увлеченность духом вольтерьянства и западными идеями: рационализмом, эмпиризмом, позитивизмом, гуманизмом, либерализмом. Немецкая классическая философия стала властительницей их неокрепших умов.

Подведем промежуточный итог. В результате петровских реформ и более чем полувекового засилья масонских лож, интеллектуальный слой русского дворянства оказался оторван от родной почвы. Для некоторой его части, пропитавшейся западными идеями, духовной родиной, по меткому выражению фило-

софа Виктора Аксютчица, стала «некая мифическая европейская культура, местонахождение которой – в искаженном сознании русских образованных людей». Эта часть дворянства и стала одной из составляющих будущей русской интеллигенции. Другая ее составляющая сформировалась из части разросшегося слоя образованных разночинцев. В отношении западных ценностей эти разночинцы во всем подражала нашему «европейскому» дворянству. А уж по степени ненависти к своей Родине, часто даже и превосходили.

И все это наложилось на доминирующий стереотип поведения фазы надлома, для которого характерно стремление к немедленным и радикальным переменам.

Но в 30-е годы эти два сословных субстрата существовали еще отдельно. Вспомним, что большинство кружков этого периода создавались по сословному признаку. Для слияния их в единую социальную группу должно было возникнуть классическое противостояние по принципу «свой – чужой». Необходим был внешний враг, в схватке с которым и рождаются новые общности.

И в 40-е годы схватка началась! Это десятилетие известно нам как период борьбы западников и славянофилов. Повзрослевшие поклонники классической немецкой философии, в юности вместе преклонявшиеся перед западной культурой и наукой, теперь разделились на два непримиримых лагеря. Для решающей битвы обе стороны объединились в два кружка. Западники – в возникший к 1840 году кружок Белинского. Славянофилы – в свой одноименный кружок.

В кружок Белинского входили: Кавелин, Герцен, Огарев, Анненков, Василий Боткин, издатели Николай Языков и Евгений Корш, поэт Владимир Соллогуб и многие другие, менее известные персонажи. Какое-то время к этому кружку примыкали будущие писатели Достоевский и Иван Гончаров. Идеи западников в то время разделяли Грановский, Тургенев, Крюков, Редкин, Сергей Соловьев, публицист Николай Майков, издатель Андрей Краевский, критик Иван Панаев, эконо-

мист Владимир Милютин и многие другие. К ним можно отнести и редактора журнала «Современник», поэта Николая Некрасова.

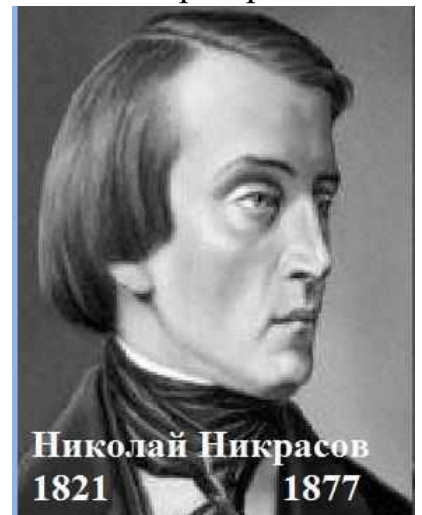

Владимир Соллогуб
1813-1882

Главным изданием западников сначала был журнал «Отечественные записки», где редактором с 1839 года был Краевский, а главной звездой – Белинский. Но в 1847 году Белинский уходит в «Современник» к Некрасову и Панаеву. И с этого момента главным рупором западников становится именно этот журнал.

В кружке славянофилов, вокруг его идеологов Хомякова и Ивана Киреевского, объединились уже известные нам братья Аксаковы, Самарин, Погодин, Кошелев, Шевырев, а также Петр Киреевский, Дмитрий Валуев, Иван Беляев и князь Владимир Черкасский. Позднее к ним примыкали также известный поэт Аполлон Григорьев и драматург Александр Островский.

Главным печатным изданием славянофилов стал журнал Погодина «Московитянин», издававшийся с 1841 по 1856 годы. Ему на смену пришел журнал «Русская беседа» (1856-1860), принадлежавший Кошелеву и Ивану Аксакову.

Николай Некрасов
1821 1877

Удивительно, но все эти столь разные лица обоих лагерей имели одно общее. Практически все они в той или иной мере имели отношение к Московскому Императорскому университету. Это дает нам основание утверждать, что Московский университет фактически стал Alma mater русской интеллигенции.

И западники, и славянофилы призывали к немедленным переменам и, прежде всего, к отмене крепостного права. Но при этом славянофилы развивали собственные идеи. Они указывали на самобытность русского пути. А главной движущей силой называли православный народ, объединенный на общинных принципах. Фактически они отстаивали национально-либеральные идеи.

Западники собственных философских идей не имели. Они их, естественно, черпали у Запада. Но зато у них был «неистовый» Вессарион. В этот период Белинский в очередной раз «сменил вехи». Покончив с «разумной действительностью» Гегеля, он переходит от идеализма к материализму, атеизму, реализму и гуманизму, а под влиянием Герцена – и к социализму. Со всей энергией своей неистойвой природы он обрушивается на российскую действительность, противопоставляя ей «цивилизованный» западный мир. Как вспоминал Герцен: «Когда касались до его дорогих убеждений... он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль». Наиболее радикальным и практически последним его произведением стало знаменитое письмо Н. Гоголю, написанное в июле 1847 года, незадолго до смерти.

Первая работа в духе западничества, «Философическое письмо» крупного масона и философа Петра Чаадаева, была опубликовано в журнале Надеждина «Телескоп» еще в 1836 году. Чаадаев также был поклонником Шеллинга и «Высшего Разума». Объявив, что «водворение Царства божьего на Земле» осуществляется на Западе, Чаадаев видел спасение России в принятии католичества и отказе от православия.

После публикации журнал был закрыт, Надеждин сослан, а Чаадаев официально объявлен сумасшедшим. Но реакции славянофилов тогда не последовало – за отсутствием таковых на тот момент. А Чаадаев стал идейным знаменем западников. Но провозвестником западничества можно считать еще сподвижника Лжедмитрия I князя Ивана Хворостинина, который писал, что «в Москве людей нет, люд все глупый, жить не с кем, сеют землю рожью, а живут ложью». Также как и Чаадаев, он видел спасение России в переходе в католичество.

Формально, битва западников и славянофилов открылась в 1839 году статьей Алексея Хомяков «О старом и новом», в которой излагались основные

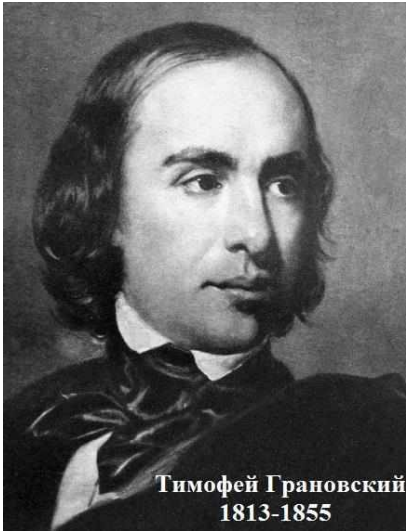
идеи славянофильства. Статья эта была написана для философских вечеров, устраиваемых в доме Ивана Киреевского. С этого момента и началось формирование, как самого идейного течения, так и кружка его носителей.

Битва разворачивалась не только на страницах журналов, но и в стенах университетов, прежде всего, в Московском. Здесь «молодые» профессора-западники во главе с Грановским вели борьбу за умы студентов со «старыми» профессорами-славянофилами Погодиным и Шевыревым. Завершилась она не в пользу последних. Популярность «западников» у студентов постоянно росла, а Погодина – падала. Видя это, Михаил Петрович решил применить запрещенный прием. В 1844 году, протестуя против «безграмотности» и «не патриотичности» молодых профессоров, он подал в отставку.

Погодин пользовался безоговорочной поддержкой министра просвещения Уварова. Поэтому он надеялся, что его будут уговаривать остаться, как это уже бывало раньше, а хотя бы часть его противников уволят. Но попечитель университета граф Строганов благоволил к его недругам. И отставка была неожиданно принята. С этого момента господство профессоров-западников стало безраздельным.

Но помимо противостояния по принципу «свой – чужой», для формирования новой социальной или этнической группы необходим был позитивный миф. Началом формирования этого мифа, по-видимому, можно считать 1847 год, когда в Московском Императорском университете произошел скандал, доселе неслыханный. Скандалу предшествовало вполне рядовое для России событие. Профессор Никита Крылов в полном соответствии с положениями «Домостроя» получил уму-разуму, то есть попросту поколотил свою жену. В процессе разбирательства выяснилось также, что Крылов еще и оказался взяточником. Что, как вы понимаете, у нас тоже не является чем-то необычным.

Но вдруг, совершенно неожиданно, группа профессоров (Грановский, Ка-

Тимофей Грановский
1813-1855

велин и Редкин) объявила Крылову бойкот. Они заявили, что по нравственным причинам отказываются работать вместе с ним и перестали ходить на лекции. Скандал был разрешен в традиционном для бюрократии русле. Взятчик Крылов был оставлен, а «бунтовщики»: Кавелин и Редкин – уволены. При этом был оставлен и Грановский, как не отработавший положенных 12-ти лет за казенную командировку в Берлинский университет.

На первый взгляд, конфликт этот был чисто бытовым. Жена Крылова была сестрой жены Кавелина, а Грановский и Редкин были его друзьями. Но едва за уволенными закрылись двери, как в студенческой среде родился миф о ярких ученых и педагогах, бескомпромиссных борцах с «тиранией», «творческих личностях, руководствующийся чувствами совести и стыда, эмоциями сострадания и благоговения перед Культурой и Наукой».

Константин Кавелин
1818-1885

Как ни странно, прототипом для этого мифа стали не уволенные профессора, а никак не пострадавший Грановский. Причем все попытки его ближайших знакомых развенчать этот миф, наткнулись на яростный отпор.

Петр Редкин
1808 1891

Так, выпускник Московского университета, историк Александр Афанасьев отмечал, что «Грановский был страшно ленив и не усидчив для строгих научных работ». Востоковед Василий Григорьев, однокашник Грановского по Петербургскому университету, утверждал: «Грановский в пансионе не выучился ничему... мало вынес и из университета, где студенты лишь зубрили по тетрадкам записи лекций случайных преподавате-

лей... не так уж много получил и во время командировки в Германию, ибо усвоение фразеологии Гегеля не заменяет подлинного знакомства с философией».

Развитию мифа способствовала и ранняя смерть Грановского. А авторы вышеприведенных воспоминаний подвергались обструкции со стороны прогрессивной общественности. И чем позже появлялись эти воспоминания, тем сильнее она была. Историк Александр Формозов пишет¹: «О Грановском помнит каждый русский интеллигент... Но что о нём помнят? Пожалуй, только то, что был такой популярный профессор, близкий к Герцену, Белинскому и любимый молодежью. Статьи его забыты прочно. Их и по числу немного, и по содержанию они мало оригинальны. Никакого влияния на медиевистику, как русскую, так и мировую, они не оказали».

На чем же тогда основывался миф о выдающемся ученом и человеке? По моему, хорошее объяснение дал Александр Герцен. «Его сила была... в положительном нравственном влиянии, в безусловном доверии, которое он вселял, в художественности его натуры, покойной ровности его духа, в чистоте его характера... Грановский сделал из аудитории гостиную, место свидания, встречи beau mond'a,» – пишет он в «Былом и думах».

Ему вторит ученик Грановского, историк Сергей Соловьев: «...лекции Грановского можно сравнить с изящной картиной, которая дышит теплотой, где все фигуры ярко расцвечены, говорят, действуют пред вами... в Грановском была неотразимая притягательная сила, которая собирала около него многочисленную семью молодых и немолодых людей... но и люди самые привязанные к нему должны были иногда с горем порицать его в глаза и за глаза: лень заставляла его закапывать свой блестящий талант; с необыкновенной легкостью проглатывая чужое и претворяя это чужое в свою собственность, Грановский с

¹ Формозов А.А. Рассказы об ученых. М.: Флинта. – 2011. – 124 с.

величайшим трудом мог заставить себя взять перо в руку... Грановский детей не имел. Это обстоятельство, разумеется, много способствовало его лени, беспечности; потом я уже сказал, что он был постоянно окружен толпой людей, с которыми весело было проводить дни, ночи, от остроумной, веселой беседы с которыми трудно было оторваться для кабинетного труда».

Да и сам Тимофей Николаевич любил напустить таинственности, постоянно намекая, как много он претерпел в борьбе за идеалы! Это его свойство весьма едко высмеял Достоевский в романе «Бесы» в образе Степана Тимофеевича Верховенского, прототипом которого и был Грановский.

Очевидно, что миф о Грановском отвечал потребностям определенной части общества. Этот миф, а вместе с ним и идеи западников, стали стремительно завоевывать умы студенческой молодежи. И именно на нем сформировалась молодежная субкультура, ставшая основой для устойчивой социальной группы, в дальнейшем известной под именем русская интеллигенция.

Восторженные прозападные настроения стали всеобщими. Анненков, присутствовавший на публичных лекциях Грановского в конце сороковых годов, отмечал: «Когда в заключение своих лекций профессор обратился прямо от себя к публике, напоминая ей, какой необъятный долг благодарности лежит на нас по отношению к Европе, от которой мы даром получили блага цивилизации и человеческого существования, – голос его покрылся взрывом рукоплесканий, раздавшихся со всех концов и точек аудитории». Для большинства образованной молодежи западная цивилизация становится вершиной человеческой истории, на задворках которой оказались русские.

Таковыми же рукоплесканиями сопровождалась и лекция профессора Михаила Лунина, который читал курс истории в Харьковском университете. Многие современники называли его вторым Грановским.

Надо признать, что битву за умы не только студенческой молодежи, но и всего мыслящего общества тогдашней России, славянофилы проиграли. Их

журналы не пользовались популярностью у читающей публики и к 1860 году закрылись. Некоторые идеи славянофилов нашли отражение в панславизме Николая Данилевского, пережившего взлет популярности в 70-е годы после освобождения балканских народов от османского ига. Но в целом поражение славянофилов было неизбежно. Попытки строить многонациональную Российскую империю по лекалам монационального царства Московского были изначально бесперспективны.

Созданная ими социальная группа не пережила ее создателей. С точки зрения этнологии, возникшая внутри дворянского субэтноса консорция¹ славянофилов распалась после смерти ее членов, не перейдя в конвикцию².

А вот консорция западников продемонстрировала свою устойчивость. Возникнув при слиянии дворянского и разночинного интеллектуальных субстратов на фоне борьбы со славянофилами в 40-50-х годах, она пережила своих создателей.

Ее духовным знаменем стали строки, вынесенные в эпиграф данной главы. Здесь нужно сказать несколько слов об авторе этих строк, которого историк Николай Анциферов назвал «Агасфером³ русской интеллигенции». Владимир Печерин, дворянин, в 1831 году окончил филологический факультет Петербургского университета, обнаружив большие способности к древним языкам и классической филологии. С 1833 по 1835 год он стажировался в Берлинском университете, где и было написано цитируемое стихотворение. Вернувшись в Россию, в звании профессора Печерин в течение семестра читал лекции по классической философии в Московском университете. Казалось, что перед ним открывается блестящее научное и педагогическое будущее. Но уже летом 1836 года он навсегда поки-

¹ консорция – кратковременное комплиментарное объединение группы людей, связанных единой целью и исторической судьбой.

² конвикция – устойчивая группа людей с однохарактерным бытом и семейными связями.

³ Агасфер – легендарный персонаж, по преданию обреченный скитаться из века в век по земле до Второго пришествия Христа.

нул Россию. Причины, побудившие его сделать это, Печерин объяснил в ответном письме Строганову, который звал его назад и обещал прощение. Письмо это, также написанное по-французски, настолько поражает, что заслуживает подробного цитирования.

«Почти с самого детства – пишет Печерин, – надо мною тяготеет непостижимый рок. Повинуюсь влечению таинственной силы, толкающей меня к неизвестной цели, ... сияющей блеском всех земных величий...».

«Вы призвали меня в Москву. Ах, граф! Когда я увидел эту грубоживотную жизнь... этих людей, на челе которых напрасно было бы искать отпечатка их Создателя... Я погрузился в мое отчаяние... я избрал себе подругу столь же мрачную, как я сам... Этой подругою была ненависть! Да, я поклялся в ненависти вечной, непримиримой ко всему окружающему!».

«Я услышал голос моего Бога... «Что ты тут делаешь? Здесь – нет будущности! Встань! ... Возьми Мое святое знамя! Возьми Мой тяжкий крест, и носи его... до Голгофы! Ты падешь, но имя твое будет записано ... между именами величайших мучеников человечества!..».

«Я извлек из своего измученного сердца несколько капель крови и подписал окончательный договор с дьяволом, а этот дьявол – мысль!»

Письмо это поражает, прежде всего, какой-то клинической ненавистью к своей Родине! И гипертрофированным, раздутым до невероятных размеров самомнением!

И чем же все это кончилось? Промаявшись несколько лет где-то на задворках Европы, без денег и работы, в 1840 году он принял католичество и стал монахом Ордена редемптористов. Но в 1861 году покинул и его. После себя он не оставил ничего, кроме «Замогильных записок», где описал крах представлений о собственном величии. Правда, нужно признать, что его запоздалое открытие того, что «латинские народы сгнили до корня...», и «Россия вместе с Соединенными Штатами начинают новый цикл в истории...», предвосхитили Шпенглера с его «Закатом Европы». Но это только еще раз показывает – какой талант был растрочен впустую.

«Но причем здесь интеллигенция? – спросите вы. – Мало ли на свете людей, страдающих манией величия?» Но гипертрофированное представление о собственной значимости – это и есть родовая черта русской интеллигенции, как дореволюционной, так и современной. Это хорошо видно и в выступлениях на том самом Конгрессе, и в трудах многих современных интеллигентов, в том числе и в рассмотренной нами работе профессора Соколова.

Современники Печерина из лагеря интеллигентов постоянно подчеркивали духовную связь с ним. «Это брат наш...», «Родная душа...», «Он наш, наш, наш!» – читаем мы в их работах и письмах.

Второй родовой чертой интеллигенции, подтверждающей, что приведенные строки начертаны на ее знаменах, стала ненависть к России и всему русскому. Правда ненависть эта развивалась постепенно и прошла три стадии. На первых порах, среди «личных» интеллигентов первого поколения¹ 40-50-х годов, ненависть выражалась только по отношению к Николаю «Палкину» и его бюрократической системе. В пореформенной России, в 60-70-х годах среди интеллигентов второго поколения эта ненависть распространилась уже на весь институт самодержавия. А в третьем поколении, после «удачного» хождения в народ, ненавидимы стали уже и сам русский народ, и его государство.

Итак, хотя западники не имели собственных идей вообще, но на их стороне был блеск и великолепия парадного фасада европейской цивилизации, над которым царил Гегель. А поскольку конечной целью движения гегелевской «Абсолютной идеи» являлась Пруссия, то православная Россия в этой схеме оказалась лишь историческим недоразумением. Поэтому и отношение к ней у победителей в идеологической битве было соответствующее. Ну а другой причиной этого отношения стало масонство, более 80-ти лет отравлявшее умы интеллектуального слоя высшего дворянства ядом презрения к своему Отечеству.

Для полноты картины вспомним существовавший длительное время литературный кружок Селивановского. Помимо известных критиков, литерато-

¹ Здесь под этим термином подразумевается обычное демографическое поколение, а не мифические групповые поколения соколовских интеллигентов.

ров, художников, композиторов, актеров, то есть деятелей искусства, в него входили некоторые члены кружка Белинского во главе со своим вождем. Благодаря харизме Белинского, «семена» западничества проникли и в «богемную» среду, далекую от философии. Тем более что семена упали на благодатную почву. Развитие светских искусств в первой половине XIX века в России, несмотря на «золотой век» русской литературы, отставало от Западной Европы. И потому идеи преклонения перед Западной культурой нашли широкое понимание в этой среде. А многие деятели культуры и искусства оказались втянутыми в субкультуру интеллигенции.

В связи с этим необходимо вспомнить о Пушкине, символе «золотого века». Интеллигенты и его пытаются задним числом вписать в свои ряды. Желание вполне понятное. Приятно греться в лучах всемирной славы великого поэта. Для них он «наше все», священный тотем, вскормивший интеллигенцию подобно Капитолийской волчице, вскормившей Ромула и Рэма.

Интеллигенты возводят Пушкина на роль своего духовного провозвестника, основываясь на его творчестве периода «пылкой юности», масонских увлечениях и моральной поддержке его друзей-декабристов. Но, в период творческой зрелости Александр Сергеевич вполне избавился от всей этой квазиромантической мишуры. В своем знаменитом стихотворении «Клеветникам России» он дал четкий и ясный ответ на все претензии западной интеллигенции связать с собой его великое имя.

Представляю, как возмутятся бесчисленные интеллигенты-«пушкинисты», больше века живущие за его счет. И все же, «дорогие друзья», ничего у вас не выйдет. Мы вам Александра Сергеевича не отдадим!

Еще более нелепыми выглядят попытки притянуть к интеллигенции великого писателя и религиозного мистика Николая Гоголя. Основание – его острая политическая сатира. Но сатира и ненависть – понятия хотя и близкие, но не тождественные. Жванецкий и Гоголь – оба замечательные сатирики. Но истинный интеллигент среди них только один. «Моя мечта – разровнять место, где

была Россия, и построить что-то новое. Вот просто... Разровнять...» – изрек Михаил Михайлович. Разве Гоголь мог сказать что-то подобное!?

Наконец, особенно нелепо выглядит попытка связать Гоголя с интеллигенцией в свете его последней работы «Выбранные места из переписки с друзьями», получившей столь гневную отповедь «Апостола» интеллигенции Виссариона Белинского.

Пожалуй, из блистательной тройки великих русских литераторов первой половины XIX века, с очень большой натяжкой провозвестником интеллигенции мог бы быть назван только Михаил Лермонтов. Основанием для этого утверждения было подозрительное сходство фамилии его главного литературного героя с фамилией одного из символов русской интеллигенции, а также учеба в московском университете. И, наконец, главный аргумент – он печатался в «Отечественных записках», рупоре западников.

Но в московском университете поэт проучился недолго. В кружки не вступал, с Белинским не общался. Его главный герой Печорин – «лишний» человек, а вовсе не поклонник Запада. Произведения же его, публикуемые в «Отечественных записках», никакого отношения к полемике западников и славянофилов не имели. И погиб Лермонтов, также как и Пушкин, как истинный дворянин, со всеми его достоинствами и предрассудками.

Итак, из группы мыслителей-западников и их последователей, одержавших победу в идеологической борьбе над славянофилами, в результате слияния дворянского и разночинного интеллектуальных субстратов сформировалась новая субкультура или консорция, получившая имя – русская интеллигенция. Она стала передовым отрядом той части русского общества, которая решительно отвернулась от самодержавной идеи и национальных традиций.

Следуя методологии профессора Соколова, сформулируем концепт этой рождавшейся субкультуры. Для середины XIX века этим концептом будет: образованный и творческий человек, руководствующийся не только разумом, но и чувством совести, эмоциями сострадания к «народу», ненависти к николаевской бюрократической системе и благоговения перед Западной культурой.

Здесь слово народ взято в кавычки потому, что пострадали интеллигенты не реальному русскому народу со всеми его достоинствами и недостатками, а идеализированной в их сознании абстракции. Кроме того, как заметит внимательный читатель, по сравнению с концептом Соколова, здесь отсутствует чувство стыда. Дело в том, что это чувство присуще абсолютно всем социальным группам и потому не может служить отличительной чертой интеллигенции. Только содержание этого чувства у каждой социальной группы разное. Так, для скинхедов стыдно не разбивать арматурой головы гастарбайтерам, а в подростковой среде стыдно публично выказывать уважение родителям. Для интеллигентов же, например, стыдно признаваться в любви к Родине.

Как справедливо отмечает Соколов, «отличительными признаками субкультурных сообществ, принятыми в социологии, являются: обособление и откровенная оппозиционность по отношению к культуре господствующего общества (истеблишмента); наличие собственных харизматических лидеров, своего языка (жаргона), стиля поведения, обрядов; разделяемые членами группы общие ценности, идеалы, жизненные цели; присутствие игровой компоненты, придающей эмоционально-эстетическую привлекательность субкультуре».

Как мы видим, оппозиционность к культуре господствующего общества – налицо. Харизматических лидеров, таких как Белинский и Грановский, тоже достаточно. Идеал – Западная культура, присутствует. Жизненные цели – стремление к ней, в наличии. Общие ценности: ненависть к Николаю «Палкину» и его бюрократической системе и благоговение перед Западом – тоже есть. Стиль поведения формируется на мифах об отцах-основателях и включает в себя такие отличительные черты, как: неприятие любых контактов с официальной властью; крайняя нерасчетливость; пренебрежение карьерой в пользу науки, искусства или убеждений; безалаберный образ жизни; склонность к смелым, скоропалительным обобщениям; подражательность и дилетантизм.

По меткому выражению Константина Леонтьева: «Русские интеллигенты самые наивные и доверчивые ко всему, что они считают новым и что имеет западное происхождение. Они являются своего рода «обезьянами прогресса»». А

Виктор Аксючиц заявлял: «экзальтированный дилетантизм стал неотъемлемой чертой прозападнической интеллигенции».

Любимое занятие – бесконечные словопрения в кругу друзей, а игровая компонента – собрания в «тайных» кружках. И важнейшая, неистребимая черта, идущая еще от Печерина, – непоколебимая вера в собственную значимость и исключительность! А также ненависть к «сатрапам и душителям свободы»!

Патриотизм, любовь к Родине! Эти чувства для интеллигентов с самого начала были под запретом. Характерны слова такого умеренно либерального интеллигента, как Тургенев, который писал Полине Виардо 29 мая 1849 года по поводу подавления революции в Венгрии: «К черту всякое национальное чувство! Для честного человека есть только одно отечество - демократия, а если русские победят, ей будет нанесен смертельный удар».

С самого своего зарождения русская интеллигенция отличалась негативным мироощущением. Оно возникло под впечатлением от немецкого *Ordnung*¹ и классической немецкой философии, французских изящных искусств и английской промышленности, в сопоставлении с крепостным рабством и николаевским бюрократическим режимом в своей стране.

Другой отличительной чертой русской интеллигенции стало ощущение собственной исключительности и великого предназначения. Своей миссией они видели донесение философских «откровений», полученных в стенах университета, до русского общества, открывая ему глаза на весь «ужас» своего положения.

Итак, в середине 19 века в России среди образованных людей возникло странное заболевание, симптомами которого были негативизм и мания величия. Поначалу эпидемия этой болезни наблюдалась, в основном, в Московском университете. Есть соблазн предположить, что, может быть, в его стенах располагались геопатогенные зоны. Может, стоило планировку поменять или мебель переставить? Но тогда еще специалистов по биолокации не было, и потому русская интеллигенция уверенно шагнула на историческую сцену.

¹ *Ordnung* – порядок.

По началу, первые интеллигенты пребывали в сладостных грезах идеализма, уповая на «Абсолютную идею», которая каким-то образом приведет Россию в лоно просвещенного Запада. А главным препятствием к этому им виделся николаевский режим и крепостное право. Часть западников, таких как Бакунин, Герцен, Огарев, Тургенев и другие осуществила свои мечты в индивидуальном порядке, перебравшись на землю своих грез, став первыми диссидентами-иммигрантами.

«А разве не Печерин – первый диссидент-иммигрант?» – спросите вы. Но по определению «диссидент – это человек, который не только имеет, но и отстаивает радикальные взгляды, расходящиеся с общепринятыми». Поэтому приоритет, несомненно, за Бакуниным и Герценом. Хотя диссидентство на Руси имеет давнюю историю. Провозвестником иммигрантского движения диссидентов можно считать подьячего Посольского приказа Григорий Котошихина. В 1664 году он бежал в Швецию. Здесь по заданию шведских властей Котошихин написал пасквиль «Россия в царствование Алексея Михайловича».

К монархии по началу у них претензий еще не было, так как Гегель об этом ничего не сказал. Да и их светлый европейский идеал тоже был сплошь монархическим. Но после кровавых революций 1848 года наши интеллектуальные обезьянки быстро избавились от идеалистических иллюзий и, в соответствии с новыми западными веяниями, превратились в материалистов и социалистов. Бакунин сначала примкнул к марксистам, стал убежденным сторонником пролетарской революции, а затем приобрел известность, как теоретик анархизма. Герцен в поисках движущей силы революции (буржуазия и ее могильщик – пролетариат в России тогда еще находились в зачаточном состоянии) вообще метнулся к своим недавним противникам – славянофилам. Вглядываясь орлиным взором из далекого Лондона в душу русского мужика, он разглядел в ней симпатии к социализму. А обнаружив, «обогастил» человечество теорией крестьянской социалистической революции.

Но для подавляющего большинства западников, остававшихся в России, парадный фасад Европы по-прежнему оставался «сияющей вершиной», к кото-

рой нужно стремиться. И из этого щенячьего восторга перед Западом, к концу 50-х годов выросла устойчивая субкультура или в терминах этнологии – консорция, получившая в дальнейшем имя – интеллигенция.

Но, именно для первого поколения русских интеллигентов были характерны многие идеалистические черты, которыми оперировали участники Конгресса интеллигенции 1997 года. Здесь действительно присутствовали и «высокий уровень духовности», и «обостренное чувство справедливости», и «нравственный идеализм», и «груз ответственности перед обществом», и «тяга к противостоянию деспотической государственной власти», и «жертвенность», и «известный аскетизм», и «больная совесть».

По поводу происхождения последней, писатель-иммигрант Борис Хазанов не без сарказма заметил: «Величайшей и незыблемой опорой бюрократического режима была согнутая в три погибели, широкая и способная вынести все на свете спина русского крепостного мужика... он кормил своим трудом и помещика-землевладельца, и чиновного бюрократа, и интеллигента. У двух первых это обстоятельство не вызывало угрызений совести; такой порядок казался им естественным. Зато интеллигенту было горько и стыдно. Слишком очевиден был контраст, зрелище социальной несправедливости слишком бросалось в глаза, чтобы русский интеллигент, воспитанный в школе европейского просвещения и либерализма, мог спокойно предаваться ученым или литературным занятиям, служить на государственной службе, наконец, просто вести частную жизнь. Надо было что-то делать с этой страной или хотя бы вопрошать себя и других: что делать?»

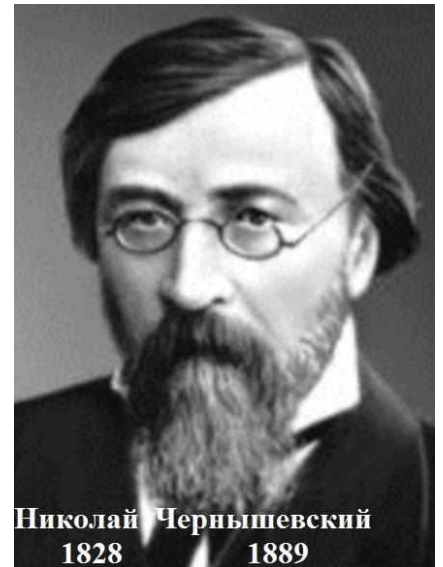
И действительно, в отличие от современных интеллигентов, вроде Ксении Собчак, «рябчиков жевывавших» без всяких угрызений совести, тогдашним интеллигентам кусок буквально в рот не лез. И даже чай они пили без всякого удовольствия, так как в голове у них стоял мучительный сакраментальный вопрос, – Что делать?

Глава 3. Что делать?

И не церковь, ни кабак
Ничего не свято!
Нет ребята, все не так,
Все не так, ребята!

Владимир Высоцкий

Первым этот вопрос заострил Николай Чернышевский, теоретик классического утопического социализма и один из редакторов «Современника» с 1855 по 1862 годы. Его роман-утопия не имел ничего общего с реальной жизнью. Но изложенные в нем в изящном и «благородном» стиле старые идеи утопического социализма нашли отклик в душах некоторой части формировавшейся интеллигенции.

Вообще, в первом поколении консорцию интеллигенции объединяли только общие ценности, идеалы, жизненные цели, а также формировавшиеся сходные стереотипы поведения. В идеологическом плане с самого начала, впрочем, как и всегда, присутствовал полный разброд.

Уже в период своего формирования интеллигенция идеологически разделилась на два течения: либералов и радикалов. Так, в 1845 году возник известный кружок Михаила Буташевича-Петрашевского. Хотя сам по себе, кружок был и не велик, но он представлял собой вершину сети многочисленных, но более мелких кружков, связанных с головным через его членов. Причем, если в головном кружке ограничивались только пропагандой идей утопического социализма, то среди его «филиалов» были и радикально-революционные. Одним из таких радикаль-

ных кружков был кружок Николая Спешнева, в который перешел от Белинского молодой Достоевский.

Характерной особенностью кружка Петрашевского было широкое представительство молодых литераторов, а также офицеров. Помимо Достоевского, в кружке состояли писатели: Чернышевский, Аполлон Майков, Михаил Салтыков-Щедрин, Алексей Плещеев, Сергей Дуров; художник Павел Федотов, и даже будущий идеолог панславизма Данилевский.

Но, несмотря на значительное представительство офицерского корпуса, этот кружок безусловно может быть отнесен к западникам. В нем отрицалась страна, «жизнь и воздух которой пропитаны рабством и деспотизмом» и принималась клятва ненависти к Николаю I и его бюрократической системе.

В 1849 году, за распространение письма Белинского к Гоголю и другие «злонамеренные» деяния, многие члены кружка, в том числе и Достоевский, были приговорены к расстрелу, который в последний момент был заменен каторгой. К счастью, наиболее радикальные кружки не были открыты полицией, иначе мир никогда бы не узнал о великом русском писателе.

Итак, с самого начала формирования русской интеллигенции, объединяющим фактором для нее стала ненависть к российской действительности и стремление к сближению с Западом. Но по вопросу о способе этого сближения общего мнения не было никогда. Тем более что собственных идей интеллигенты-западники не имели и непрерывно меняли свои взгляды вслед за изменением европейской философской «моды».

Как зло писал Солоневич, «интеллигенты накидываются на любую цитату, лишь бы она была новой, или казалась новой, глотают ее не пережевывая и извергают не переваренной, остаются вечно голодными и со всех ног скачут по философским пастбищам Европы, подбирая каждый репейник и кувыркаясь через каждый ухаб».

Так, едва насладившись идеализмом немецкой классической философии, они получили по мозгам материализмом Фейербаха. И вот уже не только Бакунин и Герцен, но и все остальные поклонники «Абсолютной идеи» пого-

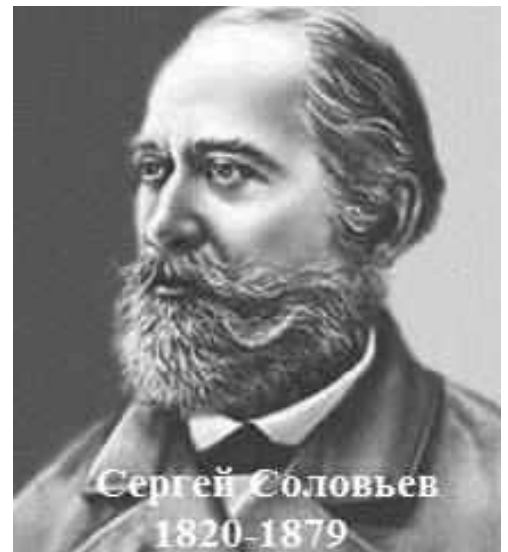
ловно становятся атеистами, нигилистами и прочими «истами». Вера в бога начинает подвергаться в их среде осмеянию, как признак недалекого ума.

Как мы уже отмечали выше, в первых поколениях интеллигенция имела все признаки молодежной субкультуры, так как подавляющее большинство ее членов составляла студенческая молодежь. Для нее характерна неустойчивость состава, быстрая радикализация, смена лидеров и идей.

Характерным примером является борьба за идеологическую направленность журнала «Современник» в конце 50-х годов. Для молодых революционных демократов Чернышевского и Николая Добролюбова вчерашние кумиры западников: Тургенев, Василий Боткин, Анненков, уже были отсталыми стариками с их «замшелым» либерализмом. В результате этого раскола «стариками», а также молодой Лев Толстой вынуждены были покинуть редакцию, а «Современник» стал рупором радикального течения интеллигентской мысли.

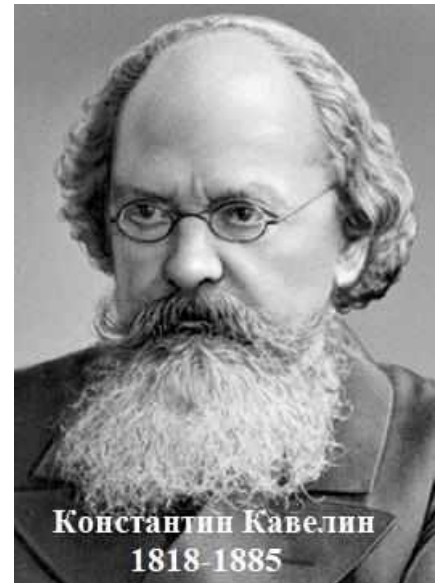
Неустойчивость состава проявлялась и в том, что многие члены этой субкультуры, достигая зрелого возраста, покидали ее ряды. Характерен пример известных историков и государственных деятелей Сергея Соловьева и Константина Кавелина. В молодости, отдав дань увлечения западничеством, в зрелые годы оба они сосредотачиваются на профессиональной деятельности, делают карьеру на государственной службе. Соловьев становится ректором Московского университета, статским советником, получает значительные правительственные награды. Идеологически он становится монархистом и консерватором. Ка-

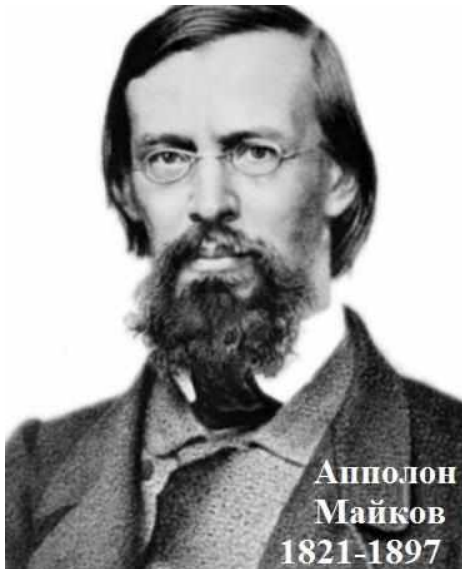
велин, соратник Соловьева по молодежной субкультуре, яростный атеист и

либерал, в дальнейшем также становится апологетом русского самодержавия. Тот же путь проделал и поэт Аполлон Майков, в молодости отдавший дань либеральным идеям, но закончивший жизненный путь тайным советником¹ и убежденным консерватором.

Академик Юрий Степанов считал, что в период 1845-1865 годов «определенная, исторически и социально вполне конкретная часть народа взяла на себя социальную функцию общественного самосознания от имени и во имя

всего народа. Собственно, это и есть основное содержание концепта «Интеллигенция». Таким образом, он подтверждает, что именно в этот период произошло формирование русской интеллигенции.

Но в остальном с ним согласиться нельзя. Интеллигенция в то время еще представляла тончайший слой, не оказывавший практически никакого воздействия на народные массы, как

сельские, так и городские. Помимо 20-30 профессоров, оставшихся верными западническим убеждениями молодости, и таких вождей молодежной субкультуры, как Белинский, Герцен, Бакунин, Петрашевский, Чернышевский, Тургенев, Василий Боткин, к 1860 году, максимально, ее базу могли составить две-три тысячи из 40 тыс. студентов и выпускников высших учебных заведений. К ним можно добавить и какую-то часть выпускников дворянских лицеев и училищ, также получавших приличное образование.

Цифра, конечно, не малая. Но в то время молодежная субкультура интеллигенции еще не доминировала среди образованной части общества, хотя славянофилы к концу 50-х годов потерпели практически полное поражение в

¹ Третий по значимости чин в табели о рангах.

борьбе с западниками за образованные умы.

Тем не менее, большинство студентов не московских университетов, особенно в первые годы формирования интеллигенции, еще не разделяли взглядов западников. Хотя бы потому, что кроме профессоров московского университета и Белинского, их еще некому было распространять. Но и среди тех, кто приобщился к субкультуре интеллигенции в студенческие годы, по окончании университетов большинство делало карьеру на государственной службе, быстро забывая об увлечениях молодости.

В тот период государственный чиновник автоматически выбывал из этой референтной социальной группы, так как признавался недостойным высоких идеалов. Исключение делалось только для преподавателей и врачей, также считавшихся государственными служащими. Но это благородное служение у интеллигентов протестов не вызывало.

Таким образом, численный состав первого поколения интеллигенции можно, весьма приблизительно, оценить в несколько тысяч человек. Меньшая часть состояла из выпускников университетов, освоивших свободные профессии, не связанные с государственной службой. Они концентрировались вокруг таких лидеров либеральной мысли, как Тургенев, Кавелин, Василий Боткин, Сергей Соловьев. Отказавшись от идеалистических увлечений молодости, они нашли утешение в либерализме, составив консорцию либеральной интеллигенции. Большую часть образовывала молодежная субкультура, состоявшая из все более радикализировавшихся студентов, с 1857 года возбуждаемых набатом герценовского «Колокола».

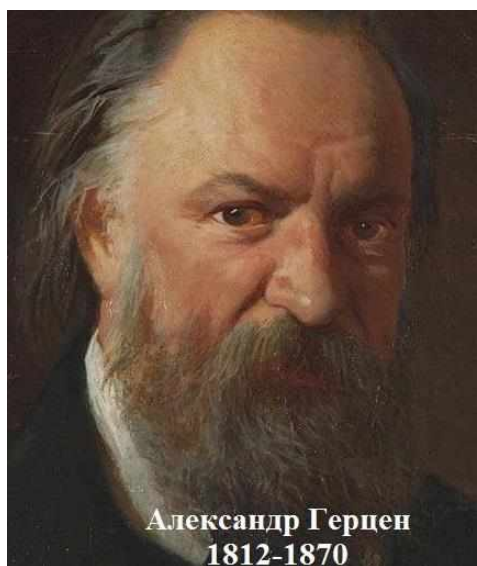
В 60-е годы, когда на общественную сцену постепенно выходит уже второе поколение интеллигенции, верх в интеллигентской среде берут радикальные настроения. Сторонники этого направления также считали, что Россия должна пойти по европейскому пути. Но в отличие от либералов они полагали, что революционные потрясения неизбежны.

В эти годы, на смену Николаю I, ненависть к которому была одним из главных объединяющих факторов первого поколения интеллигенции, прихо-

дит царь-реформатор Александр II. В 1861 году им было осуществлено его важнейшее деяние – ликвидация крепостного права.

Освобождение крестьян, как это не покажется странным, сопровождалось массовыми волнениями в деревне. Но удивляться тут нечему. Крестьяне считали крайне несправедливыми условия, на которых осуществлялось освобождение. Герцен и революционное крыло интеллигенции решили воспользоваться этим и организовать, ни много ни мало – крестьянскую революцию. Причем, не какую-нибудь там, а самую, что ни на есть – социалистическую.

С этой целью в 1861 году было создано тайное общество «Земля и во-

ля». Создавалось оно на базе многочисленных студенческих кружков, находившихся под идейным влиянием «Колокола» Герцена. Идейным вдохновителем общества стал Чернышевский. Общая численность этих кружков составляла уже порядка 3000 человек, и находились они в 14 городах России, где имелись высшие учебные заведения.

«Разрушить все верования, разрушить все предрассудки, поднять руку на прежние идолы, без снисхождения и жалости», – вот программный лозунг этого движения, сформулированный Герценом. Но эти лозунги адресовались адептам движения. Для крестьян формулировалась простая программа, соответствующая названию организации. Но вместо того, чтобы сосредоточиться на помощи крестьянам в реализации справедливых требований по земельному вопросу, они попытались призвать их к свержению самодержавия. Герцен и Чернышевский были уверены, что крестьяне только и мечтают об уничтожении ненавистного им царского режима. Но последующие события показали всю глубину непонимания ими сущности народной жизни.

Состав организации был достаточно пестрым. Помимо Чернышевского, в нее входили такие известные личности, как: Иван Шамшин, будущий пред-

седатель Верховного суда, сенатор, член Государственного совета, действительный тайный советник¹;

Николай Серно-Соловьевич
1834-1866

будущий Начальник Главного штаба, генерал от инфантерии; его двоюродный брат, будущий генерал-лейтенант Владимир Обручев, прототип Рахметова из «Что делать»; поэт-сатирик Василий Курочкин; офицеры, братья Николай и Александр Серно-Соловьевичи; Сергей Рымаренко, Александр Слепцов и другие. Все они на момент создания общества были достаточно молоды. Руководителем организации был Николай Серно-Соловьевич.

В том же году произошли массовые волнения студентов в Казанском и Петербургском университетах. Волнения были связаны с резким повышением платы за обучение и запретом студенческих касс взаимопомощи. Сотни участников волнений были исключены из университетов с запретом устройства

Владимир Обручев
1836 1912

на государственную службу. Тогда Герцен и Чернышевский призвали их «идти в народ», поднимать крестьян на социалистическую революцию.

Василий Курочкин
1831-1875

Однако, надежды на скорую крестьянскую революцию, естественно, не оправдались. В том же году руководство организации во главе с Чернышевским было арестовано, и в 1864 году «Земля и воля» самораспустилась. Но люди, зараженные вирусом революции, остались. И, несмотря на доста-

точно раннюю смерть кумиров первого поколения интеллигентов – Белинского, Грановского и Добролюбова, на отказ многих ее повзрослевших адептов от

¹ Высший, после канцлера, государственный чин в табели о рангах (ваше высокопревосходительство).

основных идей этой группы, интеллигенция продолжала жить и развиваться. И, прежде всего, ее торжество наблюдалось в университетской среде.

Во втором поколении 60-70-х годов наблюдался существенный рост численности интеллигенции, причем как радикальной, так и либеральной ее части. Это объяснялось как ростом числа высших учебных заведений и количества студентов в них, так и все возрастающей долей преподавателей–интеллигентов и, соответственно, растущей долей представителей молодежной субкультуры интеллигенции в студенческой среде. Хотя конкуренция в борьбе за умы студенческой молодежи в эти годы сохранилась.

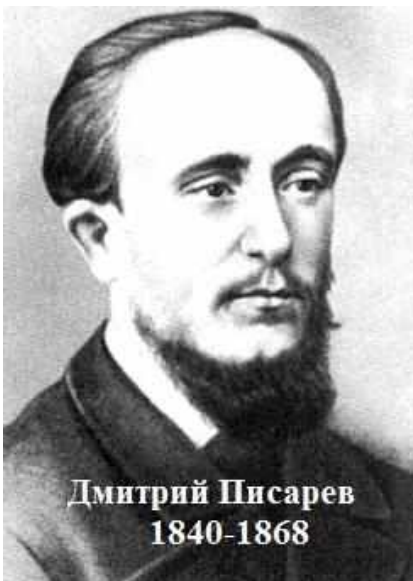
В начале 60-х годов эстафету славянофилов подхватили «почвенники». Идеологическое течение почвенников сложилось вокруг фигуры Достоевского и его журнала «Время», а затем «Эпоха». Идеологами и пропагандистами этого течения, помимо самого писателя, были – критик и поэт Аполлон Григорьев и публицист Николай Страхов. Почвенники признавали особой миссией русского народа спасение всего человечества, проповедовали идею сближения «образованного общества» с народом («национальной почвой») на религиозно-этической основе. Со славянофильством их связывало стремление обнаружить в русском народе, в патриархальности русского крестьянства нравственную сущность национального характера, а также отрицательное отношение к революции, к идеям западноевропейского и русского социализма. То есть, с точки зрения либеральных интеллигентов они были абсолютными мракобесами.

Вместе с тем представители этого направления признавали положительные начала и в западничестве. Хотя и обличали «гнилой Запад» за его буржуазность и бездуховность, противопоставляя им христианские идеалы. В тот период Достоевский ратовал за сближение западничества, славянофильства, «официальной народности» и православия, за «слияние» всего «просвещенного общества с народом в традиционно устоявшиеся формы русского быта — общину и земство».

Другим идеологическим течением, привлечшим на свою сторону значительную часть образованной элиты русского общества, стал консерватизм.

Идеологическим знаменем консерваторов был журнал «Русский вестник», издававшийся Михаилом Катковым с 1856 года, и газета «Московские ведомости», которую он начал издавать с 1863 года совместно с Константином Леонтьевым. Благодаря организаторскому и публицистическому таланту Каткова «Московские ведомости» стали самой влиятельной и популярной газетой своего времени. А ее издатели – основоположниками русского консерватизма.

В журнале впервые публикуются «Накануне» (1860) и «Отцы и дети» Тургенева. Обиженный на молодых революционных демократов, изгнавших его из «Современника», где публиковались его первые значительные произведения, он создает несколько утрированный образ нигилиста Базарова, в котором угадывается также рано ушедший из жизни Добролюбов. Но, вопреки Тургеневу, именно после появления «Отцов и детей» термин нигилизм обрел положительную коннотацию и широкое подражательство среди студенческой молодежи.

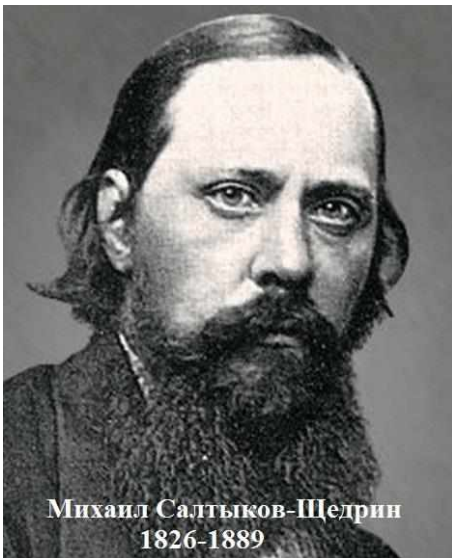
Дмитрий Писарев
1840-1868

Этому способствовала статья талантливого критика Дмитрия Писарева «Базаров», в которой он выразил восхищение главным героем романа, обнаружив в нем те качества, о которых не предполагал даже сам автор. И роман Чернышевского «Что делать», написанный в 1863 году, как считали многие, был ответом Тургеневу на не совсем «правильную» трактовку образа нигилиста. Тургенев, на которого после выхода романа ополчилась было «прогрессивная» молодежь, благодаря статье Писарева, с которой он покаянно согласился, был вновь восстановлен в звании великого писателя, а 60-е годы в молодежной субкультуре интеллигенции прошли под знаком нигилизма.

Вскоре в том же «Русском вестнике» был опубликован первый антинигилистический роман «Взбаламученное море» (1863) Алексея Писемского. В нем автор показывает ложность революционных социалистических идей Герцена и «нелепость» и «глупость» его молодых последователей, пытающихся внедрить эти идеи в сознание народа. За первым антинигилистическим романом после-

довал второй – «На ножах» (1870) Николая Лескова, в котором он поднимает проблему «примыкания мошенничества» ко всякому общественно-политическому движению. Наконец, в «Русском вестнике» печатаются «Бесы» Достоевского. Также в этом журнале появились такие значительные произведения, как «Война и мир» Толстого и «Преступление и наказание» Достоевского.

Либеральное крыло русской интеллигенции объединилось вокруг журнала с говорящим названием «Вестник Европы», который начал выходить с 1866 года. Туда из «Русского вестника» перешел Тургенев, по идейным соображениям порвавший с Катковым. Там же печатались уже известные нам: Боборыкин, Островский и Гончаров. Кроме литераторов, в журнале сотрудничали историки Кавелин и Соловьев, а позже такие известные ученые как: Климент Тимирязев, Иван Сеченов, Илья Мечников, Анатолий Кони.

Помимо «Вестника Европы», рупором либеральной интеллигенции с 1868 года становится журнал «Отечественные записки», где царит Михаил Салтыков-Щедрин. Радикалы же, после закрытия в 1866 году «Современника», помимо герценовского «Колокола», объединяются вокруг журнала «Дело».

Приход в редакцию «Вестника Европы» известного юриста Анатолия Кони, сына уже упоминавшегося художника Федора Кони, символизирует возникновение такого нового явления, как потомственная интеллигенция. То есть русская интеллигенция из консорции – кратковременного комплиментарного объединения группы людей, связанных единой целью, постепенно начинает переходить в конвикцию – устойчивую группу людей с однохарактерным бытом и семейными связями. Хотя и во втором поколении «личные» интеллигенты пока еще значительно преобладают над «потомственными», и говорить об окончательном формировании конвикции было еще рано.

На примере членов «Земли и воли» видно, что тенденции неустойчиво-

сти состава молодежной субкультуры интеллигенции сохранялись и во втором поколении. Только братья Серно-Соловьевичи и Рымаренко в дальнейшем продолжили революционную деятельность. Слепцов в дальнейшем работал в министерстве народного просвещения, Курочкин сосредоточился на литературе. Оба они перешли в стан интеллигентов-либералов. Владимир Обручев (Рахметов) после каторги и ссылки пошел добровольцем на русско-турецкую войну. Ему были возвращены все права дворянского состояния и звание поручика. В дальнейшем он дослужился до звания генерал-лейтенанта. Шамшин же и Николай Обручев, преодолев заблуждения молодости, после начала комплексных либеральных реформ Александра II вообще покинули лагерь интеллигенции, став выдающимися государственными деятелями.

Реформы Александра II действительно носили комплексный характер. В 1864 году была осуществлена реформа местного самоуправления. Вся хозяйственная деятельность в губерниях и уездах отдавалась в земское управление. В них избирались всесословные земские собрания, которые выбирали исполнительные органы – уездные, городские и губернские управы. В ведении земства находились школы, больницы, дороги, мосты, страхование, взаимопомощь и многое другое. Причем, предполагалось, что функции земского самоуправления будут постоянно расширяться.

Освобожденные крестьяне также получили общинное самоуправление по образцу государственных. Были созданы сельские общины самоуправления с выборными мировыми судьями и сельскими старостами. То есть, в ведение общины были переданы все гражданские и даже часть уголовных дел

ее членов. Арендовали и выкупали земли у помещиков они по-прежнему от имени всей общины. То есть, и после отмены крепостного права общинная форма крестьянской жизни разрушена не была.

В том же году была проведена судебная реформа. Суды также стали всеобщими. Для решения мелких гражданских дел был введен институт выборных мировых судей. Для рассмотрения важных гражданских и уголовных дел создавались окружные суды. Их судьям была дана независимость и несменяемость. Высшими судебными инстанциями становились судебные палаты и Сенат. По наиболее важным делам был введен суд присяжных. Создана прокуратура и адвокатура, а также институт судебных следователей. Были определены точные сроки всех судебных действий. Таким образом, россияне получили «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных».

Одновременно, была осуществлена и реформа образования. Университеты получили внутреннюю автономию. Был введен институт вольнослушателей. Училища и гимназии всех уровней были открыты для всех без различия звания и вероисповедания. Правда, гимназии по-прежнему оставались платными. Была создана обширная сеть земских начальных училищ. Создавались первые женские гимназии и высшие училища (врачей и учителей).

Казалось бы, интеллигенция должна была поддержать либеральные начинания самодержца, которые во многом отвечали и их чаяниям. Но, как мы уже отмечали выше, негативное мироощущение, на котором строилась субкультура интеллигенции, и связанное с ним чувство ненависти, во втором поколении перешла на новый уровень. От конкретного императора оно распространилось на самодержавный институт в целом. Хотя либеральная часть первого поколения интеллигенции отказалась явно поддержать революционеров, но большого влияния на процессы в обществе это не оказало, так как в тот период либералы авторитетом в молодежной среде уже не пользовались.

Создается впечатление, что радикальная интеллигенция испугалась того, что успехи реформ могут лишить их поддержки в обществе. И потому они объявили настоящую охоту на их проводника. Для них главное было, как ни

странно, не допустить дальнейшего развития реформ. Если представить тогдашнюю Россию в виде парового котла, подогреваемого социальными и экономическими проблемами, то либеральные реформы представляли собой предохранительный клапан, стравливающий избыточное давление. Поэтому революционные демократы стремились любыми средствами забить этот клапан. Отсюда следует, что их конечной целью было создание условий, при которых этот котел разнесло бы на куски. «Страсть к разрушению – есть творческая страсть». Эти слова Бакунина нашли понимание в части студенческой среды.

Всего на Александра II было совершено шесть покушений. Первым, в 1866 году неудачную попытку совершил Дмитрий Каракозов, бывший студент Московского университета. В 1865 году он покинул университет и вступил в революционную организацию своего двоюродного брата Николая Ишутина, также вольнослушателя московского университета. После самороспуска «Земли и воли» Ишутин объединил вокруг своего московского общества «Организация» студенческие кружки Петербурга, Саратова и ряда других городов. По мотивам «Что делать» Чернышевского он создал социалистическое общежитие с кассой взаимопомощи, мастерскими, бесплатной библиотекой и школой для детей из беднейших слоев. «Мы сделаем из этих малышей революционеров» - мечтал он.

Для общего руководство и надзора за разветвленной «Организацией» им было создано тайное общество «Ад» – боевая организация, впервые объявившая индивидуальный террор средством приближения крестьянской революции. Ишутин стал первым профессиональным революционером, провозгласившим принцип – «цель оправдывает средства».

В прокламации, найденной у Каракозова, были такие строки: «... погибает мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея... я умру с

мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу – русскому мужику». Вопрос о том, нужна ли «дорогому другу» смерть «царя-злодея» у Каракозова, как и у всех его соратников, сомнения не вызывал.

После покушения Каракозов был казнен. Общество Ишутина разгромлено. Но, несмотря на наивность молодых интеллигентов-революционеров, своей цели в некотором смысле они добились. Наступила реакция на либеральные реформы. Был заменен либеральный министр народного просвещения, изменен университетский устав. Были закрыты журналы революционных демократов «Современник» и «Русское слово», идейным руководителем которого был Писарев. Независимые суды и земские учреждения были поставлены под контроль губернаторов. Вместо постепенного расширения функций земства началось их сокращение.

Действия правительства, разумеется, вызвали благородное негодование прогрессивной общественности. В результате ненависть к самодержавию и всему русскому строю жизни в среде интеллигенции только углублялась. Эту коллизию как всегда первыми ощутили выдающиеся русские писатели.

Федор Тютчев в письме дочери в 1867 году отмечал: ««...Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей... Раньше они говорили нам, и они действительно так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. и т.п., что именно бесспорным наличием в ней всего этого им и нравится Европа... А теперь что мы видим? По мере того, как Россия, добиваясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. Они никогда так сильно не ненавидели прежние установления, как ненавидят современные направления общественной мысли в России. Что же касается Европы, то, как мы видим, никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации нисколько не уменьшили их расположения к ней...»».

Вообще, для оценки процессов формирования и состава интеллигенции, фигура Тютчева крайне интересна. Сразу после окончания Московского уни-

верситета, Федор Иванович 23 года провел на дипломатической службе за границей. Там он имел возможность досконально ознакомиться с западной культурой и всеми «передовыми» течениями философской мысли. Сразу по возвращению в Россию в 1844 году, как поэт он вошел в кружок Белинского.

Казалось бы, сама судьба уготовила Тютчеву стать западником и интеллигентом. Но глубокий, самостоятельный ум и какой-то внутренний нравственный стержень, позволили ему критически взглянуть на западную цивилизацию и ее русских апологетов. Судьба Тютчева, Достоевского и многих других показывает, что далеко не все образованные и творческие люди, даже закончившие московский университет и побывавшие за границей, испытывали восторг перед западной культурой и тоску от того, что им не посчастливилось родиться в России.

В 1867 году Федор Иванович, которого Соколов также умудрился записать в интеллигенты, пишет короткое, но емкое стихотворение, в котором точно показывает сущность западной интеллигенции и отношение европейцев к России.

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

Ему вторит Федор Достоевский в романе «Идиот»: «... русский либерализм... есть нападение на самую сущность наших вещей... на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать... Если есть для него оправдание, так разве в том, что он не понимает, что делает, и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм... Эту ненависть к России, еще не так давно, иные либералы наши принимали чуть не за истинную любовь к отечеству и хвалились тем, что видят лучше других, в чем она должна состо-

ять; но теперь уже стали откровеннее и даже слова "любовь к отечеству" стали стыдиться, даже понятие изгнали и устранили как вредное и ничтожное. ...Такого не может быть либерала нигде, который бы самое отечество свое ненавидел...».

В 1868-69 годах по стране прокатились новая волна студенческих волнений. В это время в России было уже более 40 высших учебных заведений, в том числе 8 университетов (Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Новороссийский, Киевский, Дерптский и Варшавский). По данным министерства народного просвещения, только в университетах на 1 января 1869 года было 5566 студентов и 419 вольнослушателей.

Формальной причиной стало требование расширения студенческого самоуправления и протесты против введения «Правил о надзоре за студентами...», принятыми в 1867 году. Но еще одной причиной волнений были вновь вспыхнувшие надежды на организацию крестьянской революции по причине возникшего в России в 1868 году страшного голода. Надежды эти питали пока

еще немногочисленные представители радикального крыла студенчества, пытавшиеся перевести студенческие волнения в политическое русло.

В этих волнениях впервые проявилось явление, впоследствии названное «нечаевщиной». Ее прототип, вольнослушатель Петербургского университета Сергей Нечаев вместе с другим радикальным фанатиком, выпускником Петербургского университета Петром Ткачевым, пытался поднять студентов на организацию революции. В своей деятельности он широко применял методы мистификации и провокации. Также как и его идейный предшественник Ишутин, он придерживался принципа «цель оправдывает средства». Но в средствах этих пошел гораздо дальше предшественника.

Потерпев неудачу в России, Нечаев несколько месяцев провел в Женеве у Бакунина. Там он представился лидером несуществующей мощной революционной организации. Под это Нечаев получил деньги из революционного фонда Герцена и мандат от «Всемирного революционного союза» Бакунина. За время пребывания за границей, совместно с Бакуниным он написал знаменитый и чудовищный по содержанию «Катехизис революционера», ставший, впоследствии, руководством к действию русского революционного терроризма. «Революционер, – писал Нечаев, – человек обреченный; у него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни имени... Он знает только науку разрушения... Он презирает общественное мнение, презирает и ненавидит нынешнюю общественную нравственность».

Вернувшись в том же году в Россию, из студентов Петровской сельскохозяйственной академии Нечаев организовал боевую организацию – тайное общество «Народная расправа». Чтобы связать участников кровью, он организовал убийство студента Иванова, одного из членов организации, обвинив его в предательстве.

Впечатление от нечаевщины было столь ужасным, что ее осудили даже наиболее радикальные русские революционеры того времени. И в течение почти десяти лет терроризм не применялся как метод борьбы. Однако период нравственной брезгливости в революционном движении быстро прошел. И уже в 80-е годы положения «Катехизиса» стали руководством к действию революционеров-террористов.

После нечаевской истории Достоевский освободился от последних иллюзий относительно формировавшейся интеллигенции и дал ей определение, вынесенное в заголовок романа. В «Бесах» Петруша Верховенский, прототипом которого был Нечаев, не случайно представлен сыном Степана Тимофеевича, прототипом которого является Грановского. Этим Достоевский показал ответственность либеральной интеллигенции за появление бесов революции.

Еще в 1867 году, после покушения Каракозова, Федор Михайлович порвал всякие отношения с Тургеневым. И не по личным, а по идеологическим

причинам. Ну а деятельность Нечаева окончательно развеяла его иллюзии относительно возможности «слияния» всего «просвещенного общества с народом в традиционно устоявшиеся формы русского быта — общину и земство». А вместе с этими иллюзиями с политического небосклона уходит и «почвенничество», идейным лидером которого был Достоевский.

Теперь он окончательно понял бесовскую сущность этого феномена. «Они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм ввевшаяся...» – произносит один из героев его романа.

После начала земской реформы значительная часть выходцев из молодежной студенческой субкультуры интеллигенции, по окончании университетов устремилась на работу в уездные земские управы, где они нанимались врачами, агрономами, статистиками и т.д. То есть, после 1864 года началось формирование земской интеллигенции.

Поначалу в ней преобладало либеральное течение. Земские интеллигенты ставили благородные цели организации здравоохранения простого народа, увеличение его благосостояния. Ну и, естественно, «улучшения нравов». Без этой сверхзадачи интеллигент не мыслился (вспомним соколовское «формирование смыслов»).

К середине 80-х годов общая численность земских наемных служащих достигла 23 тысяч человек. Но подавляющее большинство из них (около 20 тысяч) составляли земские учителя.

В отличие от учителей губернских гимназий и уездных училищ, земские учителя не считались государственными служащими. Их подготовка осуществлялась в земских учительских школах. Большинство учителей было выходцами из крестьян, духовенства и мещан, преимущественно девушки.

Они получали от земств нищенскую зарплату, жили в страшной бедности, не имея средств на самое необходимое, не говоря уже о покупке книг или

выписке журналов. На пенсию или пособие по нетрудоспособности они претендовать не могли. Часто были вынуждены искать дополнительный приработок. Их подготовку каждое земство организовывало самостоятельно. Уровень ее был крайне низок. Авторитетом у крестьянских общин они не пользовались. В связи с этим в первые десятилетия земской реформы наблюдался массовый уход земских учителей из профессии. Все это очень напоминает положение российских учителей в 90-е годы XX века. Только последние все же в основном имели высшее образование.

Таким образом, попытки некоторых исследователей записать земских учителей в интеллигенцию, на мой взгляд, являются необоснованными. Прежде всего, они не соответствовали основному критерию – образованности. Земские учителя, по крайней мере, во второй половине XIX века не были допускаемы в «высший» уездный свет, где витали «идеи». Не имели средств, чтобы выписывать «прогрессивные» журналы. То есть не имели ни возможностей, ни времени, ни сил, чтобы пропитаться духом «высокой интеллигентности».

Основу земской интеллигенции составляли немногочисленные, но хорошо образованные земские врачи. Например, в 1866 году на всю Россию было только 283 земских доктора. И число их росло очень медленно, так как оплачивались они на порядок выше учителей, и средств на их содержание у земств всегда катастрофически не хватало. Даже к 1910 году в земских больницах работало всего 3802 врача.

Врачи в России того времени были самым организованным профессиональным сообществом. Они делились на четыре категории: военные, гражданские, частной практики и земские. Первые две были государственными служащими, получали от государства жалование и чины. Наибольшие доходы имели успешные частные врачи. Российские врачи проводили регулярные Медицинские съезды, проходившие с 1885 года, на которых поднимались не только профессиональные, но и общественные вопросы. В промежутках между съездами действовали постоянные комиссии, решавшие конкретные вопросы здравоохранения.

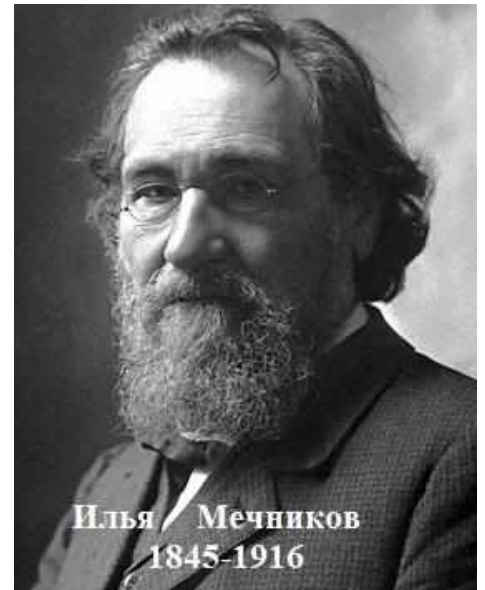
Пожалуй, ни одно профессиональное сообщество России не имела такого количества блистательных имен, как российская медицина. Федор Иноземцев – пионер операций с применением эфирного наркоза, противохолерных капель и основатель клинического метода преподавания медицины.

Николай Пирогов – основоположник военно-полевой хирургии и выдающийся ученый-анатом. Иван Сеченов – выдающийся микробиолог, основатель школы психиатрии. Николай Склифосовский – основатель хирургии патологии и пионер внедрения антисептиков. Федор Эрисман – пионер гигиены в России. Илья Мечников – выдающийся физиолог, лауреат Нобелевской премии. Юрий Чудновский – выдающийся терапевт и диагност. Сергей Боткин – выдающийся терапевт и физиолог. Нил Филатов – земский врач и основоположник русской педиатрической школы. Иван Павлов – создатель науки о высшей нервной деятельности, лауреат Нобелевской премии.

Земские врачи быстро встроились в это сплоченное сообщество. Работая с беднейшими слоями населения, первые поколения земских врачей внесли значительный вклад в развитие санитарной медицины, выдвинув Россию на одно из ведущих мест среди стран Европы. Земские врачи быстро организовались, создав уездные медицинские общества. Самое активное участие они принимали и в Медицинских съездах.

Работа земских врачей была тяжелой и опасной и, к тому же, среди всех категорий врачей – самой низкооплачиваемой. На одного врача приходилось до 6000 пациентов, а размер врачебного округа простирался от 30-40 км в Московской губернии, до 150-200 км в сибирских уездах. Кроме того, Россию

Работа земских врачей была тяжелой и опасной и, к тому же, среди всех категорий врачей – самой низкооплачиваемой. На одного врача приходилось до 6000 пациентов, а размер врачебного округа простирался от 30-40 км в Московской губернии, до 150-200 км в сибирских уездах. Кроме того, Россию

Работа земских врачей была тяжелой и опасной и, к тому же, среди всех категорий врачей – самой низкооплачиваемой. На одного врача приходилось до 6000 пациентов, а размер врачебного округа простирался от 30-40 км в Московской губернии, до 150-200 км в сибирских уездах. Кроме того, Россию

в XIX постоянно сотрясали эпидемии опасных болезней, таких как чума, сыпной тиф и холера. Во время одной из таких эпидемий холеры и тифа в 1893 году погибло 88 врачей – 60% от всех, работавших в зоне эпидемии.

Пожалуй, среди всех слоев русской интеллигенции только земские врачи заслуживали искреннее уважение. Только у них, в отличие от салонных болтунов, служение народу носило вполне конкретный, а часто и трагических характер. Но возникает вопрос – а можно ли их вообще относить к интеллигенции. Я думаю, что в первые десятилетия, пока интеллигенция еще не переросла в конвикцию, охватившую подавляющую часть образованных разночинцев, большинство земских врачей честно исполняли свой тяжкий долг, взятый на себя добровольно, и философствованием и политикой не занимались. Тяжелый и опасный труд быстро избавлял их от «идей», приобретенных во времена студенческой молодости.

Но в 90-е годы, под воздействием общего настроения в обществе, земские врачи также приняла активное участие в политической борьбе. Часть их, в основном выходцы из дворянского сословия, стали активными участниками либерального движения, возникшего на базе земских учреждений. В дальнейшем они пополнили собой ряды партий либерального толка и, прежде всего, кадетов. Большая же часть поддержала сначала движение «народников», а затем вошла в состав различных партий социалистического направления.

Это, пожалуй, единственная социальная группа, радикализация которой была если не оправданной, то, крайней мере, – объяснимой. Многолетняя безуспешная борьба со страшными эпидемиями укрепила их в мысли, что в условиях существующей политической системы добиться существенного улучшения санитарной обстановки в России невозможно.

Как итог, на внеочередном Пироговском съезде в 1905 году прозвучало радикальное заявление. «Мы, русские врачи... пришли к тому глубокому убеждению, что с эпидемиями, имеющими характер народных бедствий... при существующем у нас государственном строе бороться нельзя, а потому рус-

ские врачи приглашают общество принять самые энергичные меры к тому, чтобы, прежде всего, весь государственный строй России был изменен».

Рассмотрим теперь политические настроения не только среди наемных работников, но и в самих земствах. В составе губернских земских собраний преобладало дворянство, составлявшее 85-95% всех гласных. Остальные места занимали представители купечества. Крестьян и духовных лиц было единицы. В уездных собраниях дворяне составляли более 50%, крестьяне 30-35%. Остальные места занимало купечество. Благодаря подавляющему преобладанию дворянства, в большинстве своем земства занимались местными проблемами и в политику не вмешивались. Лишь незначительная часть либерального дворянства пыталась поднимать политические вопросы.

Российский историк Наталья Пирумова подсчитала, что за всю историю земства к либеральному движению можно отнести не более 300 гласных, участвовавших в работе полулегальных или нелегальных либеральных организациях или выступавших в либеральной прессе. Тем не менее, звучавшие в некоторых земских адресах монарху просьбы о введении конституции, о созыве представительного земского органа при государе, сильно напугали правительство и способствовали дальнейшему «закручиванию гаек» в деле развития земского самоуправления.

В молодежной же субкультуре интеллигенции пассивный нигилизм в 70-е годы сменился идеями подготовки социалистической революции в деревне. Можно сказать, что в это период концепт субкультуры интеллигенции несколько скорректировался и формулировался как: образованный и креативный человек, руководствующийся не только разумом, но и чувствами совести, эмоциями сострадания к «народу», ненависти к самодержавию и благоговения перед Западной культурой.

В этот период в ряды интеллигенции, особенно революционной ее части, вливается еще одна мощная струя. Среди русских интеллигентов появляются и постепенно приобретают все больший вес евреи.

Еще в 1844 году николаевское правительство предприняло очередную попытку ассимиляции евреев. Был издан судьбоносный указ о ликвидации кагальной автономии евреев и передаче всех внутренних дел, сбор государственных податей и особых налогов на нужды еврейских общин в ведение городских магистратов. Последствия этого шага, прежде всего, для самого самодержавия, были весьма печальными. Как отмечал Г. Синайский, редактор сайта «Иудаизм против сионизма»: «Массы евреев, отошедшие от веры и принявшие такое активное участие в революции, возникли именно из-за отмены кагальной автономии».

Либерализация жизни общества при Александре II коснулась и евреев. Был принят ряд мер, направленных на интеграцию еврейства в российское общество через повышение его образовательного уровня. Прежде всего, для них была отменена обязательность изучения основ православия в школах и гимназиях. В 1861 году последовало разрешение евреям, окончившим университетский курс, селиться в Великороссии и занимать различные государственные должности. Еще раньше право на проживание за чертой оседлости получили купцы и финансисты. А в 1879 году специалисты со средним образованием: аптекари, медсестры, акушеры, дантисты также получили право проживать в коренной России. Эти меры дали неожиданные результаты. Если при Николае евреи успешно бойкотировали попытки правительства забрать их детей в государственные школы, то теперь еврейские массы, освобожденные от кагальной опеки, буквально бросились в школы, гимназии и университеты, сметая на своем пути все преграды и цензы. И начался процесс их активной эмансипации. Благодаря своему упорству, трудолюбию и талантам, множество евреев заняло достойное место среди инженеров, ученых, врачей, адвокатов, деятелей искусства. В конце XIX века появились первые еврейские писатели и поэты, а также известные художники, композиторы и музыканты, также ставшие частью либеральной интеллигенции. И с этого момента консорция интеллигенции из этнической переросла в межэтническую.

Но среди народов Российской империи именно евреи менее всего имели

основание поддерживать русское самодержавие. Они были энергичным, полным пассионарной энергии этносом, «нацией вечной эрекции» по выражению Василия Розанова. Поэтому значительная часть из них, оторванная от кагала, но не сумевшая найти себя в новых условиях, под влиянием идей атеизма, нигилизма, а затем и марксизма, пополнила ряды революционной интеллигенции. Наиболее радикальная часть из них, вместе с такими же отщепенцами из русской среды и других российских народов образовали внеэтническую группу «профессиональных революционеров», ориентированную на разрушение не только самодержавия, но и всяких национальных традиций и верований.

Уже в студенческих волнениях 1861 в столице впервые участвовали евреи: Михоэлс, Ген и Утин. Последний позднее, в иммиграции стал секретарем Русской секции 1-го Интернационала.

В 70-е годы поток еврейских студентов буквально хлынул в народничество. И их численность в революционных организациях непрерывно росла. По

данным Юлия Гессена, историка еврейского народа, к 1880 году среди 1054 лиц, арестованных за антиправительственную деятельность, евреи составляли 6.5%, что уже несколько превышало процент евреев среди населения России. А к 1905 году, по данным командующего Сибирским военным округом генерала Сухотина среди всех поднадзорных Сибири доля евреев достигла 37%.

В 70-е годы появляются не только рядовые участники, но даже руководители народничества. Прежде всего, необходимо упомянуть такую яркую личность, как Марк Натансон. В 1869 году, в девятнадцать лет, будучи студентом Медико-хирургической академии, Натансон принимает активное участие в революционном движении, став одним из органи-

заторов объединительного народнического кружка «чайковцев». Помимо са-

Петр Кропоткин
1842-1921

мого Николая Чайковского, в будущем известного революционного публициста и одного из основателей партии эсеров, в этот кружок входили такие известные личности, как: князь Петр Кропоткин, к тому моменту уже известный ученый географ, а в будущем – идеолог анархизма; будущие руководители «Народной воли» Лев Тихомиров и Софья Перовская; а также будущий известный писатель и террорист Сергей Степняк-

Кравчинский.

В 1876 году Натансон, едва вернувшись из ссылки, которую отбывал с 1872 года, стал одним из инициаторов изменения тактики знаменитого «хождения в народ» – от выездной агитации к постоянному поселению в деревне. В том же году он организовал знаменитый побег Кропоткина из тю-

Георгий Плеханов
1856-1918

ремной больницы. И тогда же, совместно с Георгием Плехановым,

Лев Тихомиров
1852-1923

организовал первую в России демонстрацию рабочих под красным знаменем на Казанской площади Петербурга. В 1876-1877 годах, до очередного ареста и ссылки, он успел провести большую организационную работу, завершившуюся объединением разрозненных народнических кружков

всех направлений в единую организацию, которая в 1878 году вернула старое название – «Земля и воля». Позднее, в 1904 году Натансон стал одним из лидеров партии эсеров. Наконец, в 1917 году он возглавил партию левых эсеров.

К началу 70-х годов идея свержения самодержавия посредством крестьянской революции выкристаллизовалась окончательно. Интеллигент-народник в это время все свои надежды и чаяния возлагал на простого мужика, считая, что крестьянская община уже содержит в себе зачатки социализма. И готов был преклоняться перед крестьянином-общинником, считая, что ему нужно только немного помочь осознать свою историческую миссию. В этом с ним был согласен и славянофил, и «почвенник», только первый видел в крестьянской общине и земстве залог возрождения традиций допетровской Руси, а второй – оплот укрепления самодержавной России.

Эти восторги интеллигентов и почвенников по поводу крестьянства едко высмеял Алексей Константинович Толстой в сатирической поэме «Поток Богатырь», написанной в 1871 году:

«И, увидя Потока, к нему свысока
 Патриот обратился сурово:
 «Говори, уважаешь ли ты мужика?»
 Но Поток вопрошает: «Какого?»
 «Мужика вообще, что смиреньем велик!»
 Но Поток говорит: «Есть мужик и мужик:
 Если он не пропьет урожаю,
 Я тогда мужика уважаю!»
 «Феодал! - закричал на него патриот, -
 Знай, что только в народе спасенье!»
 Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
 Так за что ж для меня исключенье?»
 Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!
 Править Русью призван только черный народ!
 То по старой системе всяк равен,
 А по нашей лишь он полноправен!»

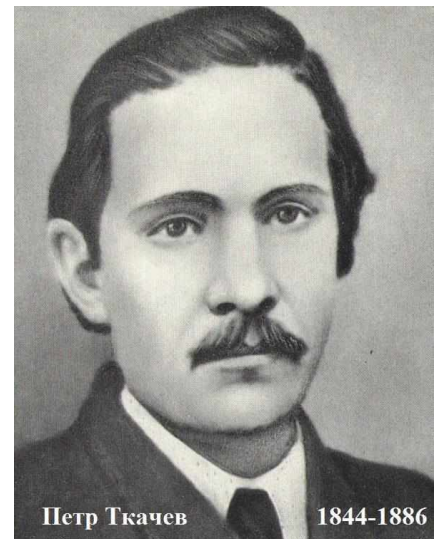
 И подумал Поток: «Уж, господь борони,
 Не проснулся ли слишком я рано?
 Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
 Обожали московского хана,
 А сегодня велят мужика обожать!
 Мне сдается, такая потребность лежать
 То пред тем, то пред этим на брюхе
 На вчерашнем основана духе!»».

Толстой был одним из самых радикальных западников среди либеральной интеллигенции. Он утверждал, что в Киевский период Русь была европейской страной. Московский же период считал позорной страницей русской исто-

рии, где под влиянием монголов холопство и жестокость стали основными свойствами русского народа. А избавиться от них можно только через приобщение к европейской культуре. Толстой и его сторонники не понимали, что отрицая Московский период, они фактически отрицали всю русскую историю и сам русский народ. Так как русские в современном понимании этого слова – это и есть москвичи, возникшие в XIV веке из слияния различных славянских и финских субстратов и постепенно ассимилировавшие или включившие в свою суперэтническую систему другие народы Российской империи. А Киевская Русь к современной России прямого отношения вообще не имеет.

При подготовке к «хождению в народ» среди вождей народников возникли серьезные разногласия. Выделились три основных направления: заговорщицко-террористическое, апологетом которого был соратник и последователь Нечаева Петр Ткачев; бунтарско-анархическое, выразителем которого был Бакунин, и пропагандистское, за которое ратовал Петр Лавров.

Петр Ткачев 1844-1886

Ткачев считал, что крестьянство не готово к политическим действиям и революцию должна совершить группа революционеров-заговорщиков, используя для этого все средства, включая массовый террор. Бакунин, ссылаясь на опыт пугачевского восстания, призывал немедленно поднимать крестьянство на революционный переворот, уничтожение государства и создание свободной федерации крестьянских общин. Лавров же предлагал идти путем постепенного поднятия революционного сознания крестьянства посредством пропаганды социалистических идей.

Николай Бакунин (1814-1876)

Все трое «борцов за народное дело» безвылазно жили за границей, о крестьянской жизни имели весьма смутное представление, но в этой полемике готовы были поубивать друг друга.

В России же подготовкой «хождения в народ» занимался только Чайковский и члены названного его именем кружка. И хотя единого руководящего центра не было, но все же, когда в Поволжье, в 1873-74 годах случился тяжелый голод, сторонники Бакунина решились. Летом 1874 года несколько тысяч студентов, образуя «летучие» бригады, устремились в деревни и села, призывая к социалистической революции.

Естественно, результат был очевиден. Крестьяне проигнорировали благородные порывы и сдали агитаторов полиции. Если первое слово в названии организации находило у крестьян полное сочувствие, то по второму они сразу же обращались к капитану-исправнику. В 1876 году Натансону удалось на время примирить непримиримых противников и заставить их объединиться для общего дела. Теперь уже и лавровцы вместе с бакунинцами для агитации крестьянства пошли на поселение в народ. Впрочем, с тем же результатом. К 1877 практически все агитаторы были разоблачены. Было арестовано более 4 тысяч человек. И все закончилось знаменитым процессом 193-х.

Как мы уже отмечали выше, интеллигенты сострадали не реальному русскому мужику, со всеми его достоинствами, недостатками и жизненными интересами. Они сочувствовали идеальному народу, существовавшему только в их разгоряченном мозгу. Вчерашние студенты, прослушавшие несколько курсов по философии и истории и прочитавшие несколько «умных» европейских книжек, наивно полагали, что теперь они обладают светом истинного знания, скрываемого властями от «темного» народа. И их святой долг, подобно Прометею, донести этот свет до любезного им простого мужика. И тот, озаренный этим светом, немедленно поднимется и сбросит ненавистную тиранию.

Наивность подобных взглядов просто поражает. И что же? Столкнувшись с реалиями жизни, наши добрые интеллигенты осознали собственную глупость? Ничуть не бывало! Во всем оказался виноват тот самый простой мужик, своим тупым упрямством загубивший такое замечательное начинание.

Иван Аксаков еще в 1862 году, после первого «хождения», не без иронии заметил: «Наши чувствительные демократы обыкновенно создают из народа какой-то идеал по образу и по подобию своему. И только в этом виде ему и сочувствуют, не признавая за ним никакого права быть самим собою, и нисколько не чинясь с истинным образом народным... Они даже не прочь в таком случае прибегнуть и к диктаторскому жезлу или просто к палке Петра Великого, чтобы сим сострадательным способом вогнать народ в рамки своего демократического подобия!».

Достоевский в «Дневнике писателя» в 1880 году отмечал: «Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть самим собою... Все черты народа осмеяны и преданы позору. Скажут, темное царство осмеяно. Но в том-то и дело, что вместе с темным царством осмеяно и всё светлое... Самостоятельный склад наш... Демократы наши любят народ идеальный, отвлеченный, в отношении к которому тем скорее готовы исполнить свой долг, что он никогда не существовал и существовать не будет».

Еще одной существенной составляющей русской интеллигенции в 70-е годы становятся представительницы прекрасного пола. Хотя в первый, «нигилистический» период становления русских интеллигенток вышеуказанное определение было, пожалуй, не совсем уместно. Безвкусно и грязно одетые, с подчеркнута эпатажным поведением, смолящие папиросы и рассуждающие об абсурдности брака и семьи, фанатки Веры Павловны из романа «Что делать» имели мало общего с прекрасным. Особенно поражала окружающих их манера носить короткие стрижки. Так у Толстого в уже упомянутой поэме «Поток-богатырь», есть такие строки:

«В третий входит он дом, и объял его страх:

Видит в длинной палате вонючей,
Все острижены вкруг, в сюртуках и в очках
Собралися красавицы кучей.

Про какие-то женские споря права,
Совершают они, засуча рукава,
Пресловутое общее дело:
Потрошат чье-то мертвое тело .
Ужаснулся Поток, от красавиц бежит,
А они восклицают ехидно:
«Ах, какой он пошляк! ах, как он неразвит!
Современности вовсе не видно!»
Но Поток говорит, очутясь во дворе:
«То ж бывало у нас и на Лысой горе,
Только ведьмы, хоть голы и босы,
Но, по крайности, есть у них косы».

Вера Фигнер
1852-1942

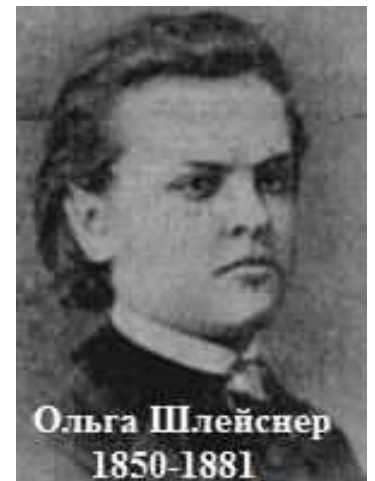
Все эти новоиспеченные нигилистки были выпускницами Высших женских курсов (учеба в университетах женщинам была запрещена). Первыми, в 1869 году в Петербурге были организованы Аларчинские подготовительные

Софья Перовская
1853 • 1881

курсы. И уже среди первых выпускниц появились такие известные революционерки-народницы, как Софья Перовская; жена Натансона – Ольга Шлейснер и сестры Корниловы. В том же году появляются Лубянские подготовительные курсы в Москве. В 1872 году создаются первые Высшие женские курсы Гернье в Москве и Высшие медицинские женские курсы в Петербурге. Наконец, в 1878 году Аларчинские

курсы преобразуются в Высшие Бестужевские курсы, а Лубянские курсы также получают статус Высших. И многие выпускницы этих курсов в 70-е годы пополняют ряды народников. К ним еще стоит добавить такие известные личности, как выпускница Харьковских медицинских курсов Вера Засулич и студентка медицинского факультета Цюрихского университета и член цюрихского женского народнического кружка Вера Фигнер.

Ольга Шлейснер
1850-1881

Несмотря на аресты рядовых пропагандистов, «идейного мяса», брошенного вождями на убой, сама «Земля и воля» практи-

Николай Морозов
1854-1946

чески не пострадала. Эта организация, в отличие от предшествующих, была превосходно продумана и структурирована. В ее основу был положен принцип централизации и строжайшей конспирации. Всякий член организации знал только порученное ему дело, вникать же в особенности работы других членов ему запрещалось.

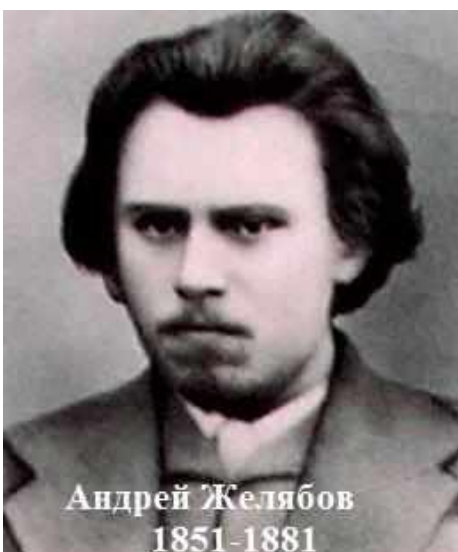
Головная организация насчитывала около 200 человек. Среди ее участников были такие извест-

ные личности, как Георгий Плеханов, Александр Михайлов, Сергей Степняк-Кравчинский, Николай Морозов, Лев Тихомиров, Вера Фигнер, Софья Перовская, Андрей Желябов, Лев Дейч, Осип Аптекман, Павел Аксельрод. Основная организации контролировала сеть местных организаций и кружков, численность членов в которых достигала 3000 человек. «Земля и Воля» имела одноименный печатный орган и своего агента в тайной полиции, благодаря чему не знала ни одного провала.

Александр Михайлов
1855-1881

Учтя негативный опыт «хождения в народ», землевольцы, сохраняя ос-

Андрей Желябов
1851-1881

новной задачей совершение социалистической революции, главный упор в пропаганде делали на требования, исходившие из крестьянской среды: передачу всей земли крестьянам и введение общинного самоуправления. Но теперь уже, помимо крестьян, они развернули пропаганду и среди рабочих, организовав в 1878-79 годах несколько стачек в Петербурге.

Несмотря на все усилия Лаврова, Плеханова и других сторонников пропагандистского направления, среди землевольцев зрело недо-

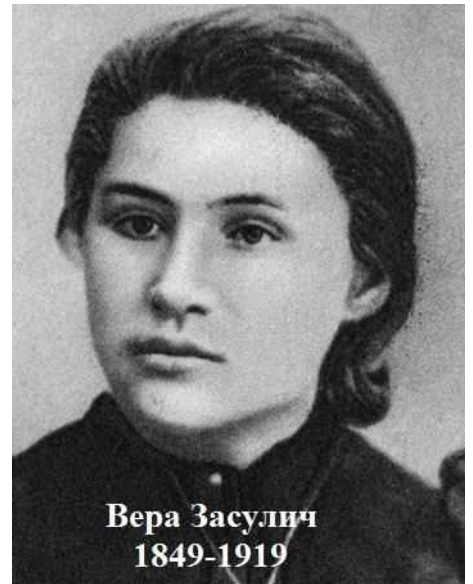

Осип Аптекман
1849-1926

вольство применяемой руководством тактикой борьбы. На это наложилось негодование прогрессивной общественности по поводу расправы «кровавого» царского режима над арестованными народниками. Негодование можно было понять. Всего лишь за какое-то подстрекательство к государственному перевороту, 28 наиболее рьяных агитаторов были приговорены к каторжным работам на срок от 3-х до 10-ти лет, а 26 – сосланы в Сибирь. Остальные из 193-х человек были оправданы или амнистированы. От такой несправедливости у наиболее горячих революционеров буквально мог «вскипеть разум возмущенный».

И он вскипел! Процесс завершился в Петербурге 23 января 1878 года, а уже 5 февраля Вера Засулич совершила покушение на петербургского градоначальника генерала Федора Трепова, тяжело ранив его из револьвера. Вместе с этим выстрелом завершился романтический период первых поколений русской интеллигенции.

Но причем здесь интеллигенция вообще, спросите Вы? Ведь профессор Соколов ясно объяснил, что народники никакого отношения к этому священному имени не имеют. Что для них оно только псевдоним. Истинных же интеллигентов нужно искать среди наиболее выдающихся представителей либерального крыла.

Но здесь профессор неправ. И либералы, и радикалы – две стороны одной медали, именуемой русская интеллигенция. Но что же между ними общего, спросите Вы? Если оставить в стороне соколовские концепты, то общими признаками, объединяющими эту, на первый взгляд, довольно разношерстную публику, будут следующие.

Во-первых, гипертрофированное представление о собственной значимости, вытекающее из тогда еще редкой для России образованности или хотя бы из ощущения таковой. И маститый писатель Тургенев, и последний студент,

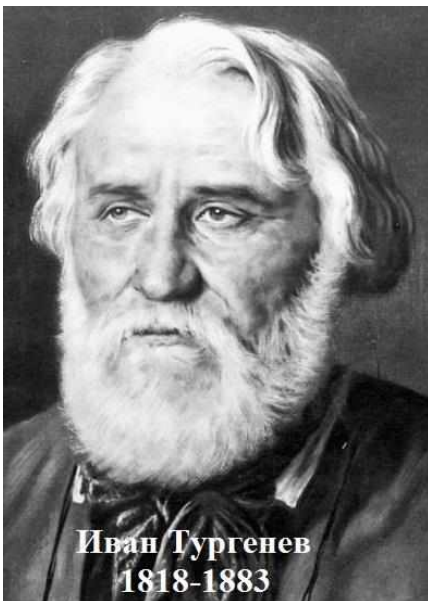
едва осиливший курс философии и других наук, одинаково ощущали свою исключительность и высокое предназначение.

Во-вторых, презрение и даже ненависть к окружающей действительности, или говоря по-научному – негативное мироощущение, из которого вытекает негативное мировоззрение. Для него характерно стремление к идеалистическому упрощению этнической системы. Когда одинаково счастливые люди в одинаковых белых одеждах будут вдыхать ароматы одинаково прекрасных цветов (вспомним бессмертное произведение Георгия Данелия).

В-третьих, антисистемное мышление, порождаемое негативным мировоззрением, для которого характерно представление об этнической системе не как о живом организме, развивающемся по природным законам, а как о механизме, законы развития которого должны формулировать и претворять в жизнь «гениальные» мыслители, к каковым и причисляет себя каждый истинный интеллигент.

Из этого у первых интеллигентов, в зависимости от уровня пассионарности и воспитания, вытекали различные сочетания «само»: самоотверженности, самопожертвования, самомнения, самовлюбленности и т.д.

То, что радикалы и либералы составляли одну референтную социальную группу интеллигенции, для неформального членства в которой необходимо признанием другими членами, хорошо видно на примере Тургенева.

Маститый писатель, после публикации в 70-е годы ряда своих произведений, вновь стал терять авторитет в среде народников. И какова же была его реакция? В Париже Тургенев сошелся с группами революционеров-иммигрантов и начал униженно каяться в «грехах». Чтобы заслужить прощение «народных радетелей», после покушения Засулич он даже написал стихотворение в прозе «Пролог», в котором выразил восхищение революционной молодежью.

Итак, несмотря на разнообразие оттенков философской мысли, главным объединяющим признаком либерального и радикального крыльев интеллигенции являлось антисистемное мышление. В наше время, после 70 лет коммунистического эксперимента, антисистемное мышление настолько широко распространено, что воспринимается уже как норма. Но тогда это еще было достаточно редким явлением, ставшим одной из родовых черт русской интеллигенции.

Еще одним характерным признаком антисистемного мышления является футуристическое ощущение времени. Прошлое с презрением отвергается. Настоящее самостоятельной ценности не имеет и рассматривается лишь как приготовление к «светлому» будущему. Поэтому для интеллигенции первых поколений и было характерно уже отмеченное выше пренебрежение бытом и карьерой, негативное отношение к браку и семье. Какая семья, какие дети, когда народ наш стонет под гнетом! Если мы посмотрим на биографии упомянутых в данной работе интеллигентов первого и второго поколений, то окажется, что практически ни у кого из них не было детей.

Как было сказано выше, другим объединяющим фактором обеих частей интеллигенции являлась ненависть. Причем, как это ни парадоксально, ненависть либеральных интеллигентов была более радикальной. Если революционные интеллигенты ненавидели только царский режим, клянясь в любви к страдающему народу, то либералы ненавидели и презирали все русское: историю, государственное устройство, обычаи и нравы русской земли, что хорошо видно, хотя бы на примере творчества Алексея Константиновича Толстого.

И преклонение перед Западом у интеллигентов-либералов было всеобъемлющим. Они видели спасение России только в полном преобразовании страны по европейскому образу и подобию. Радикальные же интеллигенты пока еще оставляли русскому народу право на некоторую самобытность. Причем ранние интеллигенты-либералы, такие как Чаадаев, Печерин, Грановский, Алексей Константинович Толстой, будучи людьми религиозными, путь общения к Западной культуре видели через принятие католичества. Видимо на

примере чехов, словаков, поляков и хорватов. А Печерин даже попытался осуществить этот переход на личном примере. В то время как следующие поколения либеральных интеллигентов-атеистов видели путь приобщения к западным ценностям посредством просвещения и воспитания.

Насколько реальны были эти варианты «приобщения»? Этническая система чрезвычайно устойчива и обладает колоссальным инстинктом самосохранения. Стереотипы поведения членов этноса меняются во времени под воздействием внешних условий, но меняются очень медленно, не затрагивая их основ. Скачкообразное изменение стереотипов поведения свидетельствует о рождении новой этнической системы. Событие это крайне редкое и происходит под воздействием природных факторов, а никак не по воле «божественной» интеллигенции. Поэтому все эти интеллигентские мечтания абсолютно наивны и для здорового этноса не опасны. Но в фазе надлома, когда защитные функции этнического организма максимально ослаблены, попытки людей с антисистемным мышлением реализовать свои бредовые идеи, как правило, приводят к тяжелым последствиям. Что мы и наблюдаем на примере нашей трагической истории.

Что интересно, если находившиеся в России либеральные интеллигенты, проливая слезы умиления, усердно молились у алтаря Западной культуры, то их радикальные сотоварищи, оказавшись в вынужденной иммиграции, моментально разочаровывались в Западной цивилизации и ее «Абсолютной идее». И буквально все они: Герцен, Бакунин, Кропоткин, Лавров, Ткачев становятся революционерами. И вдруг обнаруживают, что именно «лапотная» Россия, вчера еще ими так презираемая, должна явить миру новый путь построения царства божьего на Земле.

Правда, неизвестно, что для нашей многострадальной Родины было хуже – ненависть либералов или пылкая любовь радикалов. И те и другие черпали философские идеи из «сокровищницы» европейской мысли. При этом у либералов хватило ума хотя бы не пытаться приспособлять европейские учения под российскую специфику. Они рассуждали по принципу: если теория не

соответствует местной жизни, то тем хуже для последней. Революционные же интеллигенты проявили творческую фантазию. Обнаружив в русской крестьянской общине зачатки социализма, они обогатили мировую философию теорией крестьянской социалистической революции Герцена и Лаврова. Другим «выдающимся» вкладом стал анархизм Бакунина и Кропоткина. Наконец, вершиной философской мысли революционной интеллигенции стал политический терроризм Нечаева и Ткачева.

Либеральная часть интеллигенции прямо не поддержала террористические методы борьбы. Казалось бы, ответственность за последовавшую после выстрела Засулич кровавую вакханалию она не несет. Но на самом деле это не так. Либеральные писатели, публицисты, общественные деятели и их последователи не метали бомб, но они создавали общественное мнение, которое теперь формировалось не в великосветских салонах «княгини Марьи Алексевны», а на страницах либеральных журналов. И направлено это мнение было на поддержку радикалов. Поэтому ответственность либеральной интеллигенции за все последующие события несомненна. К тому же, практически все будущие «профессиональные» революционеры вышли из той же интеллигенции.

Не поддерживая террор как метод борьбы, либералы, тем не менее, каждый раз находили веские причины для оправдания действий конкретных террористов. Сила этого мнения была уже столь велика, что даже уголовный процесс над Засулич завершился ее оправданием. Оправдательный приговор вынес суд присяжных под всеобщий восторг «прогрессивной» общественности. Характерно, что председателем этого суда был уже упоминавшийся ими первый потомственный интеллигент Анатолий Кони.

Вообще нужно отметить, что пореформенный российский суд присяжных, до процесса над Засулич, пожалуй, действительно был самым независимым и гуманным судом в мире. После столетий жестокостей, после Николая «Палкина» резкий переход к либеральным реформам опьянил «прогрессивную» общественность. И маятник резко качнулся в другую сторону. В демо-

кратическом угаре суды присяжных раздавали оправдательные приговоры направо и налево.

Эту коллизию подметил Алексей Константинович Толстой, и вновь в своей замечательной поэме «Поток богатырь»:

Видит: судьи сидят, и торжественно тут
 Над преступником гласный свершается суд.
 Несомненны и тяжки улики,
 Преступленья ж довольно велики:
 Он отца отравил, пару теток убил,
 Взял подлогом чужое именье
 Да двух братьев и трех дочерей задушил -
 Ожидают присяжных решенья.
 И присяжные входят с довольным лицом:
 «Хоть убил, - говорят, - не виновен ни в чем!»
 Тут платками им слева и справа
 Машут барыни с криками: браво!

Уже на следующий день после оглашения приговора Засулич правительство спохватилось. Было принято решение о пересмотре дела. Министр внутренних дел и председатель суда были уволены. Но Засулич уже успела скрыться, и вскоре была нелегально переправлена своими сторонниками за границу. Кони же стал успешным адвокатом, в дальнейшем защищавшим в судах многих известных революционеров.

Вскоре последовал указ о рассмотрении дел террористов только военными судами. Но было уже поздно. Прецедент был создан. Террор получил одобрение прогрессивной части общества и, следовательно, уже рассматривался революционерами как вполне приемлемый метод борьбы.

Также благодаря интеллигентам-публицистам в обществе формировалось негативное отношение к органам правопорядка: прокуратуре и особенно – жандармерии. Жандармы существовали во многих странах, но только в России, благодаря усилиям интеллигенции, это слово приобрело крайне негативную коннотацию. Для прогрессивной интеллигенции считалось позорными не только сотрудничество с жандармерией, но даже простое человеческое общение с жандармами. А уж пригласить душителя свободы в свой дом для интеллигента было просто невыносимо.

Печальнее всего, что подобные настроения интеллигенции удалось распространить практически на все образованное общество. И благодаря этому негативному общественному мнению в органах сыска начался негативный же естественный отбор. Способные, образованные, благородные молодые люди в полицию не шли. И в ней постепенно стали преобладать бездарные, злобные и безграмотные карьеристы. Благодаря этому способность жандармерии бороться с бесами революции с каждым годом неуклонно падала.

Немало потрудились либералы и над искоренением у образованной части населения «религиозных заблуждений», на которых традиционно покоились нравственные основы русского общества. Надо признать, здесь интеллигенты добились больших успехов. Вера в бога подверглась осмеянию и практически была изгнана из образованного общества. Эта агрессивная атеистическая пропаганда также показана в замечательной поэме Алексея Константиновича Толстого:

Но Поток из их слов ничего не поймет
Там какой-то аптекарь, не то патриот,
Пред толпою ученье проводит:
Что, мол, нету души, а одна только плоть
И что если и впрямь существует господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же суть в безначалье народа.

И Россия вступила в новый этап революционных потрясений, над которым мрачно повис сакраментальный вопрос Достоевского: «Если бога нет, значит все позволено?!».

Глава 4. Бесы

Пусть вместо «не убий» - убий читают
(Седьмую уж и так не соблюдают!).
«Не пожелай» - десятая – пускай
Напишут на скрижалях: «пожелай»

Аполлон Майков «Два беса»

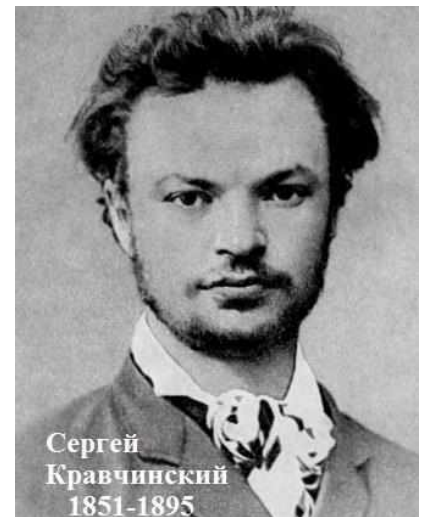
Восторг «прогрессивной» толпы по поводу оправдания Засулич сильно подействовал на наиболее радикальных революционеров. Почувствовав одобрение общественности, они теперь мнили себя героями, решив, что в борьбе за «народное счастье» все моральные принципы могут быть попораны. Всего через шесть лет после появления пророческого романа, бесы сошли с его страниц. И вслед за первыми каплями крови, хлынул кровавый поток.

Григорий Гольдберг
1855-1880

В феврале 1878 года будущий народоволец Григорий Гольдберг смертельно ранил харьковского губернатора князя Дмитрия Кропоткина. В августе того же года, разочаровавшись в тактике хождения в народ, Степняк-Кравчинский ударом кинжала убил шефа жандармов Николая Мезенцева. Наконец, в апреле 1879 года члены «Земли и воли»: Гольдберг, Михайлов, Аарон Зунделевич, Людвиг Кобылянский, Александр Квятковский и Александр Соловьев приняли решение убить царя.

Зунделевич прославился тем, что вместе с Михайловым организовал в 1877 году первую в России настоящую подпольную типографию, издававшую газету землевольцев. Вместе с Кравчинским он участвовал в убийстве Мезенцева. Кобылянский тоже имел террористический опыт, так как помогал Гольдбергу в убийстве губернатора Кропоткина.

Сергей
Кравчинский
1851-1895

Эти трое, как уже опытные убийцы, в первую очередь предложили свои услуги, но были отвергнуты. Гольдберг и Зунделевич, потому что были евреями, а Кобылянский – как поляк. Также была отклонена кандидатура белоруса Квятковского. Было решено, что убийцей русского самодержца может быть только русский. Выбор пал на бывшего учителя Соловьева,

который и совершил неудачное покушение – пять выстрелов практически в упор прошли мимо цели. И это было тем более удивительно, что в тире Соловьев показал себя отличным стрелком.

Пока все эти покушения и убийства совершались без согласия руководства организации. Но после казни Соловьева, члены «Земли и воли» Тихомиров, Морозов, Гольдберг и

Квятковский организовали тайную террористическую организацию «Свобода или смерть» и первую подпольную динамитную мастерскую, которой заведовали: ученик знаменитого ученого Павла Яблочкова Степан Ширяев и изобретатель реактивного двигателя Николай Кибальчич.

В июне 1879 года на Воронежском съезде «Земля и воля» распалась. Меньшая ее часть (не более 100 человек) во главе с Плехановым, Дейчем, Аксельродом, Аптекманом и Засулич образовала «Черный передел», сохранивший верность пропагандистской тактике землевольцев. Большая же часть во главе с Зунделевичем, Перовской, Михайловым, Фигнер и Желябовым образовали боевую террористическую организацию «Народная воля», в которую влилась и тихомировская «Свобода или

смерть» с динамитной мастерской. На первом же заседании организации была поставлена главная задача – убийство Александра II.

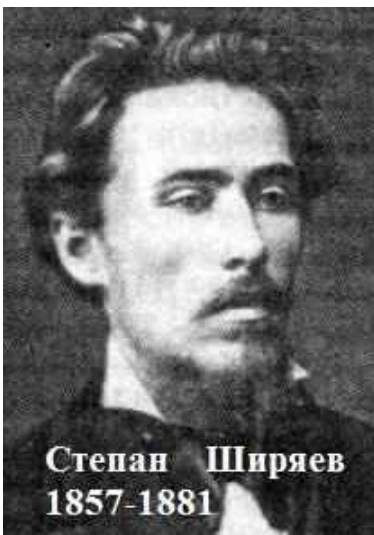
Уже 19 ноября, изготовив достаточное количество динамита, народовольцы совершили первое организованное покушение на царя, сделав три динамитные закладки на разных участках пути следования царского поезда. Но в этот раз судьба хранила самодержца. Бомба, заложенная Михаилом Фроленко, не была задействована

вследствие изменения маршрута поезда. У бомбы Желябова не сработал взрыватель. И только группе Перовской, где исполнителем был Ширяев, удалось взорвать поезд, но он оказался не царским.

Перед покушением, при перевозке динамита был арестован Гольдберг. Вначале он держался достойно, но затем выдал всю организацию. Мотивы, которыми он это

объяснял, выглядят совершенно невероятно. Гольдберг, по его утверждению, надеялся, что правительство, узнав о мощи организации и чи-

стоте ее помыслов, не станет преследовать ее членов и примет их демо-

кратические требования. Можно, конечно, объяснить это попыткой предателя оправдать свое предательство, если бы не последовавшее за этим самоубийство, когда Гольдберг понял, что натворил. Если же он был искренен, то остается только удивляться уровню интеллекта и психического состояния радикальных борцов за

народное счастье.

К тому времени практически все члены «Народной воли» были на нелегальном положении, положив начало такому явлению в российской жизни, как профессиональные революционеры. Поэтому правительству удалось арестовать только 16 народовольцев, включая членов исполкома Квятковского, Зунделевича и Ширяева, а также уже упоминавшегося Кобылянского.

Все они были осужденных на процессе 16-ти. Приговоры были значительно суровее, чем раньше. Квятковский и Андрей Пресняков были казнены, Ширяев умер в тюрьме, остальные получили значительные сроки каторги и ссылки.

Пример Ширяева, организовавшего первый кружок среди гимназистов Саратовской гимназии, в которой он учился, показывает, что в 70-е годы революционное движение еще более помолодело. И теперь, кроме студентов, в нем во все больших количествах начали участвовать гимназисты.

Казнь же рабочего Преснякова открывала новую страницу в истории революционного движения в России. Интеллигенция потеряла монополию на ненависть к самодержавию. Рабочие начинают играть все большую роль в революционном процессе.

Среди осужденных на этом процессе был и рабочий Иван Окладников, который согласился, в обмен на отмену смертной казни, сотрудничать с полицией. В дальнейшем, он стал пионером такого явления в революционной среде, как провокаторство. Благодаря его предательству был арестован Михайлов, ставший к тому моменту фактическим руководителем организации.

Но «Народная воля», несмотря на потерю ряда своих руководителей, не оставила попыток убить царя. В феврале 1880 года Степан Халтурин, еще один представитель рабочего класса в революционной организации, заложил бомбу в подвале Зимнего дворца и произвел взрыв. Сам император опять не пострадал. Но погибли 10 солдат из охраны и еще около 80-ти были ранены. То есть погибли те самые крестьяне, именем которых клялись народовольцы.

К тому же, это были герои недавней русско-турецкой войны, награжденные почетной службой по охране Зимнего дворца. Халтурину тогда удалось скрыться, и он был повешен только в 1882 году уже после участия в убийстве одесского прокурора Василия Стрельникова.

Руководство подготовкой к новому покушению взял на себя Желябов. Но в феврале 1881 года был арестован и он. И тогда последнее покушение на императора возглавила Перовская. 1 марта 1881 года она умело расставила бомбометателей на пути следования Александра II.

Первая бомба, брошенная Николаем Рысаковым, не достигла цели, но бомба поляка Игнатия Гриневицкого стала для царя роковой. Вместе с самодержцем погиб и сам бомбометатель, но схваченный

полицией Рысаков выдал всех членов организации. И вскоре все непосредственные участники покушения: Перовская, Желябов, Кибальчич, Рысаков и еще один рабочий, Тимофей Михайлов – были казнены. Николай Саблин застрелился при аресте, а Геся Гельфман, казнь которой была отсрочена из-за беременности, умерла при родах.

В результате всех этих событий Россия за-

служила сомнительную честь считаться родиной организованного терроризма. Перовская, Желябов, Кибальчич, Халтурин – эти имена знакомы практически всем россиянам, особенно старшего поколения. Даже тем, кто никогда не интересовался историей, а в школе перебивался с двойки на тройку. Знакомы потому, что сотни проспектов и улиц наших городов почти век носили их имена. Большевики, увековечив их память в многочисленных объектах, тем самым объявили себя духовными наследниками террористов. Тем более, что официально объявив «красный террор», они подняли терроризм на государственный уровень. Особенно трогательно звучит Постановление Совета Народных Комиссаров 1926 года, назначившее Вере Фигнер персональную пожизненную пенсию как «участнице цареубийства».

Кстати, во многих городах России улицы и проспекты носят их имена до сих пор. Многие скажут – это наша история. Помнить - не значит прославлять. Но ведь не случайно власти древних Афин издали указ «Забывать Герострата»! А сейчас в некоторых странах дома террористов разрушают, могилы уничтожают, всячески стараясь стереть память о них. Потому что террористов, как и любых людей, пораженных антисистемным мышлением, всегда уничтожали как бешеных собак. Так как бешенство очень опасно и чрезвычайно заразно. Поэтому увековечивание памяти террористов никогда не проходит бесследно.

Безусловно, и нынешние: «Талибан», ИГИЛ, «Аль Каида» и прочая «Нусра» ведут свою родословную от «Народной Воли». И хотя цели тогдашних борцов за народное счастье бесконечно далеки от целей нынешних шахидов, но все же, исламские террористы – духовные дети «Народной Воли» и морально поддержавшей ее русской интеллигенции.

И кто знает, может быть кто-то из современных русских террористов, таких как: Саид Бурятский (Александр Тихомиров) и Павел Косолапов, взорвавшие «Невский Экспресс»; Муслин (Максим) Понарьин, совершивший теракты

в Краснодаре и московском метро; Виктор Двораковский, взорвавший станции метро в Минске и Москве; смертники-шахиды Виталий Раздобудько, Мария Хорошева и Амина Курбанова (Алла Сапрыкина) вырос на улице Софьи Петровской, ходил в школу по проспекту Желябова, посещал кружки во Дворце культуры имени Халтурина или гулял по мосту Гриневицкого.

Но причем здесь интеллигенция, опять спросит возмущенный читатель? Действительно, как провозглашается сейчас со всех трибун, терроризм национальности не имеет. Как не связан он и с какой-либо социальной группой. Профессиональные революционеры-террористы, в отличие от революционных теоретиков, находятся вне этнических или социальных групп. И руководствуются они не ценностями, принципами и стереотипами поведения тех этнических и социальных образований, из которых они вышли, а «Катехизисом революционера». И в соответствие с его положениями профессиональные революционеры с презрением относятся к традиционным ценностям даже тех этносов, которые они представляют.

Показательным в этом смысле было негативное отношение к ортодоксальному еврейству революционеров, выходцев из еврейской среды. Так Яков Фрумкин писал о еврейских революционерах, что «у многих из них сложилось страстно враждебное и презрительное отношение к старому еврейству как к какой-то паразитической аномалии». А Зунделевич отмечал: «Еврейство, как национальный организм, не представляло собой явления, заслуживающего поддержки». Лев Дейч, вспоминая о погромах, замечал: «Все же я допускал, что они отчасти сами виноваты во враждебном к ним отношении, благодаря своему стремлению к легкой наживе и избеганию тяжелого физического труда».

И все же, хотя профессиональных революционеров-нелегалов нельзя относить к интеллигенции, но она несет прямую ответственность за появление «бесов революции». Так как на протяжении всего периода революционного движения, за исключением коротких отрезков времени (во времена «нечаевщины», после убийства Александра II или после событий 1905 года), когда ин-

теллигенция занималась самобичеванием, в остальное время она обеспечивала бесам моральную поддержку. Казалось бы, еще вчера прогрессивная общественность, да и сами революционеры пребывали в шоке, познакомившись с методами Нечаева. Но всего через десять лет «Катехизис революционера» стал настольной книгой террористов, а интеллигенция, затаив дыхание, с восторгом следила за деяниями «таинственной и могущественной» организации. Эта поддержка была столь сильна, что даже консервативные писатели и публицисты, зависящие от мнения читающей публики, не решались твердо встать на сторону правительства.

Характерны слова, сказанные Достоевским Суворину сразу после взрыва в Зимнем дворце: «Представьте себе, вы или я, мы стоим у магазина Дациаро и слышим, что нигилист говорит другому, что через десять минут Зимний дворец будет взорван. Пошли ли бы их предупредить? Едва ли. Я сомневаюсь. А уж схватить этих нигилистов или указать на них полиции, да это и в голову не пришло бы... А почему? Просто боязнь прослыть доносчиком. Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально?». Оба консерваторы, убежденные монархисты, но даже они уже не способны пойти против стереотипов поведения, навязанных интеллигенцией образованной части общества.

Таким образом, русская интеллигенция, оказав моральную поддержку первым террористам, несет прямую ответственность за развитие терроризма не только в России, но и во всем мире.

Как отмечал Андрей Фурсов: «Российская интеллигенция монополизировала сферу идеологии в России конца XIX — начала XX века, тем более что у нее не оказалось не только сильных соперников, но и соперников вообще...».

Но тогда господа интеллигенты, вы все-таки определитесь. Либо «мы здесь не причем» либо «интеллигенция монополизировала сферу идеологии».

Я думаю, что в значительной степени с утверждением Фурсова можно согласиться. В 80-е годы, после смерти Достоевского лишь отдельные талантливые консервативные публицисты, такие как Катков и Леонтьев, да Иван Ак-

саков, последний из оставшихся в живых идеологов славянофильства, пытались противостоять влиянию интеллигенции. Такие же деятели, как Константин Победоносцев, главный идеолог контрреформ Александра III, своим кондовым консерватизмом только ослабляли монархический лагерь, отталкивая от него мыслящих людей.

А что же аристократия и дворянство в целом, привилегированный и правящий класс? К сожалению, после петровских реформ, оторвавших дворянство от народных основ, наблюдалась его постепенная деградация. Она особенно усилилась после манифеста «О вольности дворянства», изданного Петром III в 1762 и дополненного Екатериной II, а также после широкого распространения в среде аристократии масонских идей. Из сословия, платившего налог кровью, дворянство в значительной своей части теперь превратилось в паразитический класс, имеющий все права и не имеющий никаких обязанностей.

В результате часть образованного дворянства окончательно оторвалось от «почвы» и вместе с частью образованных разночинцев сформировала русскую интеллигенцию. Другая часть, в основном помещики, не обремененные государственной службой, к концу XIX века серьезно деградировала. Феномен этой деградации хорошо прослеживается в литературе XIX века. От фонвизинского «недоросля», через гоголевские «мертвые души», гончаровского «Обломова» до его финального аккорда в чеховском «вишневом саду». Высшая же чиновничья бюрократия занималась привычным для любой бюрократии делом – грабила страну. Немногочисленные сановники, способные к действию и понимающие весь ужас надвигающейся катастрофы, буквально тонули в этом аристократическом болоте.

Дворяне не просто утратили монополию на государственную службу. Теперь уже не только среди стацких, но и в офицерском корпусе разночинцы стали преобладающим элементом. К 1897 году по данным переписи, среди гражданских служащих дворян по происхождению было 30,7 %, среди офицеров – 51,2 %, среди учащихся гимназий и реальных училищ – 25,6 %, среди

студентов – 22,8. К тому же на высших государственных должностях наблюдалось засилье немцев.

Массовый приток иностранцев на государственную службу наблюдался и в XVIII веке. Но тогда русский этнос, находившийся в акматической фазе, успешно ассимилировал приезжих, которые принимали православие и уже во втором поколении становились русскими, только с немецкими фамилиями. Теперь же немцы в большинстве своем сохраняли свою веру и национальную самоидентификацию. И к концу XIX века более 40 процентов чиновников военной и гражданской администрации составляли выходцы из западно-христианской суперэтнической системы. Державная идея не входила в перечень составляющих их стереотипа поведения. Штольц, при всей его энергичности и добропорядочности, не мог быть опорой русского самодержавия. Но самое печальное, что не мог уже и Обломов.

Деградация в помещичьей среде порой принимала самые неожиданные формы. Потеря жизненных ориентиров даже приводила некоторых из них в ряды революционеров. Так одним из первых революционеров, казненных царским правительством еще в 1879, был богатейший черниговский помещик Дмитрий Лизогуб, также, к своему несчастью, побывавший в стенах университета. Все свое огромное состояние он передал в распоряжение террористов и казнен был как их главный спонсор. При этом он жил как последний бедняк, экономя каждую копейку на дело революции. Но что самое удивительное! Он бескорыстно жертвовал всем ради «счастья народа», но мысль передать свои обширные земли крестьянам даже не приходила ему в голову. И до самого конца его управляющий исправно выжимал арендную плату их тех, ради кого Лизогуб отдал жизнь.

Таким образом, к концу XIX века аристократия практически полностью уступила интеллигенции в борьбе на всех идеологических фронтах. Аристократы лишь безучастно наблюдали, как интеллигенты с упоением раскачивают лодку, именуемую Российской империей. И в лучшем случае предпочитали не

задумываться о последствиях. И в худшем сами включались в эту бесовскую пляску.

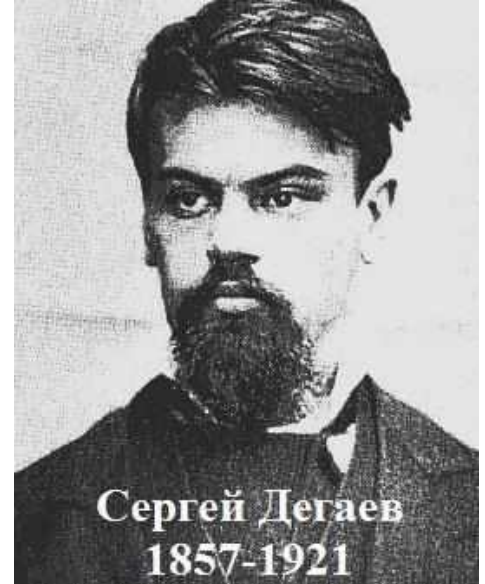
Роковой взрыв на набережной Екатерининского канала стал неким водоразделом в жизни российского общества. Реакция на это кровавое злодеяние населения не оправдала ожиданий народовольцев. Социалистической крестьянской революции не случилось. Среди крестьян распространилось вполне прагматичное мнение, что царя убили дворяне, за то, что он дал волю крепостным. Интеллигенция же, до этого рукоплескавшая действиям террористов, вдруг в ужасе от них отшатнулась. И занялась характерным для нее делом. Сначала нагадить, а потом осознать и каяться.

И в атмосфере ужаса от содеянного, на арену вступило третье поколение русской интеллигенции. Его появление сопровождала волна еврейский погромов, прокатившаяся по юго-западу России после убийства царя. Поводом для погромов стали слухи о том, что цареубийство – дело рук евреев, так как распространители этих слухов выдавали поляка Гриневицкого за еврея.

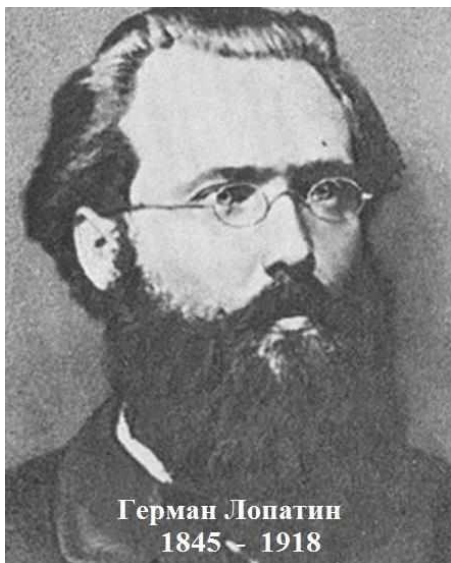
Многие считали, что погромы стимулировались правительством, так как поначалу органы правопорядка действительно не вмешивались в них. Но современные исследования показывают, что развитию погромов способствовали народовольцы, выпускавшие листовки, призывавшие крестьян обрушиться на евреев-эксплуататоров. Из Парижа поддержал погромы и идейный союзник народовольцев – Ткачев. Революционеры надеялись, что крестьяне, размявшись на евреях, на этом не остановятся и поднимут бунт уже против правительства. И стоит только «гениальным» мыслителям их слегка направить в нужное русло, как совершится, наконец, предсказанная в «глубоконаучных» трудах интеллигентских вождей, пресловутая крестьянскую социалистическую революцию.

Но революция, естественно, не случилась. Хотя погромы способствовали радикализации еврейской молодежи и пополнению ею революционных рядов, а также вызвали первую волну массовой эмиграции евреев в США и первую алию в Эрец-Исраэль.

Итак, здесь мы видим провокацию, мистификацию, террор, что представляет народовольцев достойными продолжателями славных «нечаевских» традиций. Не отступили народовольцы и от своей основной цели – уничтожения высших сановников, включая царя. Но дни этой организации, ослабленной репрессиями и лишившейся поддержки даже «прогрессивной» части общества, были уже сочтены. В 1882-1883 годах двойной агент Сергей Дегаев, завербованный жандармским подполковником Георгием Судейкиным, выдал практически всех оставшихся на свободе народовольцев, включая их тогдашнего фактического руководителя Веру Фигнер.

Вообще ситуация с Дегаевым выглядит совершенно фантазмагорично. После ареста Фигнер и значительного числа рядовых членов организации, он фактически становится ее руководителем. Но скрывать провокаторскую деятельность Дегаева при столь массовых арестах, даже, несмотря на умение Судейкина отводить подозрения от своих агентов, было невозможно. И Дегаев, опасаясь за свою жизнь, бежит за границу. Но почему-то бежит в Женеву к тогдашним идейным вдохновителям «Народной Воли»: Тихомирову, Лаврову и Герману Лопатину, также известному революционеру, члену 1-ого Интернационала.

Там он признается в предательстве, но при этом придумывает невероятную историю. Якобы Судейкин не просто завербовал Дегаева, а предложил ему план преобразования России. Дегаев должен был организовывать теракты, уничтожая вышестоящих начальников Судейкина. А тот будет успешно «разоблачать» рядовых террористов и продвигаться по службе. Став министром внутренних дел, Судейкин должен был взять Де-

гаева в заместители. И вместе они постараются убедить царя продолжить демократические реформы Александра II и принять Конституцию.

Невероятно, но после долгих дебатов вожди приняли решение простить Дегаева. Но с условием, что он убьет Судейкина. Возникает вопрос – если они поверили в эту историю, то зачем убивать Судейкина. Если же нет, то прощение Дегаева организацией, уничтожавшей провокаторов по малейшему подозрению, выглядит совершенно необъяснимо.

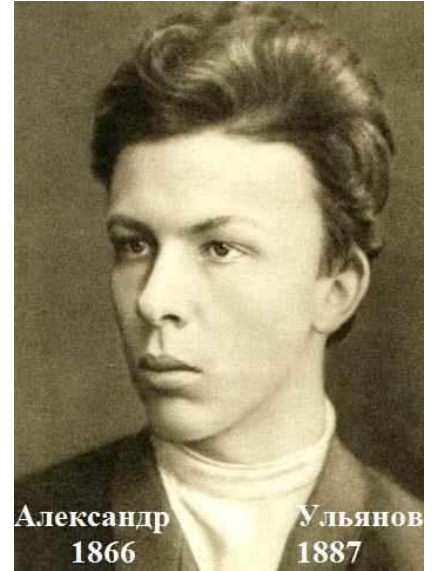
Тем не менее, группа, руководимая Лопатиным, в состав которой входил Дегаев, сумела заманить в ловушку и убить одного из самых выдающихся борцов с террором в истории Российской империи. Самому же Дегаеву удалось вырваться из-под «опеки» народовольцев и скрыться в США.

Там он под именем Александр Пелл получил гражданство, закончил университет, защитил докторскую диссертацию и длительное время работал профессором математики в университете Южной Дакоты. Он считался одним из лучших профессоров университета, которого любили и уважали студенты. И до сих пор в этом университете студентам присваивается стипендия имени Александра Пелла.

Судьба Дегаева весьма поучительна. Обладая блестящими математическими способностями, в полной мере проявившимися еще в гимназии, он мог бы стать выдающимся ученым и принести немалую пользу своему Отечеству. Но помимо способностей, Дегаев обладал также манией величия и гипертрофированным честолюбием. После достаточно случайного знакомства с народовольцами, он был исключен из университета и на его научной карьере был поставлен крест. И тогда Дегаев решил, что все равно добьется славы и успеха, но только став революционером. Причем не простым, а вождем революционного движения. А то, что этот путь принесет ему славу, он не сомневался, так как интеллигенция к тому времени уже сделала все, чтобы вознести революционеров на вершину общественного мнения. И ради своих амбиций Дегаев пошел на все. И действительно осуществил свою мечту, хоть и на короткое время, но став руководителем «Народной воли».

Восстановить террористическую организацию попытался нелегально вернувшийся в конце 1883 года из-за границы Лопатин. Но уже в 1884 году он был арестован, а по найденным у него спискам были арестованы и все вновь собранные народовольцы.

Последнюю попытку возродить террор и организовать новое покушение, теперь уже на Александра III, произвел Александр Ульянов, студент Петербургского университета. Но замысел был вовремя раскрыт. В 1887 году Ульянов и несколько его однокашников были казнены. И «Народная Воля», как организованная сила, окончательно прекратила свое существование.

Возникает вопрос. Как террористы-народовольцы, люди в большинстве своем образованные и не глупые, могли быть столь наивны, что поверили в возможность свершения революции одним лишь убийством царя. Обычно, когда не находят ответа, говорят «бес попутал!». Нет господ, не бес! Революционных фанатиков попутали мыслители-интеллигенты, такие как Герцен, Бакунин, Лавров, Михайловский, Кропоткин, в своих многотомных и «многоумных» трудах доказывавшие «природную» революционность русского крестьянства и «обнаружившие» в крестьянской общине зачатки социализма.

Александр III показал себя решительным и энергичным правителем. Ему удалось полностью подавить активные революционные силы, вызвав уныние в рядах нашей чувствительной интеллигенции. Но все же нужно признать, что своих целей революционеры в некотором смысле добились. Вступив на трон, царь должен был сделать выбор. Либо продолжение либеральных реформ, изложенных в проекте Конституции тогда уже покойного Михаила Лорис-Меликова, главного сподвижника Александра II. Либо жесткий консервативный курс, предложенный Победоносцевым. Император взял сторону последнего, приняв предложение «подморозить Россию». Реформы были не только

прекращены, но даже частично свернуты, что вызвало нарастающее недовольство в обществе. Революционерам удалось-таки забить предохранительный клапан на кипящем котле под названием Российская империя. И дальнейший ход событий был уже практически predetermined.

Но пока еще до взрыва было далеко. Интеллигенция продолжала разрастаться, захватывая все большую часть образованного общества. А в третьем ее поколении все более заметную роль начинают играть потомственные интеллигенты. На фоне спада революционной активности жизнь интеллигенции постепенно устаканивается, и она окончательно из консорции переходит в устойчивую конвикцию.

Первые нигилистки крайне негативно относились к основному инстинкту, не создавали семьи и не заводили детей. Но постепенно природа брала свое. Когда острая фаза нигилистического психоза прошла, многие из них почистили под ногтями, отрасли волосы и вообще привели себя в божеский вид. И вот уже то тут, то там у непримиримых борцов за народное счастье стали появляться маленькие пузатенькие интеллигентки. Вырастая в подобных семьях, они автоматически становились потомственными интеллигентами. Благодаря этому в третьем поколении, в 80-90-е годы консорция интеллигенции постепенно и переросла в конвикцию – устойчивую группу людей с однохарактерным бытом, общими ценностями и семейными связями.

Показателен пример Софьи Ковалевской, первой в мире женщины-профессора математики. Как и все тогдашние нигилистки, для того чтобы получить свободу и покинуть родительский дом, в 1868 году она вступает в фиктивный брак с таким же нигилистом, ученым-палеонтологом Владимиром Ковалевским. В 1871 году они едут в Париж, ухаживают за ранеными коммунарами. До 1874 года Ковалевская учится в Берлинском университете, защищает докторскую диссертацию. И все

это время супруги живут в разных городах. Но в 1874 году фиктивный брак как-то незаметно перерос в настоящий. И через четыре года у них родилась дочь Соня – потомственная интеллигентка, ставшая врачом.

По мере разрасталась интеллигенции и увеличения доли потомственных интеллигентов, в ней постепенно начался процесс естественной деградации. Личные интеллигенты первых двух поколений были в основном выдающимися умами, входившими в эту консорцию по принципу соучастия, разделяя идеалы и нормы поведения своих соратников. А их дети уже входили в консорцию интеллигенции автоматически, независимо от их способностей и склонностей. Первых интеллигентов, помимо любви к Западу и ненависти к России, объединяло презрение и ненависть к «мещанину», к мировоззрению мерзкого и безликого мира мелких лавочников, торгашей и спекулянтов. Для потомственных же интеллигентов антимещенство опустилось на бытовой уровень, как презрение к вещизму. Общими для них теперь становились не политические принципы, а быт, манеры поведения, манеры одеваться. Причем, если вначале быт интеллигентов определяли общие ценности и поведенческие стереотипы, то теперь уже – только традиция.

Далеко не все из потомственных интеллигентов обладали способностями своих родителей, но практически все наследовали их амбициозность и непоколебимую веру в свою исключительность. В третьем поколении пищеварение у интеллигенции значительно улучшилось. Думы о тяжком бремени русского мужика больше не бередили совесть и не портили интеллигентам аппетит. Теперь, как говаривал булгаковский профессор Преображенский, они под водочку уже оперировали закусками горячими. Не чуждо стало им и наслаждение от изысканных блюд и от изящных искусств. В этот период искусство нашло, наконец, в интеллигентах своих подлинных ценителей.

Преклонение же перед «революционным» русским народом сменилось раздражением и презрением к тупому темному мужику, оказавшемуся не способным оценить высокие душевные порывы интеллигентов. Как отмечал Достоевский в «Дневнике писателя»: «Одна из характернейших черт русского

либерализма – это страшнейшее презрение к народу и взамен того страшное аристократничание перед народом (и кого же? Каких-нибудь семинаристов)».

В этот период концепт субкультуры интеллигенции еще раз скорректировался и формулировался как: образованный человек, руководствующийся не только разумом, но и чувствами совести, ненависти к самодержавию и благоговения перед Западной культурой. Как мы видим, из концепта постепенно исчезло сострадание к народу. А вместе с засильем бесцветной потомственной интеллигенции исчезли креативность и творчество.

Поражение революционеров и отсутствие перспектив свержения ненавистной тирании породило среди значительной части интеллигенции, особенно потомственной, уныние и ощущение одиночества. Как писал уже цитированный ранее Хазанов: «Русский интеллигент одинок... Но если враждебность правящей бюрократии, этих каменных уступов власти, кажется интеллигенту чем-то само собой разумеющимся, то равнодушие и непроницаемость огромного и живущего внеисторической жизнью народа составляет для него источник непрестанных недоразумений и страданий. Положение интеллигентов в России до смешного напоминало положение чуждого и окруженного всеобщей подозрительностью этнического меньшинства. Они и говорили на непонятном для всех языке, и вели себя не так, как все. Попытки же «слиться» с народом оканчивались плачевно».

Антон Чехов
1860-1904

И в этом печальном состоянии и застал интеллигенцию великий драматург Антон Чехов. Поругунья, Иванов, доктор Рагин из «Палаты №6», несостоявшийся драматург Треплев из «Чайки», мыльный пузырь профессор Серебряков из «Дяди Вани», три сестры, учитель Трофимов из «Вишневого сада» и другие персонажи его пьес показывают безволие, пустую мечтательность и бесполезность русской интеллигенции.

В письмах, рассуждая об интеллигенции, Чехов еще более категоричен.

«Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» - писал он Орлову в 1899 году. В письме к Суворину, говоря о писателях, Чехов отмечал: «В России они помогают дьяволу размножать слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами. Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция... которая не патриотична, уныла, бесцветна... которая брюзжит и охотно отрицает все, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать... Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях...».

Пожалуй, при всей моей нелюбви к интеллигенции, должен признать, что здесь Чехов все же перегнул палку. Хотя, скорее всего, под интеллигенцией он подразумевал только пустую и никчемную часть образованного общества, которая, собственно, и представлена в его пьесах.

И действительно, к концу XIX века в подобных персонажах не было недостатка. Именно в период упадка революционной борьбы интеллигенция начала стремительно разрастаться. Теперь, чтобы заслужить право считаться интеллигентом, уже не нужно было жертвовать своей карьерой, «ходить» в народ и демонстрировать свою безграничную к нему любовь или писать острые политические статьи, за которые могут и в Сибирь сослать. Достаточно было демонстрировать «кухонную» ненависть к самодержавию и презрение к поддерживающему его «тупому» народу. Ну и, естественно, восхищение «передовым» Западным миром.

Как приятно было, сидя в теплой гостиной на мягком диване ощущать свою сопричастность к передовому обществу, где «витали идеи». И потягивая коньяк, от наслажденья «стенать под гнетом» царского режима. Вообще «стенания под гнетом» теперь становятся неотъемлемым признаком русской интеллигенции – от чеховских героев до Константина Райкина.

Устоять перед этим человеку, сдавшему зачет по философии, открывавшей перед ним все смыслы мироздания, было практически невозможно. И к концу века интеллигенция вобрала в себя значительную часть образованного

российского общества, включая большую часть профессуры и деятелей искусства. Этому способствовала и политика Александра III. Прекращение начатых реформ всегда намного опаснее для стабильности в обществе, чем даже их отсутствие. Поэтому ряды образованных сторонников консервативного лагеря стремительно таяли. Оплотом консерватизма оставалась только аристократия, высшее чиновничество, часть офицерства и только отдельные представители образования, науки и искусства, например, такие известные имена, как химик Дмитрий Менделеев, философ Василий Розанов, историк Дмитрий Иловайский, художники: Виктор Васнецов, Михаил Нестеров, Константин Маковский, книгоиздатель Алексей Суворин и основатель первого оркестра народных инструментов Василий Андреев. Да и то, многие из них пришли к консерватизму лишь только после событий 1905 года.

Несмотря на столь негативное отношение к интеллигенции, сам Чехов, несомненно, был классическим интеллигентом того времени, подверженным приступам хандры и перепадам настроения. Став врачом, поначалу он с энтузиазмом принялся за дело. «Мечтаю о гнойниках, отёках, фонарях, поносах, соринках в глазу и о прочей благодати. Летом обыкновенно полднѣ принимаю расслабленных, а моя сестра ассистирует мне, — это работа весёлая» - писал он Короленко в 1888 году.

«Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь». Это не монолог доктора Трилецкого из фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино», это строки из письма Чехова Суворину, написанному в 1891 году. И там же: «Ах, как мне надоели больные! Нехорошо быть врачом. И страшно, и скучно, и противно».

И в дальнейшем Чехов метался между врачебной и писательской деятельностью, то бросая врачевание, то предпринимая безуспешные попытки

вернутся в медицину. Причем и в литературном творчестве периоды подъема чередовались с временами упадка. В один из таких периодов уныния Чехов даже предпринял длительное путешествие на Сахалин.

Есть соблазн противопоставить интеллигенции людей дела: выдающихся ученых, инженеров, педагогов. Как это сделал Чехов, противопоставив Попрыгунье и ее интеллигентскому окружению самоотверженного служителя науки – доктора Дымова. Но, к сожалению, и тут все не так просто. Многие выдающиеся ученые, такие как Сеченов, Тимирязев, Мечников и другие были, тем не менее, типичными представителями интеллигенции, ненавидевшие царский режим и российскую действительность и преклонявшиеся перед «передовым» Западом.

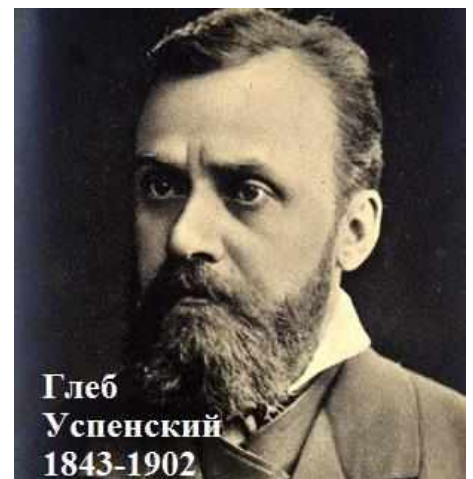
Да и в самой интеллигенции далеко не все возлежали на диванах. Сохранялся еще значительный слой так называемых «легальных» народников, прошедших через аресты, ссылки, негласный надзор. Они продолжали упорствовать в своих заблуждениях, ведя достаточно беспорядочный, хотя и пассивный образ жизни, и косо смотрели на своих зажавшихся и «омещанившихся» коллег по общему социальному слою.

Писатель Иван Бунин, наблюдая за своим старшим братом и его друзьями, так описывал образ жизни «ветеранов» народничества конца 80-х годов: «Жили они, в общем, очень обособленно от прочих русских людей, даже как бы и за людей не считая всяких практических деятелей, купцов, землевладельцев, врачей и педагогов (чуждых политике), чиновников, духовных, военных и особенно полицейских и жандармов, малейшее общение с которыми считалось не только позорным, но даже преступным, и имели все свое, особое и непоколебимое: свои дела, свои интересы, свои события, своих знаменитостей, свою нравственность, свои любовные, семейные и дружеские обычаи и свое собственное отношение к России: отрицание ее прошлого и настоящего и мечта о ее будущем, веру в это будущее, за которое и нужно было бороться».

Как мы видим, Бунин здесь чутко подметил главное свойство людей с антисистемным мышлением, характерным для интеллигенции – футуристическое ощущение времени.

Властителем дум этой части интеллигенции в конце века становится Михайловский. Будучи с 1892 года редактором журнала «Русское богатство», а ранее – «Отечественные записки», этот плодовитый публицист стал рупором так называемого либерального народничества. Творчество его было крайне эклектично, и представляло собой кашу из идей Канта, Спенсера, Лаврова и Чернышевского, сдобренную острой приправой оправдания терроризма. При этом, как это ни парадоксально, будучи певцом народничества, Михайловский себя народником не считал, хотя контактировал с народолюбцами и даже участвовал в составлении знаменитого ультиматума Александру III после убийства его отца. Как и другой апологет народничества, писатель Глеб Успенский, он искал гармонию человеческой личности в русском мужике. Но поиски гармонии ничуть не помешали Михайловскому впоследствии вновь воспеть терроризм. И при этом народолюбцев он считал «неправильными» террористами. Надо полагать, что правильными для него были те, кто, как пошутил Владимир Путин, «отрезают головы каким-то особенно гуманным способом».

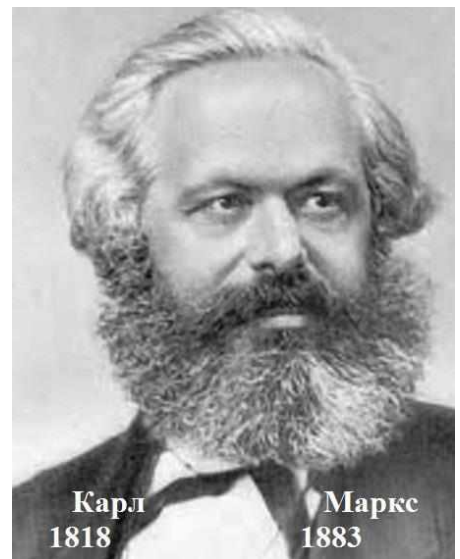

Либеральные народники уже разочаровались в революционности крестьянства, поэтому видели священный долг интеллигенции своими силами помочь мужику вернуть гармонию в его жизнь. Причем необходимость возвращения утраченной гармонии не вызывала у интеллигентов ни малейших

сомнений. Достижение же этой цели они видели в воздействии на самодержавие любыми способами, включая террор.

Другая часть бывших народников, едва успев пережить разочарование в народе, нашла утешение в марксизме. Уже 1883 году из бывших членов «Черного передела» была создана первая марксистская группа «Освобождение труда» во главе с Плехановым, в которую вошли такие известные личности, как Засулич, Дейч и Аксельрод. Любовь к крестьянству была отставлена. Теперь объектом поистине материнской любви этой части интеллигенции становился пролетариат. А новым предметом поклонения становится марксизм.

Группа поставила задачу создания в России социал-демократической партии и всемерного распространения учения Маркса. И надо сказать, своих целей группа добилась. После переводов сочинений Маркса и Энгельса на русский язык, число сторонников марксизма в рядах интеллигенции стало расти как снежный ком. Этому способствовала и позиция правительства. Власть не могла тогда оценить всей опасности самой страшной в истории человечества общественно-политической антисистемы. Новое увлечение интеллигенции царизм рассматривал как помощь в отвлечении образованного общества от идей народничества. Ибо новоиспеченные марксисты и старые народники сразу принялись с увлечением идейно волтузить друг друга.

Карл
1818

Маркс
1883

Нельзя сказать, что русские интеллигенты не были знакомы с учением Маркса и раньше. Многие революционеры-иммигранты в разное время входили в состав 1-го Интернационала и были лично знакомы с основоположником. Но тогда они не придавали серьезного значения учению о диктатуре пролетариата в связи с почти полным отсутствием такового в России середины XIX века.

К 1850 году в России было всего 800 тысяч наемных рабочих. Но в основном это были рабочие на кустарных или мелких производствах. Доля про-

мышленных рабочих была ничтожно мала. К концу же века численность рабочего класса уже достигла 11.8 миллиона, хотя 70% по-прежнему работали на предприятиях кустарного типа. Классический же промышленный пролетариат, могильщик буржуазии, оценивался не более чем в 2 миллиона. Причем 92% составляли крестьяне. Из них у 31% семьи находились в деревне, а 54% сохраняли в деревне наделы. И только 6% уже являлись потомственными рабочими.

Рост численности рабочих был связан как с отменой крепостного права, так и с начавшейся при Александре III ускоренной индустриализацией России. При этом сложились две группы промышленной буржуазии. «Московскую» группу составляли купцы-староверы, сохранившие ведущие позиции во многих отраслях, и прежде всего, в легкой промышленности России. При этом они использовали в основном семейный капитал и кредитами почти не пользовались.

В среде московского купечества, как отмечал Ю. Голицын¹, «стремление избежать душевного разлада между «неправдой денег» и понятием справедливости... вызвало мощный взрыв благотворительности и меценатства во второй половине XIX - начале XX веков». Только по Москве ежегодная сумма, выделяемая на благотворительность, превышала 4 млн. золотых рублей. Небывалый расцвет в искусстве и взлет науки во второй половине XIX века во многом связан именно с этим меценатством.

«Петербургская» группа предпринимателей развивала в основном тяжелую и военную промышленность. Здесь широко использовались государственные кредиты и иностранные инвестиции. Интенсивно развивался банковский сектор и акционерные общества. Вместе с капиталами, иностранные инвесторы принесли в Россию и жесткие порядки, весьма далекие от тех, что исповедовали купцы-старообрядцы. Если на фабриках Третьякова и Морозова был введен 9-ти часовой рабочий день, и заработная плата значительно превышала среднюю по стране, развивалось социальное обеспечение, то на заводах «петербургской» группы рабочие трудились по 12-14 часов за минимальную плату.

¹ Голицын Ю. Предпринимательство и русский характер // Русский предприниматель. – 11, 2001.

Это привело к тому, что по заводам, принадлежавшим промышленникам петербургской группы, в 80-90-х годах прокатилась волна массовых забастовок и стачек. И интеллигенция, с маниакальным упорством искавшая силу, способную сокрушить ненавистное Российское государство, поняла, что, наконец, она ее нашла. В отличие от крестьян, рабочие – тоже вчерашние крестьяне, но только вырванные из привычной среды, оказались более податливым материалом, энергию которых можно было направить в нужное русло.

И работа закипела. Под влиянием группы Плеханова по всей России среди студентов и даже гимназистов возникают марксистские кружки. В одном из таких кружков, руководимых недоучившимся гимназистом Николаем Федосеевым, в 1889 году познакомился с марксизмом молодой изгнанник из Казанского университета Володя Ульянов.

В годы учебы в гимназии Владимир демонстрировал блестящие успехи по всем предметам и примерное поведение. В отличие от других гимназистов, никаких признаков увлечения какими-либо либеральными или революционными идеями он не демонстрировал. Кумиром его юности был Тургенев, произведения которого он знал буквально наизусть. Но уже тогда Володя отличался колоссальной внутренней энергией, умением подчинять своей воле и беспощадностью к врагам. Как вспоминали одноклассники, товарищи его уважали, но не любили.

После казни брата в нем произошел перелом. Он навсегда затаил ненависть к самодержавию и стал одержим идеей его уничтожения. И уже на первом курсе университета Ульянов, став безудержным фанатом Чернышевского и идей его романа «Что делать», установил контакты с оставшимися народовольцами. Едва поступив в университет, он, не колеблясь, примкнул к студенческим выступлениям. За что и был тут же изгнан из стен «храма науки». Причем от-

числен, по тем временам, крайне жестко. Без права поступать в какие-либо учебные заведения и устраиваться на государственную службу.

Индустриализация тяжелым бременем легла на плечи крестьянства. Его экономическое положение непрерывно ухудшалось. Кроме высоких налогов, на них давила необходимость выплаты выкупных ссуд за полученную землю. На это накладывался рост цен на промышленные товары, вызванный протекционизмом, то есть защитой национальной промышленности от наплыва дешевых западных товаров, и быстрая монополизация в тяжелой индустрии. Хроническое недоедание, ставшее уделом многих крестьянских семей, привело к тому, что призывные комиссии выявляли до 20% не годных к воинской службе. А в 1891-1892 годах, вследствие неурожая, в стране разразился настоящий голод.

Но другого выхода у России в то время не было. Еще Крымская война продемонстрировала колоссальное отставание страны в вооружениях, обусловленное отсутствием современной военной промышленности. Западные империи, за счет ограбления колоний, к середине XIX века сумели резко поднять свою экономическую мощь. Это позволило им содержать огромные армии, формируемые на принципе всеобщей воинской повинности. Поэтому, в условиях нарастающей научно-технической революции, качество вооружений и развитие военной инфраструктуры вышло на первый план. Дальнейшее отставание в этой сфере уже не могло быть компенсировано одной доблестью русских войск, и потому ставило под угрозу само существование России, как независимого государства. Поэтому ждать, пока национальный капитал самостоятельно поднимет тяжелую промышленность и обеспечит армию современным вооружением, правительство уже не могло.

Все это приводило к массовому разорению крестьянских хозяйств и появлению сельского пролетариата (батраков). Крепкие кулацкие хозяйства, имея возможность скупать помещичьи земли, создавали крупные товарные производства, широко используя труд батраков. А так как предложение, из-за появления в большинстве крестьянских хозяйств избытка рабочих рук, превышало спрос, то кулаки получили возможность нещадно эксплуатировать своих работ-

ников. Работая практически за пропитание, последние уже не имели шансов завести собственное хозяйство. Поэтому социальная напряженность в деревне постоянно нарастала. Значительная часть сельских пролетариев устремилась в город, нарушив равновесие на городских рынках труда. Столь резкий приток рабочей силы, несмотря на жесткий контроль правительства, не мог не привести к усилению ее эксплуатации.

Переизбыток рабочих рук и безземелье в русской деревне объяснялись резким приростом населения, наблюдавшимся после земской реформы. Так в 1858 году население России составляло 74 млн. человек, а в 1897 – уже 129 млн. Причем изменение динамики прироста объяснялось некоторыми успехами земской медицины. Если рождаемость традиционно была очень высокой, то детская смертность характеризовалась некоторым снижением. Из просто чудовищной она переходила в разряд очень большой. К тому же, хотя эпидемии смертельных болезней продолжали свирепствовать, но благодаря некоторым успехам санитарной медицины, их удавалось быстрее локализовать, не допуская широкого распространения.

Этот колоссальный прирост сельского населения и привел к острой проблеме безземельности крестьянства. При этом плодородной земли в России было в избытке, но находилась она в лесостепных районах Сибири. Переселение в Сибирь требовало колоссальных моральных и материальных усилий, а пассионарная энергия к тому времени среди сельских жителей практически иссякла. Самостоятельно повторить подвиг первопроходцев XVII века они уже не могли. А Столыпину с его переселенческими идеями еще предстояло проделать долгий путь к креслу премьер-министра.

В этом плачевном состоянии и застал крестьянство молодой фермер Владимир Ульянов. Дело в том, что его мать, после исключения Владимира из университета, желая отвлечь сына от революционных идей, купила хутор в Алакаевке Самарской губернии и уговорила его заняться сельским хозяйством. Но хуторянин из него не получился. Хозяйство быстро пришло в упадок. Отношения с соседями не сложились. Поволжье было тогда одним из беднейших

регионов. Так, в Алакаевке 34 крестьянских двора владели всего 62-мя десятинами земли. Поэтому они крайне враждебно встретили Ульянова, который один развлекался на 83 десятинах. И после кражи коровы и многочисленных потрав, Ульяновы отказались от этого занятия, сдав землю в аренду. Видимо в этом периоде жизни и следует искать объяснение той ненависти, которую он затаил на русских крестьян. Как вспоминал его тогдашний соратник Василий Водовозов, во время страшного голода 1891-92 годов Ульянов выступал против кормления голодающих. Его позиция сводилась к следующему. «Голод есть прямой результат определённого социального строя... уничтожить его можно, лишь уничтожив этот строй... Голод в настоящее время играет и роль прогрессивного фактора. Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город... он содействует индустриализации... Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического строя, разобьет веру в царя и царизм и, следовательно, в свое время облегчит победу революции».

Глядя на юность Ленина возникает соблазн предположить – если бы царь помиловал брата, а крестьяне вернули корову, то... Но Февральская революция все равно бы случилась – Ленин ее откровенно проспал в эмиграции. А вот Октябрьской без него действительно не было бы – гении такого масштаба рождаются крайне редко.

Но все это ерунда! Честолюбивый и решительный юноша, жаждавший славы, в университете мимо революционных кружков все равно бы не прошел. А будучи несомненным гением, в борьбе сделал бы правильную ставку на пролетариат и, следовательно, на марксизм. Поэтому с живым или мертвым братом, с коровой или без, он все равно стал бы вождем мирового пролетариата. А так как Ленин верно оценивал крестьянство как постоянный источник воспроизводства мелкой буржуазии, то русский мужик коровой все равно бы не отделался.

Знакомство с марксизмом произвело на Ильича сильное впечатление. Идеи народovolьцев были отставлены. С этого момента он в революционной борьбе делает ставку на рабочий класс. В 1895 году Ульянов вместе с потом-

ственным интеллигентом Юлием Цедербаумом (Мартовым), создает марксистскую организацию «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В отличие от эмигрантской группы Плеханова, они установили тесную связь с неорганизованным рабочим движением и занялись пропагандой марксистских идей в рабочей среде. И хотя вскоре все руководство организации было арестовано и оказалось в ссылке, но распространение марксистского учения среди рабочих уже было не остановить.

Как мы видим, в короткие сроки марксизм завоевал умы значительной части русской интеллигенции и проник в рабочую среду. Но как всегда «сколько интеллигентов – столько и мнений». Едва появившись в России, марксизм распался на несколько течений. На основе теории Бернштейна, отрицавшего революционную составляющую марксизма, в России появился «экономизм»,

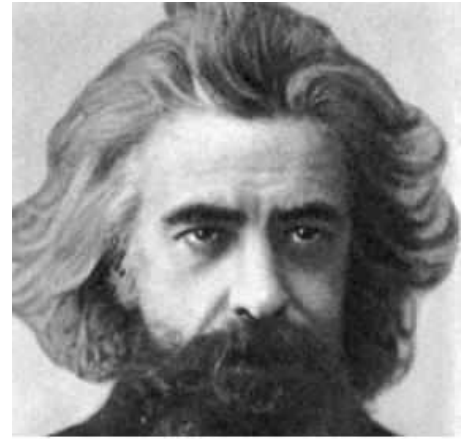

стремившийся ограничить рабочее движение только экономической борьбой. К ним примыкали «правые оппортунисты», сторонники идей Карла Каутского. Также возник «легальный марксизм», утверждавший прогрессивность капитализма в России, идейным вождем которого становится Петр Струве. И, наконец, левый оппортунизм, на возникновение которого повлиял анархизм.

Еще стремительнее марксизм распространялся среди образованных евреев. Уже в начале 90-х годов сформировался всеобщий еврейский рабочий союз (БУНД). И когда в 1998 году состоялся 1 съезд РСДРП, провозгласивший создание российской социал-демократической рабочей партии, БУНД вошел в нее в качестве коллективного члена, а один из его лидеров, Аркадий Кремер стал членом ЦК. И в руководстве различных марксистских кружков и организаций, создаваемых интеллигенцией, также преобла-

дали выходцы из еврейской среды.

Еще одна часть интеллигенции, во главе с религиозным философом Владимиром Соловьевым, после нескольких десятилетий господства в ее среде атеизма, ударились в богоискательство. Этому способствовали и теософские изыски Елены Блавадской и «учение Христа» Льва Толстого. Вообще поиск бога в стране с тысячелетней историей христианства выглядит несколько странно. Но вспомним первых «любомудров». «Христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров... Творения Спинозы мы считали много выше Евангелия». И здесь мы видим величайшее самомнение – один из характерных признаков интеллигенции. Она не могла удовлетворяться «религиозной жвачкой», предназначенной для черни.

Владимир Соловьев
1853-1900

К концу века численность интеллигенции серьезно увеличилась. Опираясь на данные переписи населения 1897 года, профессор Соколов оценил весь интеллектный слой (людей с высшим образованием) примерно в 120 тысяч человек. Если исключить из этого числа 30 тыс. государственных служащих, 12 тысяч представителей духовенства и 4 тысячи офицеров, то подавляющее большинство из оставшихся 74 тысяч: педагогов, литераторов, ученых, служащих искусства, книгоиздателей, журналистов, библиотекарей, юристов, инженеров, агрономов и врачей можно отнести к интеллигенции. То есть численность интеллигенции к концу века могла достигать 60-65 тысяч. К этому необходимо прибавить 25 тысяч студентов ВУЗов и университетов.

К тому времени практически каждый студент, благодаря эффекту толпы или, по-научному, – синергии, во время учебы приобщался к этой замечательной социальной группе. И только в зрелые годы, некоторые из личных интеллигентов находили в себе мужество вырваться из ее рядов. С потомственными интеллигентами, с рождения впитывавшими интеллигентский дух, это уже не

происходило практически никогда. А к началу XX века 50-60% интеллигентов были выходцами из той же среды.

Российское общество того времени было сильно социально структурировано. И если образованные дворяне еще могли более-менее безболезненно отмежеваться от интеллигенции, то образованным разночинцам, не желающим связывать себя с государственной службой, просто некуда было деваться.

К концу века, когда царя-миротворца сменил царь-новомученик, концепт субкультуры интеллигенции вновь несколько скорректировался и формулировался как: образованный человек, руководствующийся не только разумом, но и чувствами совести, ненависти к России и благоговения перед Западной культурой. Как мы видим, теперь уже ненависть к самодержавию сменилась ненавистью ко всему русскому.

Изучая биографии видных революционных интеллигентов, замечаешь общую закономерность.

Семинария, блестящие успехи, поступление в университет, кружки, арест, каторга.

Гимназия, блестящие успехи, поступление в университет, студенческие волнения, бомбометание, арест, виселица.

Пажеский корпус, блестящие успехи, блестящая военная карьера, поступление в университет, хождение в народ, арест, ссылка.

Перефразируя Жванецкого – может в университете что-то поменять?

Мне вообще иногда кажется, что грибоедовский Фамусов был не так уж и не прав, когда говорил: «Забрать все книги бы, да сжечь!».

Истинно говорю я вам: «Многие знания порождают скорбь». Представляю, какой вой поднимет прогрессивная общественность, если прочитает эти строки. Спокойно граждане! Я сам, прости Господи, профессор университета. Сеятель разумного, доброго, вечного.

Конечно, университеты сыграли огромную роль в индустриализации страны, в преодолении научного и технического отставания, в укреплении военной мощи Российской империи, без которой... и бла, бла, бла!

Как говорил чеховский герой: «Нешто мы не понимаем... мы же не все гайки скручиваем...». Вот и я не предлагаю все университеты закрывать. Но философские факультеты закрыл бы. Потому как скорбь порождает не все знания, а только философские. Философы вторгаются в сферы, недоступные человеческому сознанию. Но при этом одну за другой выплевывают «бессмертные» теории, большинство из которых на завтра кажутся смешными даже им самим. И, тем не менее, все эти поклонники монад, несозревшей разумности, абсолютной идеи, вещи в себе и прочей дребедени каждый раз требуют признать свои теории истинной в последней инстанции.

Представим себе на минутку, что все эти бесчисленные стада философов, подобно мамонтам, в одночасье вымрут. И что, мир перевернется? Рухнут биржевые индексы? Остановится производство? Крестьяне разучатся сеять хлеб? Ученые не смогут делать открытия, изобретатели – изобретать, конструкторы – конструировать, художники – творить? Если об этом не расскажут в выпусках CNN, BBC или RT, кто-нибудь это заметит?

Но, может быть, без них падет нравственность населения? Но ранее ее с той или иной степенью успешности поддерживали мировые религии. И что, в местах наибольшей концентрации философов, где наблюдается торжество атеизма или богоискательства, где-нибудь зафиксирован ее расцвет?

«Ну что ты прицепился к бедным философам? – спросите вы – пусть себе развлекаются». И я бы с этим согласился, если бы не одно но. Каждый раз вслед за безобидными мыслителями, вдохновляемые их идеями приходят деятели совсем иного склада. И попытки реализации этих идей приводят к рекам крови и гибели тысяч, а в случае с марксизмом – и миллионов людей.

И теперь подобные катаклизмы были уже не за горами. Но пока большая часть интеллигентов, возлежа на диване, лениво пережевывала передовые идеи. Меньшая же часть, разделившись на марксистов, народников и богоискателей, вела непримиримые словесные битвы на страницах легальных и нелегальных изданий. И в этой атмосфере незаметно подкрался новый, XX век. А вместе с ним на арену вступило четвертое поколение русской интеллигенции.

Глава 5. Пляска на крови

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови.

Александр Блок «Двенадцать»

Начало XX века ознаменовалось четырьмя важнейшими событиями. Самое грандиозное из них, во многом предопределившее дальнейшую судьбу России, это начало в 1902 году перманентного и повсеместного крестьянского бунта. Заскучавшие было народники, воспрянули духом. И в том же году возникла партия социалистов-революционеров (эсеров). Также в начале века в России разразился тяжелый промышленный кризис. А здесь уже зашевелились главные идейные противники эсеров – марксисты. И на II съезде 1903 года была окончательно создана РСДРП.

Крестьянские выступления постоянно происходили и раньше, но с 1902 года они стали носить столь массовый характер, что можно уже было говорить о всеобщем крестьянском восстании. Продолжавшийся стремительный рост народонаселения и, соответственно, все более усугубляющееся беспросветное безземелье большинства крестьянских хозяйств – вот причины этого взрыва.

Целью этого восстания было вовсе не свержение царского режима, а захват земель, причем не только у помещиков, но и у кулаков, и других крупных землевладельцев. При этом крестьяне массово жгли помещичьи усадьбы, но до убийств дело пока не доходило.

Поджоги усадеб не были актами вандализма. За этим стоял вполне здравый расчет. Если дворяне не смогут вернуться в разоренные гнезда, то земля так или иначе все равно достанется крестьянской общине. А то, что эти выступления были столь массовыми, свидетельствовало, что крестьяне действительно дошли до края.

Вдохновленные этими выступлениями, разрозненные народнические организации в 1902 году объединились в партию социалистов-революционеров. Главным теоретиком партии стал Виктор Чернов, а лидерами: Николай Авксентьев, Михаил Гоц, Григорий Гершуни, Евно Азеф и Борис Савенков. Естественно, по народовольческой традиции не обошлось без участия дам. Одним из лидеров партии и членом ее боевой организации стала Екатерина Брешко-Брешковская, «бабушка русской революции», теоретик аграрного террора и политическая наставница Гершуни.

В 1904 году к партии присоединились уже из-

вестные нам Натансон и Чайковский, которые, благодаря своему революционному авторитету, быстро стали одними из ее лидеров.

циализма.

Чернов разработал не только программу партии, но и стал теоретиком террора. Он считал, что индивидуальный террор по отношению к конкретным чиновникам, по «приговору» организации в ответ на те или иные их «антинародные» действия, посеет страх в правящей элите и приведет к параличу государственной власти. Что позволит, в конечном счете, свергнуть самодержавие практически без участия все еще до-

Как и народники, эсеры делали ставку на свержение самодержавия посредством крестьянской революции. Но теперь уже, в свете новых теоретических веяний, в союзе с рабочими и передовой интеллигенцией. А затем предполагалось мирное построение социализма.

без участия все еще до-

статочно инертного народа. Поэтому внутри партии была создана автономная секретная боевая организация, устав которой разработал Гоц, а руководителем стал Гершуни.

И уже в 1902 году эсеры заявили о себе, организовав убийство министра внутренних дел Дмитрия Сипягина, затем ранили харьковского губернатора князя Ивана Оболенского, а в 1903 году убили уфимского губернатора Николая Богдановича.

После ареста Гершуни, руководителем боевой организации стал Азеф, с 1892 года бывший секретным агентом полиции. Этот самый высокооплачиваемый агент организовал около 30-ти терактов, наиболее известные из которых: убийство в 1904 году министра внутренних дел Вячеслава Плеве; убийство в 1905 году великого князя Сергея Александровича; убийство московского генерал-губернатора графа Шувалова, неудачное покушение на киевского генерал-губернатора Клейгельса. Причем, непосредственным организатором всех громких терактов на месте был Борис Савинков.

Азеф намного превзошел своего предшественника Дегаева. Он умело морочил голову и полиции, и своим соратникам. У него было две страсти: деньги и стремление к власти над судьбами людей. И обе он удовлетворял в полной мере. Деньгами его в избытке снабжало правительство. А власть над судьбами людей была действительно сродни божественной. Только от него зависело – чья жизнь должна оборваться, а покушение на кого должно быть разоблачено и сорвано.

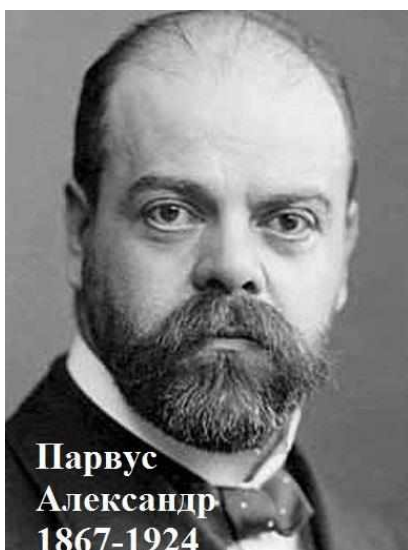
Промышленный кризис привел к разорению

многих представителей «московской» группы, своей благотворительностью во многом определивших расцвет науки и искусства второй половины XIX века. Особенно потрясло всех фиаско блестящего мецената и всеобщего любимца Саввы Мамонтова. Вместе с ним канул в Лету и московско-купеческий, патриархальный капитализм. На смену ему пришли жестко прагматичные западные производственные отношения. Компрадорская буржуазия и олигархия окончательно утвердились в российской промышленности.

Это способствовало росту напряженности в рабочей среде и, соответственно, более решительным действиям марксистов. Для объединения разношерстных марксистских кружков и организаций Ульянов решил издавать в эмиграции газету. Совместно с плехановской группой им в 1900 году в Мюнхене была создана редакция газеты «Искра». В нее вошли: члены группы «Освобождение труда» Плеханов, Аксельрод и Засулич; соратники по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» Мартов и Ульянов, а также делегированный Струве от легальных марксистов Александр Потресов. Газета издавалась в типографии на квартире небезызвестного политического авантюриста Александра

Юлий Мартов
1873-1923

Парвус
Александр
1867-1924

Гельфанда (Парвуса).

В процессе совместной работы Ильич разочаровался в своем недавнем кумире Плеханове. Он уже почувствовал свою гениальность и способность подчинять людей своей воле. Мечтательный юноша Ульянов, в детстве восхищавшийся Тургеневым, в ранней молодости – Чернышевским, а на ее исходе – Марксом и его последователем Плехановым, умер. И в начале века родился автор ленинизма и вождь мирового пролетариата Владимир Ленин.

Разочаровался он и в интеллигенции. Интеллигенты, составлявшие большинство «экономистов», легальных марксистов и прочих течений в «клубе любителей Маркса», подходили к его творчеству догматически. Они понимали, что русскому пролетариату предстоит пройти еще очень долгий путь, прежде чем он достигнет состояния, которое позволит ему, в соответствии с марксовой теорией, обеспечить вождьленную гегемонию. Поэтому они предлагали сосредоточиться на экономической борьбе пролетариата и помощи буржуазии в развитии капитализма и ограничении самодержавия.

Ленин же подошел к теории Маркса творчески, не оставив от нее камня на камне. Он руководствовался принципом: если жизненные реалии не соответствуют требованиям теории, то тем хуже для последней. В своей программной работе «Что делать», изданной в 1902 году (любовь к Чернышевскому он сохранил до конца своих дней), Ленин соединил стратегию марксизма с тактикой народников. Он объявляет, что история поставила перед русским пролетариатом задачу стать авангардом мирового пролетариата и разрушить самый могучий оплот не только европейской, но и азиатской реакции. Почему поставила, с какого перепугу – никто не понял. Но все попытки возразить вызывали у вождя сильнейшее раздражение.

Ленин отвергает надежды Маркса на «стихийные пролетарские революции, возникающие вследствие «естественного» хода истории». Он создает учение о партии нового типа, которая только и способна организовать пролетарскую революцию. Принципы функционирования и тактику такой партии он практически целиком берет из нечаевского «Катехизиса». А вот едва упомянутое Марксом положение о диктатуре пролетариата Ильич развивает в целое учение, ставшее краеугольным камнем ленинизма.

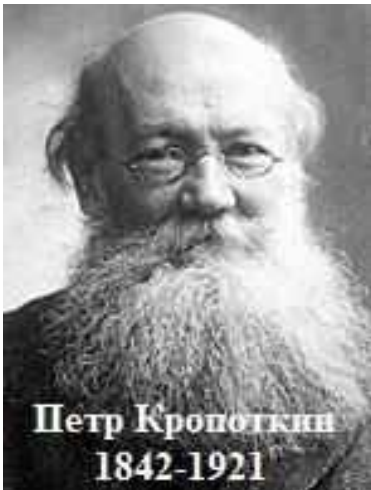
Из «Искры», как известно, разгорелось пламя, и в 1903 году был созван 2-ой съезд РСДРП, на котором собрались делегаты от множества марксист-

ских ячеек различных городов России. Поначалу на съезде преобладали сторонники марксизма. Но благодаря колоссальной энергии, несгибаемой воле, полемическим способностям и дару убеждения Ильича ленинизм победил. Важнейшие партийные документы были приняты в редакции Ленина, и партия раскололась на большевиков и меньшевиков. Причем все наиболее известные марксисты-интеллигенты оказались в рядах меньшевиков, а единственная партийная газета в их руках.

Но даже в этих условиях Ленину удалось сохранить лидерство в партии. И на III съезде раскол на большевиков и меньшевиков был оформлен окончательно. А Ильич навсегда затаил злобу на этих гнусных интеллигентов, не пожелавших по достоинству оценить его гениальные идеи. Большевики стали единственной рабочей партией, в которой предпочтение отдавалось рабочим. Гениальный теоретик в ней должен был быть только один. А все остальные должны были беспрекословно ему подчиняться. Интеллигентам, постоянно сбивающим с толку разнообразием мнений, в ней не было места.

«Они не хотели учиться мирно и товарищески. Воротили нос. Пусть проваливаются к черту! Я им набью морду и ошельмую как дурачков перед всем светом». Это отрывок из письма Ленина от 1915 года по поводу других несогласных «товарищей». Но и тогда эти слова вполне могли быть адресованы Плеханову и его соратникам.

Оживился и «патриарх» революции, князь Кропоткин. Перебесившись в эмиграции вместе с европейскими анархистами в конце 70-х – начале 80-х го-

дов, после смерти Бакунина теоретик анархизма в основном сосредоточился на научной работе. И в России постепенно идеи анархизма были прочно забыты. Но в 1903 году в Лондоне он издает первый анархистский печатный орган «Хлеб и Воля», направленный на пропаганду идей анархизма среди российских адептов. И уже к началу революции 1905 года под влиянием этой пропаганды в России возникают раз-

личные течения анархистов.

Но тогда же произошло еще одно важное, но не отмеченное газетами событие. В начале века в Россию вернулись масоны.

Новое появление русских масонов имело некоторую предысторию. Хотя масонские ложи после указа Александра I действительно закрылись, но отдельные масоны, как местные, так и иностранцы, продолжали работу соответствующей направленности. В записке о деятелях масонских лож, сотрудник Департамента полиции Леонид Ратаев упоминает француза Помье, работавшего в 50-х – 60-х годах учителем в Александровском лицее. Тот отбирал наиболее способных учащихся и проводил с ними индивидуальные «философские» беседы. В результате этих бесед уже упоминавшиеся нами ранее Шамшин, братья Серно-Соловьевичи и Слепцов стали организаторами «Земли и воли». А Григорий Вырубов и Евгений де Роберти почти сразу после окончания лицея покинули Россию и примкнули к масонскому движению.

Среди многочисленных русских интеллигентов, по разным причинам оказавшихся в эмиграции, масонство пользовалось большой популярностью. Объяснение этому достаточно очевидно. Русская интеллигенция просто возвращалась на свою духовную Родину, из которой она, собственно, и вышла в середине XIX века.

Одним из первых, в 1845 году был посвящен Бакунин, достигший 32-ого градуса в Великом Востоке Италии. Его примеру последовал Кропоткин. В 70-х годах был посвящен философ Григорий Вырубов, достигший высшего, 33-го градуса и ставший вице-председателем совета Великого Востока Франции. Вместе с русским изобретателем Павлом Яблочковым, посвященным в масоны в 1881 году, они объединили

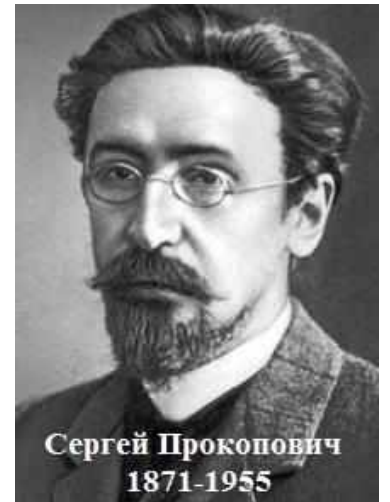

Николай Баженов
1857-1923

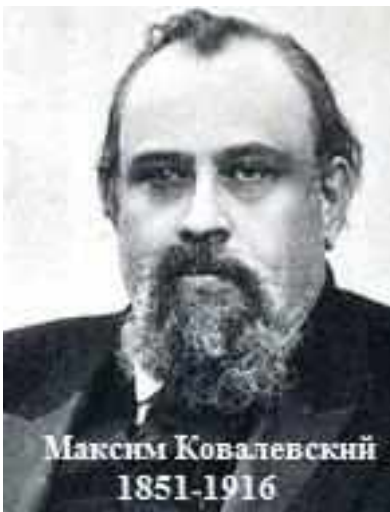
разрозненных русских масонов во Франции. Кроме них, во французское масонство были посвящены такие известные личности, как психиатр Николай Баженов и экономист Сергей Прокопович.

Яблочков создает в 1887 году русскую эмигрантскую ложу «Космос», в которой прошли посвящение профессора де Роберти и Максим Ковалевский. Именно последнему предстояло сыграть

ведущую роль в возрождении масонства в России. Сначала, благодаря его усилиям, под контролем ложи «Космос» в 1901 году в Париже была открыта Русская высшая школа общественных наук. Одной из ее негласных задач была подготовка в масонском духе будущих борцов за «свободу» России.

Сергей Прокопович
1871-1955

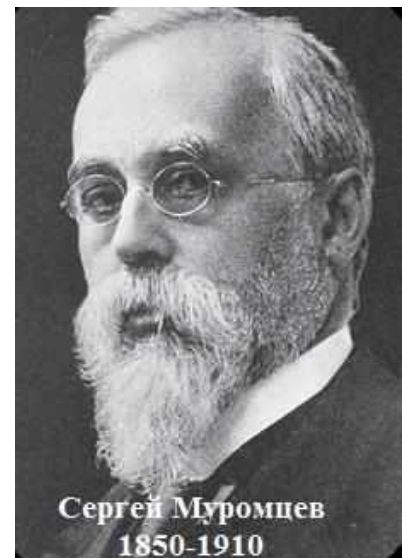

Максим Ковалевский
1851-1916

Помимо Ковалевского, в школе преподавали: «брат» де Роберти, «брат» Баженов и «брат» Мечников. Приглашались для чтения лекций Струве, Ленин и будущий председатель I Государственной думы Сергей Муромцев.

Среди слушателей были замечены масоны Великого Востока Франции Лев Троцкий и Анатолий Луначарский.

В 1903 году эмигрантами-масонами на базе журнала «Освобождение», издаваемого Струве, был создан «Союз освобождения», среди организаторов которого были такие известные личности, как: Прокопович; его жена Екатерина Кускова; философы

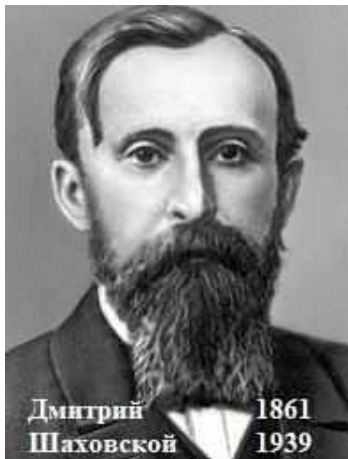

Сергей Муромцев
1850-1910

Николай Бердяев, Сергей Булгаков и Семен Франк; будущий академик Владимир Вернадский; профессор Сергей Котляревский; адвокаты Василий Маклаков, Максим Винавер и Иосиф Гессен; историк Павел Милуков; князя Дмитрий Шаховской и Павел Долгоруков.

Итак, радикальная интеллигенция возглавила процесс создания революционных партий народников и марксистов-меньшевиков, а также стала передовым отрядом вновь проникающего в Россию мирового масонства. А что же либеральная интеллигенция?

Как она реагировала на взрыв народного негодования?

Но, прежде чем рассмотреть этот вопрос, необходимо разрешить проблему отделения интеллигенции от просто образованного дворянства и разночинства. Как мы уже отмечали выше, отличительной чертой интеллигенции при ее возникновении являлась ненависть к Российскому государству и стремление к либерализации общества по западному образцу. Но к 80-м годам

XIX века, после вступления на путь революционной борьбы рабочего класса, интеллигенция утратила монополию на ненависть к самодержавию. Монополии же на либерализм у интеллигенции не было никогда. Среди аристократов, благодаря длительной масонской пропаганде, также было немало либералов и их количество непрерывно росло.

Собственно, первым либералом в России была еще Екатерина II, восторженная поклонница Вольтера. Что, впрочем, не помешало этой самой незаконной из всех незаконных и полузаконных правителей XVIII, из страха за свою судьбу, позволить дворянству превратить российский феодализм в одну из самых гнусных форм рабо-

владения. В либеральном духе был воспитан и ее внук, Александр I. Но и этот утонченный масон и либерал, даже после всенародной победы над Наполеоном, не решился уничтожить рабство. Хотя и создал официальный механизм добровольного освобождения крестьян, которым помещики «почему-то» не воспользовались.

Настоящим либералом, по крайней мере, до первого покушения на него, был и Александр II. В отличие от предшественников он совершил действительно грандиозные либеральные реформы. Эти реформы не могли быть осуществлены без поддержки значительного числа либеральных соратников царя – министров и других высших сановников.

И в дальнейшем, количество либералов в высших кругах аристократии и государственных служащих непрерывно росло. Либеральные настроения проникали даже в армию и органы охраны правопорядка. Вспомним хотя бы уже упоминавшегося начальника генерального штаба Николая Обручева и начальника Охранного отделения Судейкина.

В этой связи интересна фигура приемника Судейкина – полковника Сергея Зубатова. В юности он увлекался нигилизмом. Поддерживал контакты с народовольцами, был знаком с уже упомянутым Михаилом Гоцем. Но после его привлечения, в связи с этим, к полицейскому дознанию, в 1886 году Зубатов согласился стать секретным сотрудником полиции. Благодаря его деятельности, множество народовольцев, в том числе и Гоц, были арестованы.

В 1889 году он был зачислен в штат Московского охранного отделения. Благодаря своим способностям и нестандартным методам работы, во многом заимствованным из практики Судейкина, он достиг небывалых успехов, разгромив практически все революционные организации того времени не только в Москве, но и в Петербурге. Благодаря этому Зубатов быстро продвинулся по службе и в 1896 году стал начальником московского Охранного отделения.

На этом посту он поднял организацию сыска на небывалую доселе высоту, создав широкую агентурную сеть, одним из членов которой стал Азеф. В этот период им были ликвидированы многие революционные марксистские организации, в том числе были арестованы практически все участники I съезда РСДРП и руководители БУНДа.

Но именно в этот период проявились его либеральные идеи. Зубатов сумел убедить Правительство возглавить борьбу рабочих за свои экономические права, чем надеялся оторвать их от влияния революционеров. С этой целью под руководством Департамента полиции создавались рабочие профсоюзы, мешавшие революционной агитации марксистов. А для противодействия все возрастающему влиянию БУНДа, Зубатовым была создана Еврейская независимая рабочая партия.

Став в 1902 году начальником Особого отдела Департамента полиции, после начала массовых крестьянских волнений Зубатов продолжал настаивать на проведении реформ, а не репрессий. Его либеральные взгляды разделял и директор Департамента полиции Алексей Лопухин и московский обер-полицмейстер Дмитрий Трепов, соратник Зубатова по созданию рабочих профсоюзов.

Несомненным либералом был и министр финансов Сергей Витте. Вместе с Зубатовым они пытались сместить с должности министра внутренних дел Вячеслава Плеве, консерватора и сторонника жестких мер. Но Плеве оказался сильнее. Витте был отправлен в почетную «ссылку», а Зубатов – в отставку, с подозрением в неблагонадежности.

Либералом был и министр внутренних дел Петр Святополк-Мирский, сменивший на этом посту убитого Плеве. Он не препятствовал работе незаконного Земского съезда в 1904 году и поддержал его решения. Обобщив их, Мирский подал на рассмотрение императора программу конституционной реформы, которая была отклонена.

Помимо вышеперечисленных наиболее значимых фигур в государственном управлении, среди аристократов более низкого ранга также было

немало либералов. А среди дворян, составлявших большинство в земских учреждениях, либеральные настроения были вообще преобладающими.

Итак, весь революционно-либеральный слой русского общества включал: революционных рабочих; профессиональных революционеров, выходцев из интеллигенции; революционных интеллигентов; либеральных интеллигентов и либеральных дворян. Отличие революционных рабочих от революционных интеллигентов очевидно. Но где грань между профессиональными революционерами с высшим образованием и революционной интеллигенцией. И как отличить либеральных интеллигентов дворянского происхождения от просто дворян-либералов.

Профессиональные революционеры, переходя на нелегальное положение, полностью подчиняли свою жизнь революционной борьбе, отбросив все стереотипы и условности, характерные для интеллигенции. К ним можно отнести Нечаева, Ткачева, народовольцев, членов боевой организации эсеров, Ленина и его ближайших соратников. А вот легальные марксисты, «экономисты, лидеры эсеров Чернов и Авксентьев, также как и лидеры меньшевиков Плеханов, Аксельрод, Засулич, несмотря на свою революционную деятельность, продолжали оставаться типичными интеллигентами, сохраняя все стереотипы поведения этой социальной группы или конвикции.

Сложнее будет разобраться с либералами. Здесь различие заключалось в мироощущении. Для дворянина-либерала было характерно позитивное мироощущение, характеризуемое системным мышлением. Он все-таки был сыном своей Отчизны, хотя и понимал ее проблемы и надеялся на реформы сверху, вытекающие из естественных потребностей русского общества. Фактически эти либералы развивали национально-либеральные идеи уже забытых славянофилов, только с коррекцией на современную жизнь. А либерал-интеллигент, как мы отмечали ранее, обладал негативным мироощущением и, как следствие, антисистемным мышлением. Он ненавидел Родину и мечтал о реформах, которые полностью изменят Россию, но по западному образцу.

«Прощай немытая Россия...» – это впервые сказал не украинский президент Порошенко, а русский поэт Лермонтов. Душа интеллигента рвалась в какую-то «светлую даль», которая предположительно находилась где-то на Западе. Его утонченная натура, воспитанная уже вторым, а то и третьим поколением, содрогалась при виде окружающей действительности, в которой ему выпало несчастье существовать. Негативное мироощущение теперь уже формировалось с раннего детства. В семьях интеллигентов. В гимназиях, где среди учителей теперь преобладали либеральные интеллигенты. В университетах, где вся профессура уже была поражена этим мировоззренческим недугом.

Этот негатив мы можем увидеть везде – в письмах Печерина, в сатире Алексея Константиновича Толстого и Салтыкова-Щедрина, в теориях народников, в демаршах профессуры, в резолюциях съездов врачей. Можно сказать, что разросшаяся к началу первой русской революции интеллигенции представляла собой инородное тело, злокачественную опухоль на и так не здоровом русском этносе, находящемся в фазе надлома. И что самое страшное – это была опухоль мозга!

Либеральные «слизняки и мокрицы» мечтали полностью уничтожить ненавистную им «немытую» Россию. Но как это сделать либеральный интеллигент не понимал. И потому метался между надежной на всеобщий переход в католицизм, писаревским естественнонаучным раскрепощение личности, толстовством, экуменизмом Владимира Соловьева и прочей ерундой.

Будучи человеком образованным, он в глубине души осознавал всю утопичность своих прожектов. И потому все чаще с надеждой поглядывал на своего буйного собрата – революционного интеллигента. Либерал очень опасался революционных потрясений. Но все же мечтал о том, что когда революционер полностью «разровняет» Россию, он по своему «гениальному» проекту с чистого листа построит новую страну, не имеющую ничего общего с ненавистой наследницей ордынского рабства.

Негативное мироощущение и связанное с ним антисистемное мышление крайне заразительно. К началу XX века оно приняло характер настоящей эпи-

демии, и русская интеллигенция поглотила не только практически всех образованных разночинцев, но и значительную часть образованного дворянства. Интеллигенция занимает руководящие посты во всех вновь возникших партиях, уступив профессиональным революционерам только руководство партии большевиков. К тому же, эмигрантская часть интеллигенции сыграла решающую роль в возрождении русского масонства.

В этой обстановке началась Русско-Японская война, завершившаяся тяжелым и позорным для России поражением. Это поражение стало лакмусовой бумажкой, еще раз подчеркнувшей отношение интеллигенции к своей Родине.

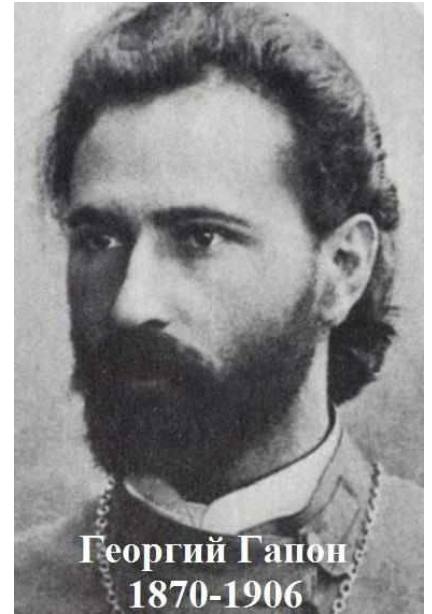
В то время как простой народ тяжело переживал катастрофу русской армии, «прогрессивные» студенты, журналисты, адвокаты после Цусимы посылали приветственные телеграммы Микадо¹ по поводу победы над реакционным царским режимом. И это были не единичные случаи, а массовое явление. Ревнителю «вольности и прав» испытывали радостное удовлетворение от того, что деспоту и тирану нанесен непоправимый урон. Не лучше показал себя и либерал Витте. Обиженный на царя за свою отставку, в июне 1904 года он записал в своем дневнике: «Я боюсь быстрых и блестящих русских успехов; они бы сделали руководящие Санкт-Петербургские круги слишком заносчивыми... России следует испытать еще несколько военных неудач».

Василий Розанов тогда написал: «Русская печать и общество, не стой у них поперек горла правительство, разорвали бы на клоки Россию, и роздали бы эти клоки соседям даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы. И вот отчего без колебаний нужно прямо становиться на сторону «бездарного правительства», которое одно только все охраняет и оберегает».

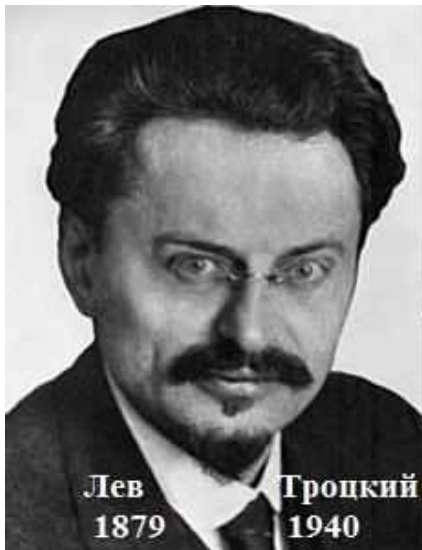
В результате, вместо патриотического подъема Николай получил рост антиправительственных настроений. А чтобы подтолкнуть революцию, была организована грандиозная провокация – «Кровавое воскресенье».

¹ Микадо – старинный титул японского императора, ныне не используемый.

Главным организатором всеобщей стачки рабочих Петербурга и последующего шествия рабочих к царю выступил агент полиции - небезызвестный поп Гапон, который после ухода Зубатова, возглавил созданные тем профсоюзы рабочих. Гапон, одержимый манией величия, был не только агентом охранки, но и союзником эсеров. Вместе с ним подготовкой шествия занимался эсер Петр Рутенберг. И потому эсеровские боевики хорошо подготовились к предстоящему мероприятию. С

утра в разных концах города уже строились баррикады, начались нападения на полицейских. Боевики выполнили свою миссию, дав повод для принятия решения о применении силы. И роковой приказ стрелять был отдан. Хорошо спланированная акция принесла ожидаемые результаты.

Дальнейшие события развивались стремительно. Началась всеобщая политическая стачка. Повсеместно были созданы рабоче-крестьянские Советы, во главе которых встали «профессиональные» революционеры. Так Петербургский Совет возглавили Троцкий и Парвус. Отряды анархистов, большевистских и эсеровских боевиков громили государственные учреждения и полицейские участки, «брали» банки, убивали городских. Крестьяне повсеместно жгли помещичьи усадьбы. Кругом царил анархия, полиция практически исчезла с улиц, в то время как основная часть армии находилась на фронте в далекой Маньчжурии.

Хотя революционные события были вызваны внутренними причинами, но не обошлось и без внешнего влияния. Американский финансист Яков Шифф выделил значительные средства «на организацию отрядов самообороны для противостояния прокатившимся по стране еврейским погромам». На

самом же деле значительная часть этих средств шла на подготовку профессиональных революционеров и поддержку антиправительственной печати.

Казалось, что организаторы революционных событий все рассчитали верно. 17 октября 1905 года царь вынужден был издать манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». В нем декларировалось дарование основных гражданских прав и свобод, таких как неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. Объявлялось также об избрании на основе всеобщего избирательного права Государственной Думы, имеющей законодательные функции, и создании Госсовета.

Социал-демократы (меньшевики) и эсеры легализовали свои партии и печатные органы, получив полную свободу для пропаганды своих идей и открытой политической борьбы. В тот же день учредительный съезд объявил о создании путем слияния «Союза освобождения» и «Союза земцев-

конституционалистов» конституционно-демократической партии (ка-де-тов), практически целиком состоящей из либеральной интеллигенции. Как мы видим, утверждение академика Лихачева о том, что из интеллигентов нельзя создать партию история опровергает.

Председателем партии стал уже упоминавшийся нами князь Долгоруков. В состав ЦК вошли «освобожденцы» Муромцев, Милюков, Маклаков, Струве, Шаховской, Винавер и Гессен, а также лидер земцев Иван Петрункевич. И все эти интеллигенты, за исключением Милюкова, были или в последствие стали масонами.

Чуть позже предприниматели, крупные землевладельцы и либеральные чиновники объединились в Союз 17 октября (Октябристы). Председателем партии стал крупный промыш-

ленник Александр Гучков. Одним из основателей – Михаил Родзянко. Оба масоны.

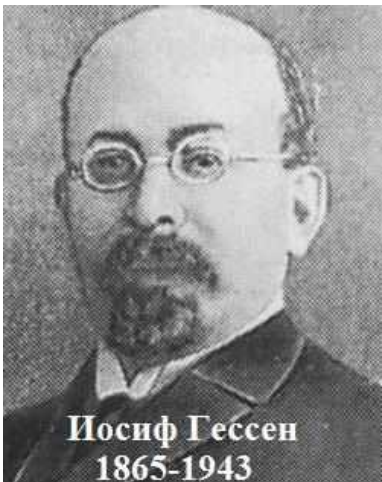
После избрания I Государственной думы, где большинство получили кадеты, в ней была создана трудовая группа (трудовики), опиравшаяся на идеологию народников. Хотя ее основу составляли крестьяне, но в неформальном руководстве опять-таки преобладали интеллигенты. Первым председателем

Думы был избран кадет Муромцев.

Но уступки Правительства лишь раззадорили революционеров. Эсеры и большевики проигнорировали выборы в Думу. Беспорядки и хаос нарастали и, казалось, что дни монархии сочтены. Но в манифесте, кроме уступок революционерам, содержался призыв «... всем верным сынам России вспомнить свой долг перед Родиною, и помочь прекращению

сей неслыханной смуты...». И простые русские люди услышали этот призыв,

вышли на улицы и дали решительный отпор боевикам. Уже в конце октября был создан «Союз русского народа», сыгравший решающую роль в разгроме революции. «Сборище темного отребья» - так назовут этих людей негодующие представители «прогрессивной» интеллигенции. Между тем, членами этого «Союза» становятся: Иоанн Кронштадтский, будущий патриарх Тихон, академики Менделеев и

Соболевский, историки Забелин и Бутми, художники Васнецов и Нестеров, публицисты Розанов и Тихомиров. Кроме этих самых известных имен, в деятельности «Союза» принимали участие множество общественных и государственных деятелей, ученых, священнослужителей, наконец, сам Николай II.

Возглавили организацию врач Александр Дубровин, чиновник Владимир Пуришкевич и помещик Николай Марков.

Благодаря действиям «Союза русского народа» и вернувшихся с фронта воинских частей, а также решительности нового Премьера Петра Столыпина, революционные выступления были подавлены, а Советы разогнаны. Но, на фоне спада революционных выступлений, нарастала волна террора боевых групп эсеров, большевиков и анархистов. Всего, за период с 1902 до убийства Столыпина в 1911 году, которое венчало собой террористический этап русской революции, жертвами терактов и разбойных нападений стали 17 тысяч человек. А с 1905 по 1907 годы было убито 9 тысяч, при этом на 1907 год пришлось около 6 тысяч погибших. Причем, если эсеры специализировались на уничтожении царских сановников, то жертвами анархистов мог стать любой богато одетый человек. Большевистские же боевые дружины, созданные в начале революции для того, чтобы вести массы на баррикады, занимались теперь в основном откровенным разбоем.

Бросается в глаза быстрая нравственная деградация «буревестников революции». Так, если бомбист Каляев еще мог остановить теракт, увидев сидевших в карете вместе с Великим князем детей, то бандиты из анархистов и большевистских боевых дружин действовали уже безо всяких сантиментов. Во время «экссов» бомб и патронов не жалели. Из 17-ти тысяч жертв красного террора первой революции около 12 тысяч составляли случайные прохожие и мелкие служащие.

Выборы во II Государственную Думу, в которых участвовали уже все политические партии, принесли победу «трудовикам». Теперь политический спектр Думы был следующим. Правый фланг составлял «Союз русского народа» (вместе с казачьей группой – 40 мест). Он представлял консервативный лагерь, выступавший за сохранение самодержавия и в поддержку экономических реформ Столыпина. Его электорат был весьма разнообразен. С одной стороны аристократия, духовенство и часть чиновничества и офицерства, а с другой – мещанство и казачество.

Далее шли «Октябристы» (44 места), представлявшие буржуазию и крупных землевладельцев. Они также поддерживали Столыпина, но выступали за конституционную монархию.

Центр составляли кадеты и трудовики. Кадеты (98 мест) представляли интересы либерального дворянства и либеральной интеллигенции. Соответственно они сразу разделились на правых и левых. Правые приближались к «Октябристам», левые – к «Трудовикам».

«Трудовики» (104 места) – союз крестьян и части рабочих, но в руководстве также были представлены либеральные интеллигенты. Кадеты и трудовики выступали за более радикальное изменение политической системы, но чисто парламентскими методами. При этом трудовики были радикальнее кадетов в аграрном вопросе.

На левом фланге находились народные социалисты (16 мест), социал-демократы (65 мест) и эсеры (37), выступавшие за революционное свержение монархии.

Народные социалисты, одним из лидеров которых был экономист, статистик и публицист Николай Анненский, представляли революционную интеллигенцию, поддерживающую идеи легальных народников. Их главное отличие от эсеров было в полном отрицании террора, как метода борьбы.

Социал-демократы, среди которых большинство тогда составляли «меньшевики», естественно представляли рабочих. Но у меньшевиков в руководстве также преобладала революционная интеллигенция, причем по большей части радикальные выходцы из еврейской среды. Помимо отмеченных ранее лидеров меньшевиков, наиболее яркими представителями партии были: Федор Дан (Гурвиц), Ираклий Церетели и Николай Чхеидзе.

В подавлении первой революции выдающаяся роль принадлежала новому премьеру Столыпину. Свою речь на заседании 2-ой Госдумы 10 мая 1907 года он закончил словами: "Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!". Столыпинские галстуки быстро успокоили наиболее ярких разрушителей российской государственности. В 1906-1907 гг. по приговорам созданных им военно-полевых судов были осуждены 1102 человека.

Но Столыпин прославился не только, и не столько жесткостью при подавлении бунта. Его важнейшим деянием была аграрная реформа. С 1907 года были отменены обременительные для крестьян выкупные платежи, задолженность по которым составляла более 1,6 млрд. рублей, и земля перешла в полную собственность крестьянских общин. Были значительно снижены налоги на крестьянские хозяйства и отменены некоторые сословные ограничения. С 1906 года был отменен запрет на выход из общины, ограничения в свободе передвижения и организовано массовое переселение крестьян в Сибирь.

С этой целью были даже разработаны специальные вагоны, прозванные «столыпинскими». Условия проезда в них вызвали волну возмущения у рафинированных интеллигентов. Но зато они позволяли крестьянам брать с собой скот и сельхозинвентарь. К тому же перевоз всего имущества и скота был бесплатным. Каждой переселенческой семье правительство выделяло 30 десятин земли и 200 рублей подъемных. Кроме того, предоставлялись длительные льготные

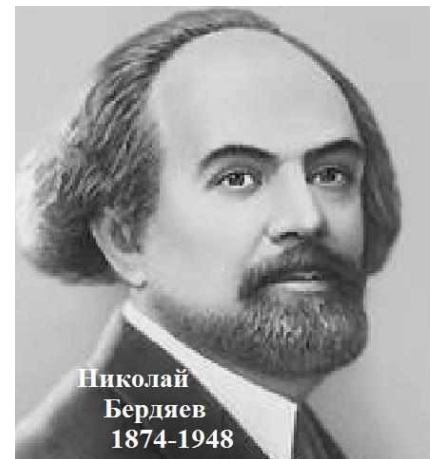

кредиты и полное освобождение от налогов на несколько лет. Благодаря этому, за восемь последующих лет за Уралом обустроилось более 3,0 млн. человек.

Но эти реформы опоздали минимум лет на двадцать. Количество переселяемых не компенсировало естественного прироста населения в европейских областях. Несмотря на все усилия Правительства, действующего в рамках существующих земельных отношений, и значительный отток населения в города, земельный дефицит в крестьянских хозяйствах продолжал углубляться. А вместе с ним и революционные настроения в деревне.

После разоблачения Азефа организация эсеров была дискредитирована, пропагандистская работа практически прекратилась и только разрозненные группы продолжали террористическую деятельность. Большинство активных большевистских боевиков и их руководителей, благодаря провокатору Малиновскому и жадности «самого человеческого человека»¹, оказались в тюрьмах и ссылке. А их вожди во главе с Лениным залегли в эмиграции.

После разгрома революции либеральная интеллигенция вновь пришла в ужас от действий революционеров и снова занялась самобичеванием. Апофеозом этого традиционного для интеллигенции явления стало появление в 1909 году сборника «Вехи», среди авторов которого были уже упоминавшиеся Струве, Бердяев, Булгаков и Франк. В нем авторы дали негативную оценку действиям революционной интеллигенции.

¹ - 200 тыс. руб. (2,2 млн. долларов по курсу 2005 года), добытых боевиками Камо в результате самой кровавой тифлисской экспроприации, оказались новыми, а их номера известны полиции. Но Ленин все же решил рискнуть и для обмена добычи на валюту отправил самых надежных и проверенных людей в заграничные банки, где они все и были арестованы.

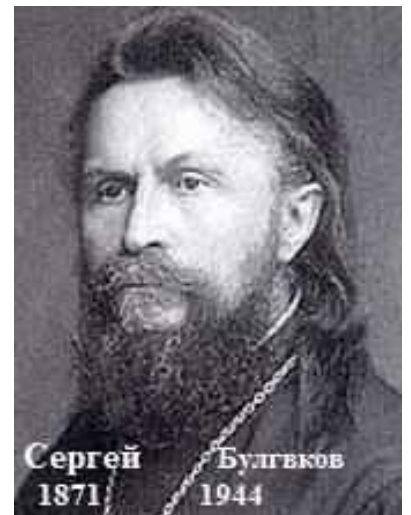

Содержание сборника вызвало страшное возмущение в интеллигентских кругах. Что вполне естественно. Гораздо более любопытны личности «обличителей». Все четверо типичные интеллигенты, причем Франк – потомственный. В молодости все начинали как легальные марксисты и революционеры. В начале века перекочевали к философскому идеализму. Стояли у истоков «Союза освобождения». Затем их пути расходятся. Франк, также как и

Струве, становится либералом и вступает в партию кадетов, а Бердяев и Булгаков становятся религиозными философами. Но уже к 1908 году Струве и Франк отходят от политики и вскоре объединяются в вышеуказанном сборнике на основе критики революционной интеллигенции. После чего Франк принимает православие, и также как Булгаков, под влиянием идей Владимира Соловьева становится философом–богоискателем.

И вот эти постоянные философские скачки профессор Соколов с умилением называет «золотым фондом культурного наследия России» и «основой школы русского идеализма».

После поражения революции основная масса интеллигенции впала в уныние. В ресторанах богема предавалась пьяному разгулу. Всякая стыдливость и нравственность предавались анафеме. Дело дошло до того, что девушки стеснялись своей невинности.

Многие же либеральные интеллигенты ударилась в мистицизм и оккультизм.

Благодаря росту популярности в высшем обществе теософии Елены Блаватской, оккультизм, спиритизм и прочая изотерика стали пользоваться большим успехом еще на рубеже веков. Результатом этого стало проникновение в Россию в начале века ордена мартинистов, проповедовавшего мистическое квазихристианство, и близкого к нему ордена филалетов. В кратчайшие

сроки в эти ордена были вовлечены представители высшего света, включая великих князей: Николая и Петра Николаевичей; Николая, Георгия и Александра Михайловичей. Некоторое время среди мартинистов была замечена и сама Императрица. На рубеже веков возобновил свою деятельность в России и мистический орден Розенкрейцеров.

Расцвет мистического масонства в России проявился в модернизме «Серебряного века» литературы и искусства. Идея «служения народу» чеховским «слизняками и мокрицами», составлявшим теперь основную массу интеллигенции, порядком поднадоела. И теперь они с энтузиазмом бросились в служение «идеалам красоты и гармонии».

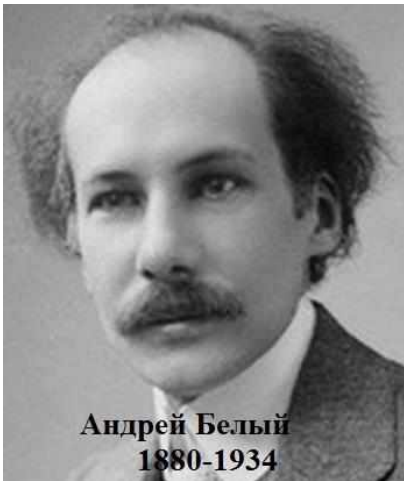

В поэзии возникло модернистское течение символистов. К наиболее известным символистам относились: Федор Сологуб, Дмитрий Мережковский, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Зинаида Гиппиус, Максимилиан Волошин, Вячеслав Иванов, Андрей Белый и наиболее яркий представитель этого течения – Александр Блок. Их идейными противниками были акмеисты. Среди них

выделялись основатель течения Николай Гумилев, а также Анна Ахматова, Осип Мандельштам и Марина Цветаева.

Развитие модернизма в поэзии завершилось самолюбованием в эгофутуризме Игоря Северянина и «пощечинами общественному вкусу», раздаваемыми молодыми и наглыми кубофутуристами Велимиром Хлебниковым и Владимиром Маяковским.

Модернистское искусство носило элитарный характер, концентрируясь вокруг замкнутых объединений, что также подчеркивает его связь с мистическим масонством. Так, например, в 1910 году в ложе «Люцифер», созданной розенкрейцерами, были посвящены Белый, Брюсов и Вячеслав Иванов. В ложах мистического масонства состояли также Волошин, Гиппиус и Блок.

Большинство современников восторги нынешних искусствоведов по поводу модернизма «Серебряного века» почему-то не разделяли, называя его декадансом, то есть упадком. Исключая из этого понятия, пожалуй, только акмеистов, да наиболее талантливого из символистов – Александра Блока.

Русская интеллигенция сильно обиделась на авторов «Вех» за критику ее роли в первой русской революции. Но за что же она критиковалась? Как писал Струве: «Интеллигенция нашла в народных массах лишь смутные инстинкты, которые говорили далёкими голосами, слившимися в какой-то гул. Вместо того, чтобы этот гул претворить систематической воспитательной работой в сознательные членораздельные звуки национальной личности, интеллигенция прицепила к этому гулу свои короткие книжные формулы. Когда гул стих, формулы повисли в воздухе».

То есть он критикует интеллигенцию не за раздувание революционного пожара, а за неумение его правильно организовать. И критика эта оказалась вполне конструктивной. Интеллигенция поняла, что такое сложное дело нельзя пускать на самотек и после того, как испуг от ужасов первой революции прошел, занялась кропотливой работой по подготовке новой смуты.

Анализ состава I и II Государственных Дум показал, что монархические силы оказались в явном меньшинстве. И самое главное, что крестьянские депутаты не примкнули к монархистам, а впервые в русской истории встали в

оппозицию к самодержавию, причем даже более радикальную, чем интеллигенты-кадеты. То есть многовековой общественный договор между русским народом и его самодержцем был разрушен, самодержавие лишилось главной опоры и оказалось крайне уязвимо.

Осознание этого факта, при наличии широких политических свобод, подвигло либеральную интеллигенцию, наравне с революционной «бесстрашно» включиться в активную работу по уничтожению монархии. Причем включилась вся интеллигенция – от последнего прыщавого гимназиста до убеленного сединами профессора. Каждый старался внести свой посильный вклад в дело разрушения многовековой российской государственности, включившись в эту безумную пляску под лозунгом: «Кто не скачет – тот сатрап!».

При этом ставка была сделана на организационный опыт мирового масонства. В 1906 году Ковалевский обратился к «Великому Востоку Франции» с просьбой разрешить ему открыть в России масонские ложи. В короткий срок Ковалевским, де Роберти и Котляревским были созданы ложи: «Возрождение», «Северное сияние», «Полярная звезда» и «Астрея», а также ложа Великой Ложи Франции – «Феникс».

В 1908 году эмиссары Великого Востока Бертран Сеншоль и Жорж Буле приезжали в Россию для инсталляции масонских лож Москвы и Петербурга. Причинами, побудившими обратиться именно к Великому Востоку Франции, была относительная простота обрядности и его принципиальная установка на активное участие в политической жизни.

От Великого Востока русские масоны получили ценные знания по манипуляции общественным сознанием. Кроме того, еще в Париже, на заседаниях русской ложи «Космос» были сформулированы основные стратегические направления борьбы с самодержавием, о которых стало известно из доклада в Департамент полиции уже цитированного ранее агента Ратаева.

Прежде всего, планировалось нанести удар по православной церкви, которая поддерживает и укрепляет самодержавие. Здесь планировалось развернуть борьбу за достижение безграничной свободы совести, с опорой на раз-

личные секты, которые могут «бессознательно оказать содействие к искоренению в простом народе остатков привязанности к Царю и привычной послушности его правительству». При этом указывалось на необходимость взять под контроль народное образование и воспитание «будущих граждан будущей свободной страны, всячески очищая мозги от накопившихся веками предрассудков, суеверий и заблуждений».

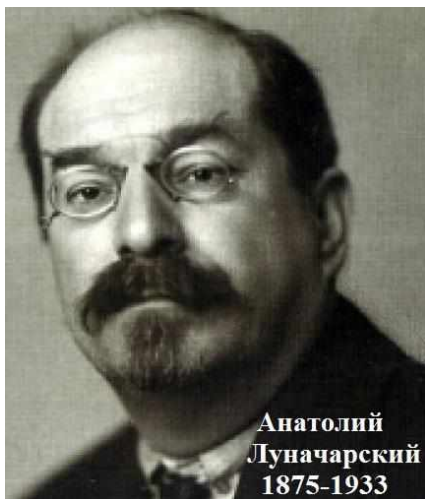
Другим важным устоем самодержавия был назван патриотизм, «именуемый национализмом». Поэтому планировалось вести борьбу против всяких националистических, обрусительных стремлений.

Еще одним устоем самодержавия был объявлен милитаризм, главной целью которого является «возбуждение все того же нездорового патриотизма, для отвлечения внимания общества от внутренних государственных вопросов». Здесь наиболее действительным противоядием признавалась пропаганда пацифизма.

Для повышения эффективности работы по всем этим направлениям планировалось поставить под контроль масонских лож все «прогрессивных» органы печати, наиболее влиятельных публицистов, журналистов, писателей, поэтов и других деятелей искусств. А также внедрение масонов в руководство всех партий либерального и революционного спектра.

Надо признать, что вольные каменщики в короткий срок добились больших успехов в реализации разработанной стратегии. В масонских ложах оказались лидеры эсеров: Чернов, Авксентьев, Савинков, Чайковский, Керенский; меньшевиков: Церетели и Чхеидзе; октябристов: Гучков и Родзянко, а также практически все руководство кадетов. Даже в ленинскую «партию нового типа» просочились масоны Анатолий Луначарский, Иван Скворцов-Степанов, Леонид Красин и Глеб Бокий.

Анатолий
Луначарский
1875-1933

Муромцев организовал подконтрольное масонам общество «Беседа», из которого выросло пацифистское Общество Мира. Удалось масонам поставить под свой контроль и большинство «прогрессивных» газет и журналов.

Результаты этой работы не заставили себя ждать, тем более что семена масонских сеятелей упали на благодатную почву. Еще Плеве отмечал: «Та часть нашей ответственности, в общежитии именуемая русской интеллигенцией, имеет одну, преимущественно ей присущую особенность: она принципиально и притом восторженно воспринимает всякую идею, всякий факт, даже слух, направленные к дискредитации государственной, а также духовно православной власти, ко всему же остальному в жизни страны она индифферентна». А после начала работы Общества Мира военный историк Евгений Мартынов заметил: «Попробуйте задать нашим интеллигентам вопросы: что такое война, патриотизм, армия, военная специальность, воинская доблесть? Девяносто из ста ответят вам: война — преступление, патриотизм — пережиток старины, армия — главный тормоз прогресса, военная специальность — позорное ремесло, воинская доблесть — проявление глупости и зверства...». Удивительно, как все это актуально звучит по отношению к современной интеллигенции.

Несмотря на первые успехи, нетерпение фазы надлома сказалось и здесь. Устав даже такой политизированной масонской организации, как Великий Восток Франции, не вполне удовлетворил русских адептов. И уже в 1910 году был создан Великий Восток народов России, куда перешло большинство масонов из русских лож Великого Востока Франции. Входящие в него ложи имели упрощенный устав и ритуалы. На заседаниях лож обсуждались не рефераты по «нравственному самосовершенствованию», а политические работы, направленные на развитие технологии свержения власти. Фактически в то время масоны взяли на себя не только организационные функции, но и роль современных политтехнологов, а также работу по подбору и продвижению

кадров на важнейшие посты в партиях, общественных организациях, прессе и даже в Думе, армии и полиции.

Справедливости ради следует отметить, что в масонство были вовлечены не только интеллигенты. Рядом с ними в ложах заседали «братья» из купечества, офицерства и даже аристократии. Так октябрист и промышленник Гучков сумел организовать в 1910 году «Военную ложу», куда вошли генералы: Василий Гурко, на квартире которого проходили заседания, Михаил Алексеев - будущий начальник Генерального штаба, Николай Рузский – будущий командующий Западным Фронтом, Алексей Поливанов – будущий военный министр; тогда еще полковники: Петр Половцев, Александр Крымов, Владимир Теплов, Петр Краснов, Антон Деникин; капитан 2-ого ранга Александр Колчак. Позднее в ложу были приняты генералы: Алексей Брусилов и Лавр Корнилов. В том же году была создана Думская ложа «Роза».

Известно, что Гучков говорил: «Революция 1905 года не удалась потому, что войско было за Государя. В случае наступления новой революции необходимо, чтобы войско было на нашей стороне. Поэтому я занимаюсь исключительно военными вопросами, желая, чтобы, в случае нужды, войско поддержало более нас, нежели Царский Дом».

И в новой «Прогрессивной партии», оформившейся в 1912 году и представлявшей интересы крупной буржуазии, все вожди: князь Георгий Львов, Александр Коновалов и братья Рябушинские были масонами. Интеллектуальную элиту этой партии также составляли интеллигенты, наиболее умеренные представители которых были переманены от кадетов.

Как известно, всякая политическая деятельность требует значительных средств. С этим у масонских политтехнологов проблем не было. Финансированием русских масонов занимались промышленники и банкиры-старообрядцы: Рябушинские, Гучковы, Морозовы, а также богатые аристократы и крупные масоны князя Давид Бебутов и Алексей Орлов-Давыдов.

Участие в подготовке революции московских купцов-старообрядцев можно объяснить глубокой обидой, которую нанесло им самодержавие в лице

Николая I, заставившего их под страхом лишения купеческого статуса вступать в единоверческую церковь. А вот маниакальное желание представителей аристократии «рубить сук, на котором они сидят», трудно поддается объяснению. И если действия представителя древнего армянского рода Бебутовых еще можно объяснить национализмом окраин Империи, то предательство представителя славных родов Орловых и Давыдовых свидетельствовало о глубококом кризисе в правящей российской элите.

Помимо перечисленных ранее задач, масонствующая интеллигенция придавала важное значение организации травли, или говоря дипломатично, дискредитации наиболее влиятельных и последовательных сторонников самодержавия. Постепенно и неуклонно проводилась кропотливая работа по их замене деятелями либерального толка. Здесь впервые в новейшей истории были столь эффективно задействованы средства массовой информации.

Важнейшее значение придавалось устранению от власти Столыпина. Причем действовали с двух сторон. Либеральная пресса, центристы и левые в Думе развернули бешеную кампанию по его дискредитации в глазах общественности и Царя, в то время как эсеровские боевики совершали на него одно покушение за другим. Всего на Столыпина было совершено одиннадцать покушений, последнее из которых, в конце августа 1911 года привело к гибели Премьер-Министра. Его убийцей стал анархист-коммунист и платный агент Охранного отделения Мордахей Богров. Причем пропуск в киевский оперный театр, где находился Государь и высшие сановники, ему выдал начальник киевского Охранного отделения Николай Кулябко по указанию товарища министра внутренних дел Павла Курлова, что породило подозрение в участии в покушении Департамента полиции. Тем более что полиция получила информацию о готовящемся покушении от самого же Богрова.

Но действия организаторов убийства были излишни. Они не знали, что судьба Столыпина была уже решена. Столичные аристократы не могли простить успехов «провинциальному выскочке». Благодаря стараниям лидера правых в Государственном Совете Петра Дурново и лидера октябристов Гучкова, спровоцировавших правительственный кризис в марте 1911 года, Столыпин вынужден был подать в отставку, которая была отклонена лишь стараниями

вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Тогда же она произнесла следующие слова: «Бедный мой сын, как мало у него удачи в людях. Нашёлся человек, которого никто не знал здесь, но который оказался и умным, и энергичным и сумел ввести порядок после того ужаса, который мы пережили всего

шесть лет тому назад, и вот — этого человека толкают в пропасть, и кто же? Те, которые говорят, что они любят Государя и Россию, а на самом деле губят и его и родину. Это просто ужасно».

Но вмешательство вдовствующей Императрицы лишь оттянуло неизбежное. Царь сильно завидовал успехам своего Премьера. И перед прибытием в Киев указ о его отставке уже был подготовлен. Знавший об этом начальник императорской дворцовой охраны генерал Спиридович, несмотря на известие о готовящемся покушении, не предоставил Столыпину никакой охраны и даже транспорта.

Эти события очень напоминают отношения Римского императора Валентиана III и его главнокомандующего Аэция, более 30-ти лет удерживавшего остатки Западной римской империи от окончательного разгрома германскими варварами. Как отмечали современники, бездарный и ничтожный император, опасаясь роста популярности последнего великого римского полководца, убив Аэция в 454 году, «левой рукой отрубили себе правую». И уже в 455

году Рим был окончательно разгромлен вандалами.

Российская Империя после смерти Столыпина продержалась на 5 лет дольше, но сути это не меняет. Как и все посредственности, Николай II не любил тех, кто его в чем-то превосходил. Он не пришел на похороны Премьера и освободил от ответственности проявивших, как минимум, преступную халатность, руководителей силовых ведомств. Хорошо известно его обращение к новому Премьер-министру Владимиру Коковцеву: «Надеюсь, вы не будете меня заслонять так, как это делал Столыпин?».

Еще больше параллелей имели судьбы Богрова и убийцы Джона Кеннеди – Ли Харви Освальда. Также, как и в случае с Освальдом, Багров был устранен вскоре после покушения (следствие и казнь были совершены уже через 11 дней). Также, как и в случае с Кеннади, были подозрения в участии в организации покушения спецслужб. Также была создана комиссия Сената. Также расследование длилось несколько лет и закончилось ничем. Хотя в нашем случае сенаторы готовы были предъявить обвинения высшим руководителям силовых ведомств, но дело было прекращено по указанию царя.

Высказывается мнение, что если бы Столыпин остался жив, то не было бы и революции. Но, во-первых, история не терпит сослагательного наклонения. А во-вторых, наша добрая интеллигенция в союзе с бездарной бюрократией так или иначе, политически или физически, все равно бы уничтожила великого реформатора, так как в то время в России не было реальной политической силы, на которую он мог бы опереться.

Итак, убежденный монархист Столыпин на важнейшем государственном посту был заменен масоном Коковцевым. А вскоре, в 1913 году шефом жандармов стал также масон Владимир Джунковский. Среди его важнейших «деяний» следует отметить ликвидацию сети районных охранных отделений, увольнение наиболее профессиональных сотрудников, уничтожение органов секретного наблюдения в войсках и учебных заведениях. Также, едва вступив в должность, он намеренно раскрыл агента-provokatora в партии большевиков

Вацлава Малиновского, лишив полицию ценного источника информации о деятельности революционеров.

И хотя уже в 1915 году, после попытки «открыть глаза» императору на пагубное влияние Григория Распутина, Джунковский был уволен и отправлен на фронт, но эффективность деятельности полиции в борьбе с революционерами, благодаря его «реформам», практически упала до нуля.

Николай II, еще на просьбы Столыпина удалить Распутина, всегда отвечал: «Лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы». Вообще с политической точки зрения с женой Николаю сильно не повезло. Если его мать, Мария Федоровна умела располагать к себе людей, ценить их за пользу, приносимую Отечеству, то Александра Федоровна была высокомерна и холодна, умудряясь вызывать острую неприязнь у самых разных людей.

Мария Федоровна занималась общественной деятельностью, попечительствовала Женскому патриотическому обществу, Обществу спасения на водах, возглавляла Ведомства учреждений императрицы Марии (учебные заведения, воспитательные дома, приюты для обездоленных и незащищенных детей, богадельни), Российское общество Красного Креста (РОКК). Причем она не была «свадебным генералом», а принимала в деятельности и обеспечении этих обществ самое непосредственное участие. Во время войны она занималась организацией госпиталей, санитарных поездов и санаториев, где поправляли своё здоровье тысячи раненых.

Александра Федоровна также занималась благотворительностью, возглавляя 33 различных общества, хотя очевидно, что при таком количестве эта деятельность была чисто формальной. Однако она лично финансировала несколько санитарных поездов и даже как хирургическая сестра ассистировала при операциях над ранеными солдатами.

Но, в отличие от свекрови, при подборе

Александра Федоровна
1872-1918

кадров она следила только за тем, чтобы кандидат не затмевал ее «драгоценного Ники». Она ненавидела Столыпина, и нет сомнений, что в его будущей отставке не обошлось и без ее нашептываний. Как отмечала камер-юнгфера Магдалена Занотти: «Государыня была больна, как мне кажется, истерией... В последние годы своё «я» она чувствовала непогрешимым, обязательным для всех. Кто не согласны были с её «я», должны были удаляться...».

Печальный итог ее влияния на эпоху правления Николая II подвел начальник канцелярии министерства императорского двора генерал Александр Мосолов: «Императрице не удалось стать популярною в своём новом отечестве... что, в конечном итоге, привело к отвращению общества от трона».

Но пока еще трон стоял достаточно прочно. Выборы в III Государственную Думу, прошедшие по новому избирательному закону с серьезными ценовыми ограничениями, казалось бы, принесли полную победу сторонникам монархии, как абсолютной (правые монархисты получили 147 мест), так и конституционной («Союз 17 октября» имел 154 места). Кадеты сохранили только 54 места. Но больше всего потеряли трудовики, получив только 14 мест. Социал-демократы приобрели всего 19 мест, а эсеры вообще отказались от участия в выборах.

Причем из 94 крестьян, в левую фракцию трудовиков теперь вошло лишь незначительное число. А это свидетельствовало о том, что часть крестьянства, благодаря реформам Столыпина, вновь стала поддерживать самодержавие. И состав IV Думы, избранной после правительственного кризиса в 1912 году, практически не изменился. Только существенно увеличилось число «прогрессистов» за счет перешедших к ним некоторых «октябристов», что по сути своей ничего не меняло. Председателем Думы стал октябрист Родзянко.

Благодаря столыпинским реформам Россия демонстрировала небывалый рост промышленности и сельского хозяйства. По объему экспорта пшеницы она превосходила США, Канаду и другие страны-экспортеры вместе взятые. Развитие сельскохозяйственной кооперации, особенно в Сибири, вывело империю на первое место по производству и экспорту сливочного масла

и ряда других видов переработки продукции животноводства.

Но гигантский рост товарного производства сельхозпродукции обеспечивался зажиточными крестьянскими хозяйствами. Беднейшее же малоземельное и безземельное крестьянство по-прежнему пребывало в полнейшей нищете, практически не участвуя в товарном производстве. К 1913 году из 15 млн. крестьянских дворов к зажиточным относилось только 2 млн. и еще 3 млн. – к середнякам. Остальные 10 млн. составляли беспросветную бедноту. И, несмотря на успехи индустриализации, оттягивавшей из деревни значительное число рабочих рук, число голодных ртов в деревне не уменьшалось. Такое положение при малейшем неурожае приводило к тяжелому голоду, крупнейший из которых случился в 1911 году.

Между тем, компания по дискредитации власти продолжалась и даже вышла на новый уровень. Теперь уже объектом нападок стала царская семья. Неожиданной удачей для масонских политтехнологов стало влияние на императрицу «старца Григория Распутина».

В истории с Распутиным было создано столько мифов и распущено столько слухов, что узнать реальную картину мы не сможем, наверное, уже никогда. Но, несомненно, только одно. Распутин был

единственным человеком, который мог реально облегчить страдания наследника, больного гемофилией. И никакие политические интересы не могли перебить страх матери за жизнь своего дитя. И потому многочисленные попытки сторонников монархии убедить Николая удалить Распутина от двора разбивались об «истеричку императрицы».

Воспользовавшись этим обстоятельством, вся интеллигенция с энтузиазмом включилась в компанию травли царской семьи. Талантливые борзописцы непрестанно раздували слухи и сплетни о венценосном любовном треугольнике. Не отставали и промышленники–октябристы во главе с Гучковым, поддерживая и финансируя эту PR-компанию. Таким образом, надежды царя

на лояльность Государственной Думы оказались беспочвенными. Даже полиция, благодаря «брату» Джунковскому включилась в этот процесс. Был подготовлен двойник Распутина, который во время пьяных оргий в престижных ресторанах должен был рассказывать «прогрессивным» журналистам о своих похождениях в царской семье и влиянии на государственную политику.

В результате этой компании в общественном мнении сложилось твердое представление о безвольном рогоносце и безграмотном темном мужике, через императрицу управляющем страной. Хотя черный пиар был эффективно использован масонами еще в отношении Павла I, но такого масштаба и организованности эта компания достигла впервые.

Трудно сказать, удержалось бы самодержавие в этих условиях или нет, но тут на помощь нашим добрым интеллигентам пришел глобализм. Эта идеология была создана в начале века для обслуживания интересов транснационального финансового капитала и основывалась на распространении универсальных либеральных ценностей, обеспечивающих его мировое господство. На первом этапе глобалистами была поставлена задача уничтожения четырех империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской и ликвидации в них национальных аристократий. Для ее реализации ими была развязана I мировая война.

Русские масоны-политтехнологи сполна воспользовались возможностями, которые открывала перед ними эта мировая трагедия. Впервые в новейшей истории ими была разработана и успешно реализована технология «цветной» революции.

Несмотря на высокие темпы развития, российская промышленность все еще уступала германской. Она не могла обеспечивать армию всем необходимым для ведения боевых действий такого гигантского масштаба и продолжительности. Особенно велик был снарядный и патронный «голод», часто приводивший к срыву даже удачных наступательных операций. Правительство предпринимало чрезвычайные меры, чтобы выправить ситуацию, в кратчай-

шие сроки, фактически с нуля создав химическую промышленность, обеспечившую потребности в порохе.

Но пока руководство предпринимало энергичные меры по наращиванию военных ресурсов, масонствующая интеллигенция предпринимала не менее энергичные меры по его дискредитации. А ее союзники, либеральные земцы в это время шаг за шагом брали под свой контроль финансовые потоки по снабжению армии и населения.

Поначалу был создан Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, как «вспомогательное учреждение для военно-санитарного ведомства вне действующей армии». Однако вслед за организацией лазаретов, санитарных поездов и передовых питательных отрядов деятельность Союза стала распространяться и на действующую армию. Военные власти привлекают Союз к выполнению разнообразных заданий. Союз занимается устройством «этапов» с врачебными и питательными пунктами, банями и прачечными. Возникает огромное хозяйство с эпидемическими, банными, дезинфекционными отрядами и пунктами, бактериологическими лабораториями, множество разных складов со своим транспортом, мастерскими, гаражами.

Параллельно либерально-масонские круги пытались внушить обществу мысль, что все дело снабжения армии осуществляет «общественность», а правительство ничего не делает, а только мешает. И постепенно Союз получает право снабжать армию сначала теплыми вещами и палатками, а затем и предметами боевого снаряжения. Вскоре Земский союз объединяется с Всероссийским союзом городов, создав крупнейшую общественную организацию – Земгор, который возглавил «прогрессист» Львов.

В сентябре 1915 года создается Главный комитет Земгора по снабжению армии, а на местах областные, губернские, уездные и городские комитеты, а также Центральный военно-промышленный комитет, который возглавили Гучков и Коновалов.

Эти комитеты получили в свои руки большую власть, так как оперировали огромными финансовыми средствами, принадлежавшими государству. Они принимали и распределяли заказы военного ведомства на вооружение, снаряжение и питание армии. При этом своих средств «общественность» почти не давала, существуя исключительно на средства правительства.

За государственный счет Земгор усиливал свое влияние в предпринимательской и рабочей среде, осуществляя выполнение военных заказов по своему усмотрению, совершая сделки и договоры на крупные суммы, приобретая имущество и держа многочисленные штаты служащих. В рамках Земгора работали тысячи чиновников, имевших даже особую форму и именовавшихся в просторечье земгусарами.

Деятельность Земгора нанесла колоссальный удар по обороноспособности страны. В нем процветало чудовищное казнокрадство. Так из 240 млн. государственных рублей, выделенных на военные заказы и распределенных Земгором, в виде готовой продукции вернулось только 88 млн. Остальные гигантские суммы были разворованы или пущены на подготовку революции.

Таким образом, несмотря на многочисленные предупреждения, царь с маниакальным упорством фактически финансировал и укреплял силы, готовившие его свержение. До самого последнего момента он был уверен, что земство является главной опорой самодержавия, продемонстрировав полное непонимание политических процессов во вверенном ему судьбой государстве.

Продолжилась и компания по дискредитации государственных сановников. В условиях войны важнейшее значение имел пост военного министра, занимаемый монархистом Владимиром Сухомлиновым, который мог помешать планам организаторов революции. Под давлением сформированного масонами общественного мнения, сделавшего его главным виновником плохого снабже-

ния армии, в июне 1915 года царь уволил Сухомлинова от должности. На его место был назначен член «военной ложи» Поливанов, сторонник широкого привлечения «общественности» к делу снабжения армии.

Также масонские политтехнологи успешно разыграли немецкую карту. Дело в том, что на протяжении почти двух столетий в жены наследникам престола традиционно выбирались немецкие княжны и принцессы. Вместе с ними на службу в Россию пребывали их многочисленные родственники и единоплеменники. И благодаря царственной протекции, а также свойственной немцам служебной педантичности, они занимали все больше ответственных постов в армии и государстве. В 18 веке потомки фон Виссенов принимали православие, женились на русских и становились Фонвизинами. Но в 19 веке многие из них уже сохраняли веру, замкнутые семейные связи и национальную идентичность.

Это немецкое засилье вызывало все большее раздражение в русской элите. Так известен «анекдот», ходивший в обществе в середине 19 века. В нем герой Отечественной войны генерал Ермолов на вопрос Александра I о том, какую награду он хотел бы получить, ответил: «Государь, произведите меня в немцы!».

Пока в течение полутора веков между Россией и Германией не было войн, это раздражение не выходило за бытовые рамки. Но после начала столь кровопролитной войны оно выплеснулось в политическую сферу.

Неприязнь и подозрительность к российским немцам развивалась на всех уровнях российского общества. И в царствующем доме (немецкие жены были прерогативой только наследников престола, остальные великие князья довольствовались соотечественницами). И даже в царствующей семье (вдовствующая императрица была датчанкой и сильно не любила немцев и свою невестку). И среди русских аристократов, и среди простого народа недовольство засильем немцев с каждым днем войны постоянно возрастало.

Масонским политтехнологам не составило труда усилить эту неприязнь, развив ее до уровня шпиономании. С этой целью была организована провока-

ция по обвинению в шпионаже полковника Мясникова, протееже тогдашнего военного министра Сухомлинова. Одновременно распространялись слухи о том, что высокопоставленные армейские чины немецкого происхождения, покрываемые царицей-немкой, пытаются замять это дело.

Благодаря этой компании в общественном мнении к безвольному рогонощу и темному мужику добавилась венценосная немка-шпионка. И теперь уже во всем обществе укрепилось мнение, что для спасения Отечества необходимо отстранение Николая II. Только в своем кругу либералы выступали за свержения монархии, а монархистам навязывали мысль о необходимости отречения Николая в пользу одного из Великих князей.

Масла в огонь этой клеветнической компании подлил и сам Николай, назначивший на пост Премьер-министра хотя и обрусевшего, но немца Бориса Штюрмера. Будучи убежденным монархистом, он попытался предпринять решительные шаги по подавлению революционных процессов. Но как только Штюрмер поставил вопрос о необходимости ликвидации Земгора и расследования фактов многочисленных финансовых злоупотреблений его членов, против него была развернута бешеная клеветническая компания, в которую включились и некоторые Великие князья. Массонские изменники и казнокрады обвиняли Штюрмера и царицу в шпионаже в пользу Германии и разворовывании громадных средств, выделяемых на оборону. Главным же виновником всех бед объявлялся Распутин.

Царь вновь принял сторону «земства» и в ноябре 1916 года уволил Штюрмера. А в декабре был убит Распутин. Список убийц весьма символичен. Ими были: представитель царствующего дома Великий князь Дмитрий Павлович; представитель высшей аристократии князь Феликс Юсупов; лидер правых монархистов, депутат государственной думы Владимир Пуришкевич; представитель офицерства поручик Сергей Сухотин; представители интеллигенции врач Станислав Лазоверт и адвокат Василий Маклаков. Кроме того, существует версия, что в убийстве участвовал агент английской разведки Освальд Райнер, из револьвера которого был произведен контрольный вы-

стрел в голову. Что не противоречит тому, что любые цветные революции не обходятся без иностранного участия.

После этих событий уже ничто не могло помешать заговорщикам. Пользуясь своим контролем над железнодорожным транспортом и поставками продовольствия в столицу, масонский Земгор создает искусственный дефицит продовольствия в Петрограде¹. Наряду с активной революционной пропагандой это вызывает волнения среди рабочих, которые в конце февраля, после отъезда царя в ставку, переросли в восстание, к которому присоединились и распропагандированные солдаты Петроградского гарнизона. И 28 февраля на совещании членов Думы был создан Временный комитет, который приступил к формированию Временного правительства.

Таким образом, теория управляемого хаоса была впервые реализована не американцами во время «арабской весны», а в России в 1917 году. Хотя первенство в этом вопросе – честь весьма сомнительная.

Одновременно, царский поезд, на котором Николай пытается прорваться в столицу, благодаря измене высших офицеров, членов военной логи и, в частности, командующего Западным фронтом, генерала Рузского, блокируется. Всякая связь царя с внешним миром прекращается. 2 марта Гучков и лидер монархистов в Думе Шульгин привозят царю проект манифеста об отречении в пользу брата Михаила, который он и подписывает. Участие монархистов в организации отречения царя – это был уже «высший пилотаж» масонских политтехнологов. Кандидат в президенты Франции Доминик Строскан с его изнасилованной горничной – отдыхает!

Появление одного из лидеров монархической партии, по-видимому, окончательно надломило Николая. «Кругом трусость, измена и обман» – запишет он в тот день в своем дневнике. С позиции сегодняшних знаний, подобная политическая наивность Шульгина и его сторонников, надеявшихся спасти монархию путем смены царя, кажется совершенно невероятной. Впрочем,

¹ - после начала войны с Германией, немецкое название столицы – Санкт-Петербург было заменено на русское - Петроград.

масонским заговорщикам оказалось достаточно всего три дня, чтобы показать монархистам всю несбыточность их надеж. Уже 5 марта Михаил, запуганный и безвольный, фактически подписывает отречение от престола. Так самодержавие, веками скреплявшее русский этнос, прекратило свое существование, а предавшие его монархисты были выброшены на свалку истории.

А теперь специально для тех, кто любит похихикать над теориями заговоров. «Совершенно случайно» все члены Временного правительства: Председа-

датель князь Львов, министр иностранных дел Милюков, военный министр Гучков, министр финансов Михаил Терещенко, министр юстиции Керенский, министр земледелия Андрей Шингарев, министр просвещения Александр Мануйлов, министр торговли Коновалов, министр путей сообщения Николай Некрасов, министр исповеданий Владимир Львов –

были масонами! Керенский же был Генеральным секретарем Верховного совета Великого востока народов России, а Некрасов его секретарем. Исключение составил только государственный контролер Иван Годнев.

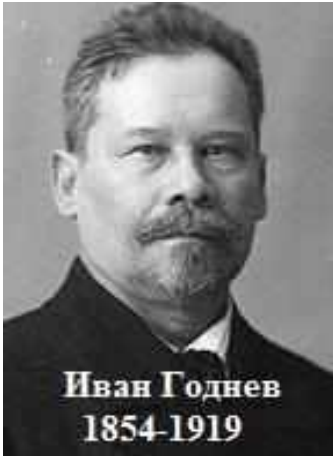
При этом из 11 членов правительства 6: историк Милюков; адвокат Керенский; профессора Мануйлов и Некрасов; врачи Шингарев и Годнев представляли ин-

телигенцию. В следующих составах Временного правительства к ним добавились еще 15 интеллигентов: адвокаты Павел Перверзев, Александр Зарудный, Павел Малянтович и Алексей Никитин, врач Николай Кишкин; журналист Алексей Пешехонов, ученый-правовед Федор Кокошкин; преподаватели Антон Карташев и Сергей Салазкин; экономисты Прокопович, Михаил Бернадский и Семен Маслов; инженеры Петр Юренев и Александр

Ливеровский; академик Сергей Ольденбург.

И – вы не поверите! Все они, за исключением Пешехонова, также были

Иван Годнев
1854-1919

вольными каменщиками. А еще 10 промышленников, земцев-землевладельцев и профессиональных революционеров, в разное время входивших в состав Временного правительства, также состояли в ложах Великого Востока народов России.

Таким образом, из 36 министров Временного правительства разных составов – 21 представлял интеллигенцию. При этом 34 были масонами, хотя, конечно же, это абсолютно ничего не значит!

Итак, прогрессивная общественность ликовала. Сбылась полувековая мечта русской интеллигенции. Монархия, главная помеха на пути к светлому европейскому будущему, пала! 70 лет с маниакальным упорством интеллигенция разрушала в сознании русского народа многовековые скрепы, державшие русское государство. И, прежде всего, – православие и самодержавие.

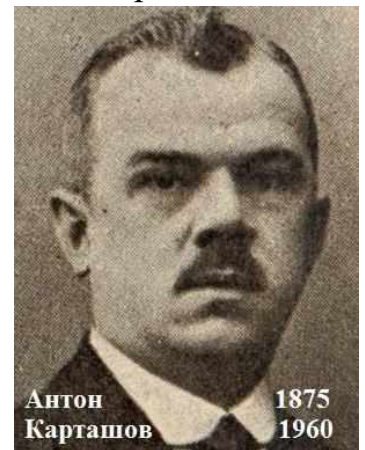
Сергей Ольденбург
1863-1934

И, наконец, добилась своего.

Алексей
Никитин 1876
1939

Но всеобщая радость от «великой и бескровной» была недолгой. Масонские заговорщики не учли пушкинскую сентенцию о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Гибель самодержавия привела к ликвидации сдержек, скреплявших русское общество. Сразу же после свержения царя начались бесконечные убийства, грабежи, разбои, мародерство. Каждый гражданин с оружием в руках считал своим долгом поживиться за чужой счет. «Всякая революция есть ставка на сволочь и призыв сволочи к власти!». Эта радикальная, но все

Антон
Карташов 1875
1960

же не бесспорная мысль Солоневича, применительно к февральско-октябрьским событиям в России была абсолютно верна.

Павел Юренев
1874 1943

Вернувшийся в Россию Кропоткин пришел в ужас от встречи со своими последователями – «грубыми развязными молодыми людьми, принявшими за основу принцип вседозволенности». И что же, он признал пагубность своих идей? Раскаялся? Ничуть не бывало! До конца своих дней он выступал на митингах, бормоча что-то про классовый мир во имя революции. Хотя и отказался войти в состав Временного правительства, а также дать советы одному из самых ярких своих последователей – Нестору Махно. Тем самым косвенно признав неспособность соотнести свои теории с реальной жизнью.

Николай Кропоткин
1864 1930

Но разве этот яркий интеллигент, гуманист и альтруист виноват в том, что его «замечательные» идеи так извратили последователи? По этому поводу Эдвард Радзинский приводил замечательную притчу о мыслителе и кровавом тиране, которые попали в ад. Несколько веков они горят в «геенне огненной», но вдруг мыслитель замечает, что огонь под тираном погас. «Господи! – восклицает мыслитель, – почему же такая несправедливость! Ведь он истребил тысячи людей, а я только высказывал мысли!». «Все родственники убитых давно умерли, – ответил бог, – умерли их дети и дети их детей. И его давно забыли... – а тебя ПОМНЯТ!».

Жаль только, что этот выдающийся ученый-географ отказался от блестящей научной карьеры ради абстрактной идеи.

Главная вина интеллигенции – непонимание то-

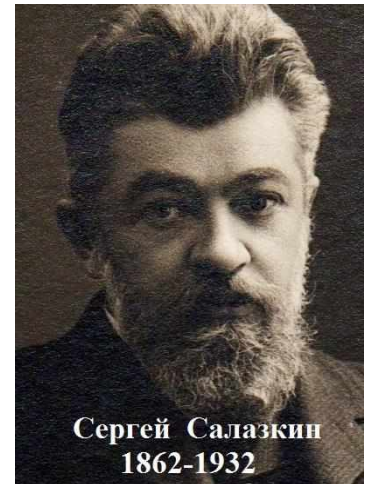
Семен Маслов
1874-1938

Федор Кокошкин
1871-1918

го, что в аграрной стране с общинным устройством не было предпосылок для буржуазной революции. Буржуазия в тех условиях власть удержать не могла.

Одновременно с созданием Временного правительства возник исполком Петроградского Совета, который своим Приказом №1 в одночасье превратил русскую армию в неуправляемую толпу. Образовались два центра власти. Официальный – Временное правительство, и неофициальный – Петросовет. Причем сила и влияние последнего постоянно возрастали. А в его руководстве преобладали меньшевики, большинство из которых также состояло в ложах.

Сергей Салазкин
1862-1932

Дальнейшие события хорошо известны. Первый состав Временного правительства, основу которого составили представители буржуазных партий октябристов и прогрессистов быстро продемонстрировал свою полную несосто-

1876
1943
Михаил
Бернацкий

ятельность. В то же время резко возросла популярность правых эсеров, к которым крестьяне записывались целыми деревнями и полками. В результате компромисса между Правительством и Петросоветом было сформировано новое Правительство, в котором преобладали интеллигенты из правых эсеров, меньшевиков и кадетов.

А главой стал эсер Керенский.

Вглядитесь в эти светлые лики. Более полувека они и их предшественники убеждали россиян, что обладают важнейшими, почти сакральными знаниями о том «как нам обустроить Россию». И вот, наконец, свершилось. Интеллигенция приступила к строительству новой, демократической державы. Но в масонских трактатах, где содержались подробные наставления по разрушению, ничего не говорилось о созидании. И наши интеллигентные академики и профессора продемонстрировали полную неспособность к управлению государством. В течение нескольких месяцев они умудрились просрать вели-

кую Империю, которую русский народ потом и кровью слагал на протяжении веков. Армия была деморализована. Народное хозяйство оказалась на грани краха. Продовольственные поставки были сорваны, госсектор в промышленности разваливался, финансовая система переживала коллапс.

Прав был Солоневич: «В общественной жизни России все эти люди не понимали, выражаясь строго научно, - ни уха, ни рыла... Русская гуманитарная наука оказалась аптекой, где все наклейки были перепутаны. Отчасти это объяснялось хроническим расстройством умственной деятельности, возникшим в результате векового питания плохо пережеванными цитатами».

С новой силой вспыхнули крестьянские волнения. К осени с помещичьим землевладением практически было покончено. Разгром усадеб теперь уже сопровождался многочисленными случаями кровопролития. Причем вместе с помещиками вырезали и кулаков-мироедов. Эсеровское правительство, исходя из принципа неприкосновенности частной собственности, так и не решилось юридически оформить этот свершившийся факт. Но и помешать этой всероссийской крестьянской акции оно тоже оказалось не в силах. В результате популярность правых эсеров стала стремительно падать.

После тяжелых поражений на фронте военные попытались взять власть в свои руки. Напуганный Керенский выпустил из тюрем большевиков и вооружил их Красную гвардию. Тем самым он невольно продемонстрировал, что в этом всеобщем хаосе только большевики представляли реальную и организованную силу. Корниловский мятеж был подавлен. Но в результате руководство в Петросовете перешло к большевикам, а его главой стал Троцкий.

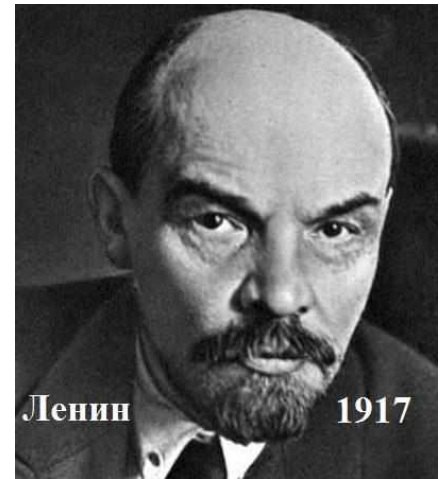
Имея таких ярких лидеров, каковыми были Ленин и Троцкий, большевики сумели подобрать власть, упавшую к их ногам. За сутки до начала съезда Советов, где они имели явное меньшинство, Ленин, поддержанный только Троцким, буквально заставил Петросовет организовать захват власти и поставить собиравшихся депутатов съезда Советов перед свершившимся фактом. За одну ночь власть в Петрограде перешла в руки большевиков и левых эсеров. И с этого момента Великая смута в России вступила в новую, кровавую фазу.

Глава 6. За что боролись – на то и напоролись!

Клялись Царю мы кресто целованием.
Предательство легло на Русский род.
Рассеяны по миру мы изгнанием,
Как бывший богоизбранный народ.

Жанна Бичевская «Мы – Русские»

Ленин, безусловно, был ярчайшим пассионарием и гениальным организатором, обладавшим железной волей и сверхъестественной силой убеждения. Лейтмотивом его поведения была фанатичная вера в коммунистическую утопию и ненависть к самодержавию и всему русскому. Ильич, обладая невероятным политическим чутьем, был гением «лозунга момента».

Тактическая гениальность Ленина позволила большевикам удержаться у власти в первый, самый трудный для любого нового режима, период. «Мир - народам», «фабрики - рабочим», «земля – крестьянам» - эти гениальные в своей простоте лозунги сыграли решающую роль в развитии дальнейших событий. Сразу после переворота в Петрограде Ильич добился от съезда Советов немедленного принятия декретов «О мире» и «О земле». Перемирие, заключенное с Германией, позволило относительно безболезненно начать демобилизацию разложившейся старой армии и отвечало чаяниям казачества, понесшего огромные потери в войне, и потому жаждавшего немедленного мира. Национализация всей земли обеспечила лояльность крестьянства, легализовавшего захват помещичьих земель. Рабочие были удовлетворены национализацией крупной промышленности и банковской сферы и установлением рабочего контроля на предприятиях. А принятая вскоре «Декларация прав народов России», провозгласившая право всех наций на самоопределение, вплоть до отделения, успокоила национальные окраины и обеспечила повсеместную победу в них Советской власти. По крайней мере, в тех из них, которые не были

оккупированы германскими войсками. Ну а короткий, как выстрел лозунг «грабь награбленное» вызвал небывалый энтузиазм люмпен-пролетарских масс.

Была отменена смертная казнь, личная свобода граждан поначалу ничем не стеснялась. Красная гвардия формировалась из добровольцев. Поначалу все, кто хотел и имел материальную возможность покинуть страну, беспрепятственно сделали это. Но при этом большевики сразу же закрыли все оппозиционные газеты и журналы, прекрасно понимая роль прессы в формировании общественного мнения. И потому «победоносное шествие» советской власти прокатилось по стране практически без серьезных осложнений. Тем более что Ленин клялся в верности идее созыва Учредительного собрания. И под прикрытием возни с его созывом он получил несколько месяцев относительного спокойствия, необходимого для укрепления большевистской диктатуры.

Интеллигенция находилась в полной растерянности. В идейном плане ей теперь нечего было предложить ни крестьянам, ни казакам, ни, национальным меньшинствам, ни, тем более, рабочим. А вопли об узурпации власти большевиками в устах ниспровергателей самодержавия выглядели просто смешно. Отряды Красной гвардии легко подавили сопротивление главнокомандующего генерала Духонина, и восстания Каледина и Дутова на Дону и Урале. Но, едва укрепив власть, волк сбросил овечью шкуру. И после разгона Учредительного собрания, в котором большевики оказались в явном меньшинстве, они показали свою истинную сущность. Мораторий на смертную казнь был отменен. Печально знаменитая ВЧК заработала на полную мощь, приступив к планомерному истреблению непролетарских слоев населения под предлогом борьбы с контрреволюцией и саботажем. Причем «чрезвычайка» получила полномочия арестовывать, выносить приговоры и приводить их в исполнение без чьей либо санкции. А 5 сентября 1918 года был официально объявлен «Красный террор», то есть терроризм был поднят большевиками на государственный уровень.

Очень скоро стало ясно, что «в белом венчике из роз» впереди шел вовсе не Иисус Христос, а, злобно беснуясь и хохоча, шагал сам сатана! Над древними кремлевскими башнями взошла люциферова звезда¹, став одним из символов нового государства. Тогда и масонствующая интеллигенция, так много сделавшая для уничтожения Российской империи, с ужасом обнаружила, что теперь гибель грозит и ей самой. В порыве революционного энтузиазма трудящиеся массы вместе с «буржуями» и другими «эксплуататорами» помяли немало интеллигентов в шляпе и пенсне.

Интеллигенция была оскорблена в своих лучших чувствах. Пролетарии и возглавившие их большевики не оценили по достоинству ее полувековые усилия по разрушению самодержавия. Вместо ожидаемых восторгов и рукоплесканий она получила по мордасам. Вспоминая те дни, Бердяев мрачно изрек: «Русская революция была также концом русской интеллигенции... Русская революция отнеслась с черной неблагодарностью к русской интеллигенции, которая ее подготовила, она ее преследовала и низвергла в бездну».

Часть интеллигенции, в основном студенческая молодежь, вступила в Белое движение. Некоторые революционные интеллигенты, такие как Авксентьев и Чайковский возглавили Уфимскую директорию и Северное правительство в Архангельске, объявившие себя наследниками Временного правительства России. Большинство же, скуля и харкая кровью, подобно доктору Живаго, расползлись по щелям.

В этом плане показательна судьба Блока. Как мы помним, «поэт в России больше чем поэт». И, по мнению Радзинского, пророк угас, не перенеся краха представлений о собственной непогрешимости. А вместе с ним угасли и иллюзии, много лет питавшие приват-доцентов с вывихнутыми мозгами. Как писал Солоневич: «Интеллигенция ... бегала вприпрыжку за

¹ некоторые исследователи утверждают, что красная звезда является древнеславянским ведическим символом. Но если вспомнить, что главным «кутюрье» Красной армии был масон и американский гражданин Троцкий, а пятиконечная звезда является символом армии такого масонского государства, как США, то всякие сомнения на этот счет отпадают.

каждой иностранной хлестаковщиной, пока не прибежала в братские объятия ВЧК. Нужно сознаться: это были вполне заслуженные объятия за столетнее блудословие».

Схватка белых и красных вовсе не являлась «борьбой ведомых большевиками трудящихся масс с помещиками и капиталистами, мечтавшими о возрождении монархии», как это утверждалось советской историографией. Основу Белой добровольческой армии составляли кадеты и эсеры, а вовсе не монархисты. Офицеры, казаки и студенты – вот ее профессиональный состав до начала мобилизаций. А все возглавлявшие ее генералы были выходцами из военной ложи, немало сделавшими для свержения самодержавия.

После поражения в Гражданской войне значительная часть интеллигенции покинула страну вместе с уходившими частями Белой гвардии. Затем большая группа (160 человек) наиболее известных «мыслителей», в основном философов, уничтожение которых могло вызвать нежелательный резонанс на

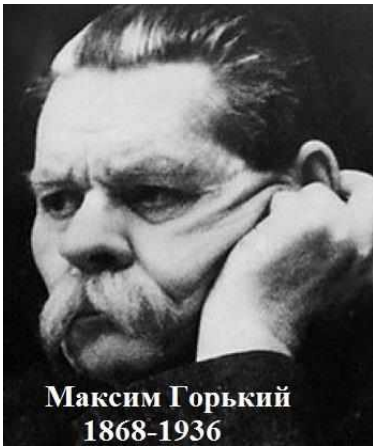
Лев Карсавин 1882-1952

Западе, была выпихнута Лениным за границу на знаменитых «философских пароходах». Ильич справедливо опасался, что эти знаменитости могут подвергнуть сомнению его гениальность, и потому заранее подстраховался.

Среди высланных были уже знакомые нам Бердяев, Франк, Сергей Булгаков, а также такие известные философы-интеллигенты как Сергей Карсавин и Николай Лосский, философ-монархист Иван Ильин и будущий основатель евразийства Сергей Трубецкой. С ними также были высланы социолог Питирим Сорокин, писатель и крупнейший русский масон послереволюционного периода Михаил Осоргин, историк Александр Кизеветтер и другие, менее известные персонажи.

Питирим Сорокин 1889-1968

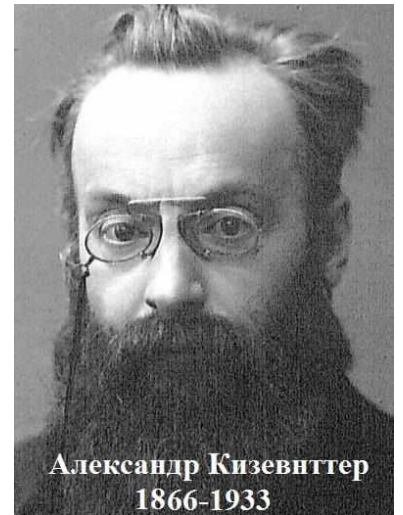

Максим Горький
1868-1936

Вместе с неблагонадежными «попросили» и бывшего спонсора большевиков Алексея Пешкова, который достал Ленина своим «печалованием» о судьбах репрессированных интеллигентов.

Сейчас, современная интеллигенция страшно горюет об «огромной и невозполнимой утрате», которую, в связи с этим по-

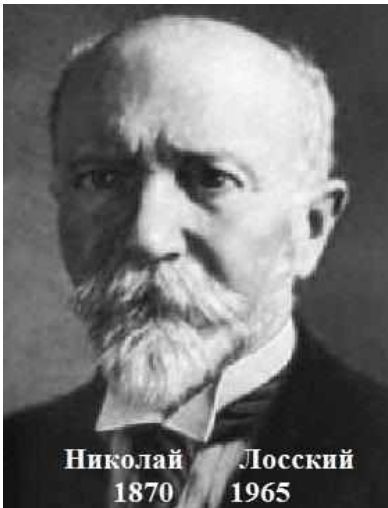
несла Россия. Честно говоря, я этих страданий разделить не могу. Ведь оказавшись за границей, эти «гиганты мысли и отцы русской демократии» должны были дать анализ случившейся катастрофе или найти в себе мужество хотя бы покаяться за то, что десятилетиями пудрили всем мозги своими «ге-

Александр Кизевнтер
1866-1933

ниальными» теориями. И

что же, кто-нибудь сделал это? Ничуть не бывало!

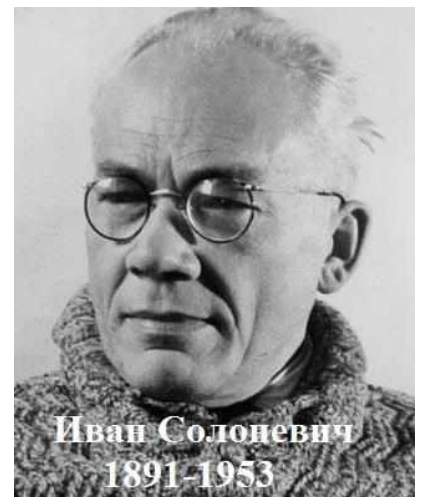

Николай Лосский
1870 1965

Наблюдая их кипучую деятельность, Солоневич писал: «Духовные отцы революции, сбежав в эмиграцию, пишут мемуары. Каждый Иванов Седьмой доказывает черным по белому, что все предыдущие Ивановы, от Первого до Шестого включительно, были дураками и прохвостами и

только один он, Иванов Седьмой, был умником. И что, если бы революция послушалась именно его, Иванова Седьмого, и остановилась бы на ступеньке Номер Семь, заранее указанной им, Ивановым Седьмым, то все было бы вполне благополучно. Но все испортили остальные Ивановы и остальные ступеньки».

А Солженицын резюмировал: «Интеллигенция сумела раскачать Россию до космического взрыва, но не сумела управлять её обломками. По-

Иван Солоневич
1891-1953

том, озираясь из эмиграции, сформулировала интеллигенция оправдание себе: оказался «народ — не такой», народ обманул ожидания интеллигенции».

Только Струве нашел в себе мужество к концу жизни признать свою вину. На одном из собраний народно-трудового союза¹ он заявил, что у него только одна претензия к Николаю II – тот должен был безжалостно уничтожать таких революционеров, как он. «Да, и меня первого! Именно так!» – взволнованного кричал Струве. Но остальные Ивановы Седьмые, подобно многотомному Бердяеву, продолжали строчить свои бессмысленные сочинения, непрерывно «меняя вехи».

Кто-нибудь помнит «великого» писателя Осоргина или труды историка Кизеветтера? А может быть всеобщий интерес вызывают религиозно-философские искания бывших марксистов и материалистов Булгакова, Франка, Карсавина, Лосского и других? Даже наиболее известный и раскрученный из всех этих мыслителей – Бердяев, по мнению Солоневича, с которым нельзя не согласиться: «никогда и ничего не понимал, ибо всегда его вчерашнее понимание на завтра оказывалось вздором даже для него самого». Из всех высланных гуманитариев только Сорокин действительно внес значительный вклад в мировую социологию.

Упомянутое выше движение «сменовеховцев» оформилось в 1921 году после публикации в Праге сборника «Смена вех», авторами которого были профессора-эмигранты Николай Устрялов и Сергей Чахотин, приват-доценты Юрий Потехин и Юрий Ключников, адвокат Александр Бобрищев-Пушкин и журналист Сергей Лукьянов. После введения НЭПа они

¹ Народно-трудовой союз (НТС) – политическая организация русских эмигрантов-монархистов.

объявили, что большевистская власть переродилась, действует теперь в национальных интересах и с ней нужно сотрудничать.

Устрялов также считается основателем национал-большевизма, нашедшего немало сторонников среди сменовеховцев. То есть русская интеллигенция, более полувека молившаяся у алтаря Западной цивилизации, презиравшая Россию и все русское, оказавшись в Европе, вдруг неожиданно обнаружила в себе национальное самосознание.

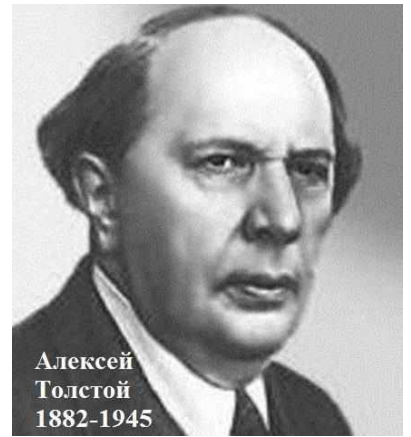
Столкнувшись с реалиями европейской жизни, многие интеллигенты быстро утратили свои иллюзии. Лишь немногие сумели адаптироваться и были востребованы. Уделом большинства стало нищенское существование и тяжелый физический труд. А тяжелый труд, как известно, не только обезьянует, но даже интеллигента способен сделать человеком. Нервные импульсы, посылаемые голодным желудком, блокировали эндорфины¹, ранее обильно вырабатывавшиеся у интеллигентов при мысли о Западной Европе. Но антисистемное мышление, родовой признак интеллигенции, у сменовеховцев в полной мере сохранилось. А оно, как известно, базируется на стремлении к «высокой» цели, мечте. Только после разочарования в Западе, новой иллюзией «возвращенцев» стала мечта о построении национал-большевистского рая в России.

Под влиянием идей Устрялова и его коллег, и их личного примера, немало интеллигентов, после 1921 года вернулось в Советскую Россию. Конечно, среди более 200 тысяч реэмигрантов того периода основную массу составляли бывшие военнопленные царской армии, возвращавшиеся из Германии, пленные красноармейцы, выданные Польшей, а также подпадавшие под амнистию рядовые участники белых армий².

¹ Эндорфины – гормоны счастья.

² - под амнистию, объявленную Советской властью, не попадали офицеры, кадеты и юнкера.

Но и интеллигентов-сменовеховцев тоже было немало. Помимо идеологов «смены вех», среди наиболее известных имен можно упомянуть писателей Алексея Толстого, Александра Куприна, Максима Горького; поэта Марину Цветаеву, композитора Сергея Прокофьева и других. Но основную массу составляли инженеры и представители есте-

ственнонаучного направления.

Хотя точных данных о дальнейшей судьбе большинства возвращенцев нет, но очевидно, что клеймо «бывший белогвардеец» оставляло мало шансов пережить 30-е годы. По крайней мере, все вышеупомянутые лидеры сменовеховцев к 1938 году были расстреляны. «Между струек» сумел проскочить только Чахотин, ко-

торый, получив советский паспорт и работу в загранучереждениях, сумел продержаться за границей до самой смерти Сталина и вернулся в СССР только в 1958 году.

Куприн вернулся уже тяжело больным и вскоре умер. Цветаеву с дочерью уговорил возвратиться в СССР ее муж, Сергей Эфрон, левый евразиец и агент НКВД. Но после их приезда в 1939 году, он также был репрессирован и расстрелян. Вместе с ним была репрессирована и их дочь Ариадна. А через год, не выдержав этих утрат, Цветаева повесилась. Прокофьев в 1948 году был подвергнут организованной травле, по-

дорвавшей его здоровье, и в 1953 году скончался.

Только Алексей Толстой и Горький, верой и правдой служившие сталинскому режиму, до конца своих дней грелись в лучах всесоюзной славы. Романы и пьесы Толстого: «Гиперболоид инженера Гарина», «Хождение по мукам», «Петр I», «Иван Грозный», «Хлеб» и другие были идеологически выдержаны и потому обеспечивали первопроходцу жанра научной фантастики почет и благополучное существование.

Но наиболее обласканным оказался Горький, объявленный Сталиным великим пролетарским писателем и основателем школы социалистического реализма. Хотя логичнее было объявить его великим люмпенпролетарским писателем. Ведь любимыми героями большинства его произведений были люди дна или, как принято сейчас политкорректно выражаться, – люди с низкой социальной адаптацией.

Людей труда великий писатель не любил. Особенно ненавистно ему было русское крестьянство, собственно, и составлявшее основу русского народа. В статье «О русском крестьянстве» Горький утверждает, что именно русские крестьяне, эти «глупые пингвины, робко прячущие тело жирное в утесах», являются самым мерзким и гадким, что только может быть на земле. При этом он почему-то утверждал, что именно крестьяне, а не большевики, разгромившие кадетско-интеллигентское белое движение, виноваты в гибели интеллигенции, этих «гордых буреветников, черной молнии подобных». Он писал: «...как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень – все те почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей». И это было написано в Берлине, в 1922 году, в период самого страшного голода в Поволжье. При этом, откуда придет это новое племя, великий гуманист скромно умалчивал.

Кроме сменовеховцев, другие философские течения и объединения, такие как «младороссы» «непримиренцы», НТС, Русский общевойсковой союз (РОВС) и т.д., где тон задавали философ Иван Ильин и публицист Солоневич, имели монархическую направленность, националистические взгляды и

интеллигентов не жаловали. Но и самих сменовеховцев, вдруг заговоривших о национальных интересах, строго говоря, к настоящей интеллигенции отнести, пожалуй, нельзя.

Наиболее существенный вклад в развитие философской мысли в эмиграции внесли евразийцы (Николай Трубецкой, Петр Савицкий и Георгий Вернадский), считавшие Россию особой евразийской цивилизацией, противостоящей Западу. Они опирались на теорию культурно-исторических типов (ци-

визаций) и их жизненных циклов, изложенную последним славянофилом Данилевским еще в 1869 году в работе «Россия и Европа» и не оцененную современниками. Наследие евразийцев позже использовал гениальный русский ученый Лев Гумилев, создавая теорию этногенеза.

Но можно ли евразийцев отнести к интеллигенции, даже несмотря на то, что Георгий Вернадский был потомственным интеллигентом, сыном основоположника ноосферы Владимира Вернадского. Безусловно, нет! Так как евразийцы, подобно сменовеховцам, покусились на самое святое для интеллигенции – евроцентризм!

В дальнейшем, вследствие естественной ассимиляции, потомки русских интеллигентов-эмигрантов растворились в этносах-аборигенах, не оставив в истории философской мысли какого-либо существенного следа. Наблюдая эту печальную картину, в начале 50-х годов Солоневич констатировал: «История русской общественной мысли - на своей родине померла совсем. Жалеть об этом не стоит: туда ей и дорога: она потонула в той кровавой яме, в какую толкнула нас всех».

Если говорить о потерях, то они наблюдались, прежде всего, в русском искусстве и литературе. Помимо уже упомянутых писателей, поэтов и музыкантов, после революции Россию покинули такие всемирно известные писатели, как Иван Бунин и Владимир Набоков, певцы Федор Шаляпин и Александр Вертинский, звезды балета Вацлав Нижинский и Анна Павлова, художники Илья Репин, Николай Рерих, Василий Кандинский, Марк Шагал и Александр Бенуа, почти все поэты-символисты: Бальмонт, Северянин, Мережковский, Гиппиус, Вячеслав Иванов, а также Саша Черный и Владислав Ходасевич. Хотя, если говорить о поэтах-символистах или художниках-абстракционистах, то мне кажется – потеря невелика.

И потом многие из вышеперечисленных имен скорее могут быть отнесены к «богеме», нежели к интеллигенции. А эти множества, выражаясь математическим языком, хотя и пересекающиеся, но не тождественные. На мой взгляд, профессор Соколов, производя подсчет поголовья интеллигенции, совершенно необоснованно отнес к этой социальной группе всех художников, композиторов, музыкантов, актеров и режиссеров. Хотя бы потому, что далеко не все из них в то время являлись всесторонне образованным людям.

Иная картина наблюдалась среди так называемой «технической» интеллигенции (ученых естественнонаучного направления, изобретателей и инженеров). Когда обнаружилось, что надеждам раздуть мировой пожар сбыться не суждено, Ленин тут же разродился теорией о возможности победы социалистической революции и построении социализма в одной отдельной стране. А для этого были необходимы научные и технические кадры.

Большевики вполне обоснованно не доверяли «старой» интеллигенции и взяли стратегический курс на создание «пролетарских» научных кадров. Уже в 1918 году был принят беспрецедентный закон о предоставлении права поступления в вузы лицам любого уровня образования или даже вовсе без образования, и под лозунгом «завоевания высшей школы» началось массовое зачисление туда «рабочих от станка». Затем были созданы «рабочие факультеты» (рабфаки), где представители рабочего класса ускоренно получали

среднее образование, необходимое для дальнейшего обучения в университетах. В 1921 году был установлен «классовый принцип» приема в вузы с целью резкого ограничения доли детей интеллигенции среди студентов. Выходцам из образованного слоя был законодательно закрыт доступ не только в высшие учебные заведения, но и в среднюю школу II ступени, чтобы они не могли пополнять ряды даже низших групп интеллигенции. Лишь в порядке исключения для детей особо доверенных специалистов выделялось несколько процентов плана приема как представителям «трудовой интеллигенции».

Но пока готовить кадры «пролетарской интеллигенции» и двигать науку должны были старые профессора и ученые. И потому большевистские лидеры с самого начала стали налаживать деловые контакты с научными коллективами и отдельными учеными. В 1918 года при Наркомпросе и ВСНХ были созданы центры по привлечению к сотрудничеству научных работников. Велись постоянные переговоры с Российской Академией наук. Многих ученых привлекали к участию в работе народных комиссариатов.

Чтобы сохранить научные кадры, с 1920 года была введена особая форма обеспечения ученых - натуральный академический паек (выдавался до октября 1923 года). 500 наиболее выдающихся специалистов были освобождены от трудовой повинности, предусматривались меры по охране их жилищ. При Совнаркоме была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых. Первым серьезным проектом, позволившим обеспечить работой значительное количество инженеров и ученых, стал план ГОЭЛРО.

Перестраивалась система организации науки. Быстро росла сеть научных учреждений. Были сохранены традиционные учреждения, включая Академию наук, университетские кафедры, научные институты и общества. Новые организационные формы определялись самими учеными. Такой новой формой, отвечавшей тогдашнему состоянию науки, были признаны специализированные научно-исследовательские институты.

Неуклонно повышалось и материальное положение советских ученых. И вскоре оно уже стало сопоставимо с положением партийной номенклату-

ры. Не чинилось препятствий участию советских ученых в международных конференциях и выезду в научные заграникомандировки и на стажировки.

Благодаря этому численность научных работников быстро росла. К 1927 году их насчитывалось около 25 тысяч, т.е. в два с лишним раза больше, чем до революции. Научные кадры готовились в научно-исследовательских институтах, университетах и вузах. С 1925 года была учреждена аспирантура. При этом продолжалась целенаправленная пролетаризация научных кадров, а общеобразовательная программа подготовки научной смены «обогащалась» обязательным изучением марксистско-ленинской методологии.

В результате большинство «технарей», сумевших пережить голод, эпидемии, красный террор и другие «прелести» гражданской войны, остались в России и внесли огромный вклад в развитие советской науки и подготовку новых научных кадров. Среди наиболее выдающихся можно отметить бесменного президента АН СССР, геолога Александра Карпинского, академиком: основателя советской радиотехники Михаила Бонч-Бруевича, мостостроителя и сварщика Евгения Патона, основоположника физической теории резания металлов Владимира Кузнецова, отца советской физики Абрама Иоффе, основоположника химической физики Николая Семенова, генетика Николая Вавилова, физика-ядерщика Сергея Вавилова, энергетика Глеба Кржижановского, авиаконструктора Андрея Туполева, геохимика Владимира Вернадского; физиолога Ивана Павлова, кораблестроителя Алексея Крылова. Также успели многое сделать для сохранения советской науки в самые трудные годы гражданской войны, хотя и умершие к 1921 году: основоположник аэродинамики Николай Жуковский и физиолог Климент Тимирязев.

При этом, из всех этих выдающихся персонажей, пожалуй, только Вернадский, да в какой-то степени Тимирязев и Павлов, могут быть отнесены к интеллигентам. Остальные с молодых ногтей были увлечены наукой, не были замечены, за исключением Тимирязева, в революционных движениях и протестных акциях, обладали позитивным мироощущением и системным мышлением. А Кржижановский и вовсе был убежденным большевиком, ближай-

шим соратником Ленина. Поэтому под наше определение интеллигенции эти интеллектуалы никак не попадают.

К действительно серьезным потерям, которые понесла тогда российская наука, следует отнести отезд за границу выдающегося авиаконструктора Игоря Сикорского, который создал в США такую новую отрасль, как вертолетостроение и передовую по тем временам дальнюю бомбардировочную авиацию. Выдающийся вклад в развитие телекоммуникаций на Западе внес изобретатель телевидения Владимир Зворыкин. Существенное значение имели труды таких ученых-эмигрантов, покинувших СССР уже в 30-е годы, как физик Георгий Гамов и химик Владимир Ипатьев.

И вновь никого из них ни по происхождению, ни по поведению нельзя отнести к интеллигенции. Сикорский изобрел и построил свой первый самолет уже в 18 лет. Авиастроение стало его всепоглощающим увлечением, и в какой-либо общественной деятельности до революции он участия не принимал. И эмигрировал Сикорский в 1918 году исключительно из желания продолжить заниматься любимым делом. До конца своих дней он был убежденным монархистом, близким к «штабс-капитанскому движению» Солоневича. Его судьбу практически повторил Зворыкин, оказавшийся в эмиграции только в силу стечения обстоятельств.

Изначально не собирались эмигрировать и Гамов с Ипатьевым, которые внесли значительный вклад в советскую науку в 20-е годы. Гамов как ученый сформировался уже в советское время, а Ипатьев до революции был сосредоточен на научной карьере и с либерально-революционной интеллигенцией не являлся. Но, как уже отмечалось ранее, большевики не доверяли «бывшим» и использовали их только с целью создания кадров «пролетарских» ученых и специалистов. И когда эта задача была частично решена, Сталин начал «прессовать» старых спецов. Загранкомандировки были ограничены, по стране прокатились первые процессы над инженерами-вредителями, заканчивавшиеся расстрельными статьями.

Тогда Гамов, мечтавший о всемирной славе и положении «свободного художника», которого добились выдающиеся ученые: физик Петр Капица и генетик Николай Тимофеев-Ресовский, много лет работавшие за границей, после очередного запрета на выезд на международную конференцию, решил стать невозвращенцем. А Ипатьев, после расстрела своих коллег, как «бывший» решил не испытывать судьбу и последовал примеру Гамова. То есть здесь мы видим не принципиальные разногласия с советской властью, а в одном случае – неудовлетворенные амбиции, а в другом – страх за свою жизнь.

Таким образом, можно сказать, что эмигрировали в основном интеллигенты-гуманитарии (писатели, поэты, публицисты, философы, художники, композиторы, журналисты, издатели, профессора, адвокаты, политики), а интеллектуалы-технари по большей части остались. «Но это утверждение несправедливо, – скажете вы, – ведь выдающиеся гуманитарии эмигрировали не по своей воле». Но всего было выслано 225 человек, в то время как эмигрировало несколько десятков тысяч интеллигентов (всего по разным оценкам за годы гражданской войны страну покинули от 1.5 до 2 млн. человек). Поэтому можно сказать, что волна эмиграции довольно четко разделила интеллектный слой на интеллигентов и интеллектуалов.

И все же страну покинули далеко не все интеллигенты. Казалось бы, перед оставшимися открывалась поистине историческая перспектива. Ведь борьба с антисистемой, каковой являлась ленинская коммунистическая утопия, – дело святое! Это вам не великую империю расшатывать. Здесь историческая правда была бы на их стороне. Но проблема в том, что, во-первых, в нашем случае одна антисистема сталкивалась с другой. А тогда, выражаясь научным языком: «хрен редьки не слаще», что, собственно, и продемонстрировали 90-е годы. А во-вторых, в условиях приближавшейся мировой бойни попытка свалить большевиков, неизбежно приводящая к новой гражданской войне, ставила бы под сомнение уже само существование российской государственности. А сторонников этой борьбы с исторической неизбежностью толкала в ряды коллаборационистов.

Но как же этой «истинной» интеллигенции удалось сохраниться в тех непростых условиях, под напором перерожденцев-сменовеховцев, интеллектуалов-«технарей» и новой рабоче-крестьянской массы «образованцев»? И главное, под бдительным и всевидящим оком ОГПУ-НКВД?

Формой сохранения интеллигентских традиций стали привычные для нее закрытые кружки и масонские ложи. Как вспоминал Лихачев, до 1927 года Ленинград «кипел различными философскими кружками и студенческими обществами». Одним из таких кружков был «Хельфернак» (художественно-литературная, философская и научная академия), организованный религиозным философом Иваном Андриевским в Петрограде в 1923 году. Среди его членов был и будущий апостол современной интеллигенции

Дмитрий Лихачев. Также членом этого кружка являлся философ Сергей Аскольдов-Алексеев, преподававший Лихачеву психологию в средней школе.

В 1928 Андриевский и Аскольдов основали тайное религиозно-философское общество «Братство преподобного Серафима Саровского», в котором также состоял Лихачев. Входил будущий академик и в студенческий кружок с громким названием «Космическая академия наук». Помимо Ленинграда, подобные кружки возникали и в других городах.

Эти кружки действовали по привычной для интеллигентов схеме масонских лож. Члены кружков писали рефераты на различные темы, которые обсуждались на общих собраниях. Также как и ложи, кружки были тайными, только в них отсутствовала сложная обрядность и ритуалы.

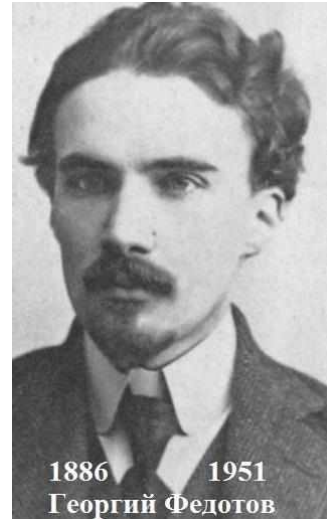

В то же время религиозными философами Александром Мейером и Георгием Федотовым был организован либерально-философский кружок «Воскресенье». После эмиграции Федотова, покинувшего Россию в 1925 году, стараниями масона Мейера этот кружок постепенно стал приобретать черты масонской ложи. Правда к регулярному масонству

эта квазиложа отношения не имела.

Помимо организаторов, среди его членов были такие известные личности, как культуролог Николай Анциферов, историк Иван Гревс, философ Михаил Бахтин, и все те же Аскольдов-Алексеев и Дмитрий Лихачев. Целью кружка объявлялся поиск путей религиозного

возрождения через связь христианства и социализма. Главным препятствием объявлялась православная церковь. А основой всего – интеллектуальная свобода.

По принципу масонской конспирации, для подбора новых членов было организовано еще пять кружков нижнего уровня под руководством Федотова, Мейера, и Гревса. В них будущие члены «Воскресенья» подвергались предварительной обработке и проверке благонадежности. Всего через этот полумасонский кружок прошло около 150 человек.

Сохранению старых традиций русской интеллигенции способствовали также лекции и занятия, которые многие старые профессора, такие как,

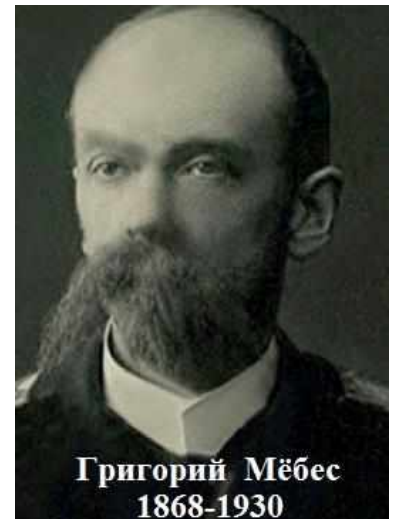

например, Александр Введенский и его ученик Сергей Поварнин, проводили на дому для детей интеллигентов, не имевших тогда права поступать в университеты. Также в первой половине 20-х годов еще имелась возможность, правда за свой счет, издавать работы без официального одобрения соответствующих органов. Этим пользовались некоторые ученые, в частности философ Алексей Лосев.

Помимо кружков и полумасонских объединений, кадры «истинной» интеллигенции ковались и в настоящих ложах, хотя и не входивших в регулярное масонство и не признававшихся западными братьями. В основном это были ложи мистического масонства. Самыми крупными были ленинградские ложи «Ордена мартинистов», возглавляемые бывшим лифляндским бароном Григорием Мёбесом. Также действовало отделившееся от мартинистов «Русское автономное масонство» Бориса Астромова.

Кроме них в Ленинграде существовали еще три более мелкие масонские организации, а в Москве Андреем Белым и анархистом Аполлоном Карелиным были созданы масонские организации: «Орден света», «Храм искусств» и «Братство милосердия». В Нижнем Новгороде и Сочи возникли близкие к ним «Орден Духа» и «Орден тамплиеров и розенкрейцеров». В нескольких городах страны продолжал действовать «Орден розенкрейцеров», еще с дореволюционных времен возглавляемый поэтом и философом Борисом Зубакиным.

Параллельно с мистическим масонством продолжали подпольно действовать, хотя официально и были закрыты властями в 1923 году, общества Теософов и Антропософов.

Ложя розенкрейцеров, 1920 год. В центре – Зубакин. Справа – кино-режиссер Сергей Эйзенштейн.

Эта интеллигентская полумасонская вакханалия нашла сатирическое отражение в романе «Двенадцать стульев», изданном в 1928 году, в сцене создания Остапом Бендером тайного общества «Союз меча и орала».

Поначалу власти довольно снисходительно смотрели на эти интеллигентские забавы. После смерти Ленина шла борьба за власть, и начальству было не до них. Но «кипение» интеллигентской кружковщины продолжалось недолго. Как только Сталину удалось утвердиться у власти, убрав Троцкого и его сторонников, ОГПУ всерьез взялась за подозрительных интеллигентов старого разлива.

В 1926 году прошел процесс над мартинистами. В 1927-1931 годах были разгромлены теософы и антропософы. В 1929 году состоялся суд над членами «Воскресенья» и «Братства Серафима Саровского». 70 человек были осуждены. В 1930 году были осуждены члены «Ордена духа» и близких им масонских лож.

Нужно признать, что наказания были на удивление скромными. Можно сказать, что в работе ОГПУ период 20-х годов был самым мягким, можно

даже сказать – интеллигентским. Так мартинисты получили по три года ссылки. В заключение на три года был отправлен только выдавший мартинистов предатель Астромов. Также в ссылку на три года были отправлены и члены «Ордена духа», и лидер розенкрейцеров Зубакин, после своего второго ареста в 1929 году. Более суровое наказание понесли члены «Воскресения» и «Братства Серафима Саровского». Ссылкой отделалась только половина осужденных. Шесть руководителей были приговорены к 10 годам заключения в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ). А шесть наиболее активных членов, включая Лихачева, получили 5 лет лагерей.

Но и в лагерях того времени интеллигентов на тяжелых работах практически не использовали. Лес тогда валили и каналы копали сотни тысяч раскулаченных мужиков, и использовать для этих целей «мягкотелую» интеллигенцию власть не видела смысла. Интеллигенты, как единственные на тот момент образованные люди среди заключенных, занимали в основном многочисленные технические, медицинские и экономические должности в обширном лагерном хозяйстве.

Именно в СЛОИ впервые появилось понятие «блатной» в своем новом значении. Правда, с середины 30-х годов блатными стали называть уголовников, уклонявшихся от работ в лагерях и заставлявших работать за себя «политических». Но в конце 20-х блатными называли заключенных, устраивавшихся на легкие работы. Поэтому первыми «блатными» стали лагерные интеллигенты. Так, того же Лихачева в СЛОИ друзья устроили сотрудником криминалогического кабинета. А после перевода в Белбалтлаг на стройку Беломорско-Балтийского канала он работал счетоводом. Как вспоминал Дмитрий Сергеевич, в каждой вновь прибывшей партии они выискивали «своих» и всеми правдами и неправдами устраивали на административные и технические должности.

Находясь в заключении, будущий академик написал и опубликовал в местной газете свою первую научную работу. В то время в СЛОИ не только выходило несколько газет, но и действовал театр, спортивные площадки и

музыкальные кружки. И при этом уже тогда наблюдались многочисленные случаи издевательств и внесудебных расправ не только над уголовниками-отказниками, но и над политическими заключенными.

Нужно сказать, что оставшаяся в СССР интеллигенция находилась в некоторой растерянности. С одной стороны, большая ее часть боролась с большевиками в гражданскую. А с другой, небывалый энтузиазм городских трудящихся масс, вызванный первым экспериментом по практическому построению социалистического общества, производил и на них большое впечатление. И потому идеи сменовеховцев имели серьезное влияние в интеллигентской среде России того времени. Поэтому на допросах большинство из

Борис Астромов
1883-1941

них подчеркивало, что они сочувствуют советской власти, только не согласны с некоторыми методами ее работы и ограничениями свободы. А Астромов даже написал Сталину письмо, в котором доказывал, что масоны весьма полезны для коммунистов, что у них общие цели построения общества равенства и братства. И что власть должна использовать ценный опыт и знания «ка-

менщиков» при создании коммунистического рая.

Такие же, как Андриевский, Аскольдов и другие, ранее считавшие, что «христианское учение пригодно только для народных масс, а не для нас, любителей», после долгих поисков бога вдруг сделались ярыми поборниками православной церкви. И встали на путь решительного противостояния боготорческой власти, став активными деятелями «катакомбной церкви¹» и непримиримыми врагами советской власти.

Итак, подпольное движение «старых» интеллигентов в СССР было успешно разгромлено. Но дело их продолжало жить и развиваться. Их эстафету подхватила молодежь, успевшая впитать в себя старые интеллигентские

¹ Катакомбная церковь - собирательное именование тех представителей русского православного духовенства и мирян, которые перешли на нелегальное положение, находясь на антисоветских позициях.

традиции. И даже те, кто был осужден, благодаря системе «блата» в лагере объединялись в сплоченное сообщество, в котором молодежь черпала идеи и ценности «старой» интеллигенции. За исключением некоторых «непримиримых», после отбытия лагерных сроков или короткой ссылки, многие из них вполне успешно влились в общественную жизнь, практически не испытывая каких-либо ограничений в своей деятельности. И продолжали поддерживать интеллигентские традиции. Тот же Лихачев, после досрочного освобождения в 1932 году, устроился в Ленинграде литературным редактором государственного издательства «Мысль».

Солоневич зло писал тогда: «Эта интеллигенция - книжная, философствующая и блудливая, слава Богу, почти истреблена... Но дело ее еще живо, как принято говорить в таких исторических случаях: гной ее мышления еще будет отравлять мозги и будущих поколений. И ее конвульсивные прыжки от Маркса к Христу и от Христа снова к Сталину - будут еще вызывать раздражение в тех юных профессорах, которые идут на смену повешенным и повесившимся».

Товарищ Сталин, в отличие от своих соратников, хорошо понимал, что история – это ключ к пониманию современности. Именно глубокое знание русской истории позволило ему понять, что в России при любой системе власти, как бы не назывался правитель – Генсек или Президент, все равно получается Царь. Но царь – фигура сакральная. Раньше сакральность ему обеспечивала традиционная вера. Однако при богоборческой советской власти сохранить сакральную составляющую его титула было невозможно, поэтому Сталин решил опереться на собственный культ.

Для начала, чтобы встать в один ряд с основоположниками, необходимо было внести существенный вклад в сокровищницу марксизма. И он его внес! В 1928 году Сталин выдвинул учение об обострении классовой борьбы по мере построения социализма. И теперь ОГПУ, вооружившись новой теорией вождя, вынуждено было перейти от борьбы с реальной контрреволюцией, которую она успешно подавила, к ее фабрикациям.

В свою очередь, теория обострения понадобилась, чтобы нанести упреждающий удар и подавить возможное сопротивление. А оно вполне могло возникнуть в процессе исторического перелома, который наметил вождь. Меры были предложены действительно грандиозные. В том же 1928 году был взят курс на окончательное сворачивание НЭПа и ускоренную индустриализацию.

Была проведена превентивная чистка «бывших» в госаппарате, научных и учебных учреждениях. К тому времени уже начали сказываться усилия по внедрению всеобщего образования и формированию «пролетарской интеллигенции». К тому же, благодаря Великой депрессии на Западе, Сталин сумел привлечь на стройки пятилетки огромное количество иностранных, в основном американских и немецких, инженеров. Поэтому, наряду с бывшими царскими офицерами, которые могли бы возглавить сопротивление крестьян, и представителями других привилегированных сословий, было вычищено немало старорежимных интеллигентов, кроме имевших большую ценность как ученые или инженеры.

При этом «бывшие» были не только уволены, но и поражены в правах и выселены в отдаленные районы Урала и Сибири. Причем в силу их непригодности к тяжелому физическому труду, шансов выжить у них было не много. Практически, значительная часть этих спецпереселенцев была сознательно обречена на смерть в полном соответствии с идеей уничтожения эксплуататорских классов.

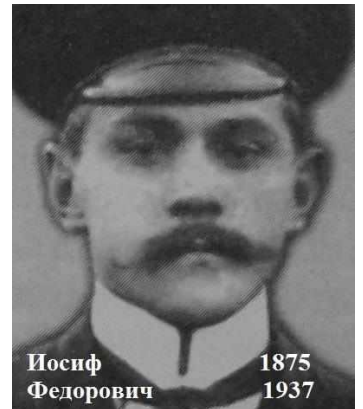
Откликнувшись на лозунг об обострении классовой борьбы, ОГПУ приступило к фабрикации процессов над «вредителями» и «контрреволюционерами». Главной целью этих процессов также была чистка предприятий и органов управления от идеологически чуждых элементов и, прежде всего, от старорежимной интеллигенции. Первым пробным шаром, ознаменовавшим окончательный переход от НЭПа к «социалистическому наступлению», было «Шахтинское дело» – процесс о «вредительстве» в угольной промышленности, проведенный в 1928 году. По делу было привлечено 53 руководителя и

специалиста угольной промышленности, треста «Донуголь» и ряда шахт Донбасса, в основном горных инженеров. 11 человек, в том числе «лидер преступной группы» горный инженер Николай Горлецкий, а также профессор, член Центрального совета экспертов ВСНХ, анархист Петр Пальчинский, были приговорены к расстрелу. Остальные, в том числе основатель горноспасательного дела в России Иосиф Федорович и

будущий Герой социалистического труда, академик Николай Чинокал, разработчик кислородно-конверторных систем в металлургии, были приговорены к заключению на срок от 1 года до 10 лет.

В 1930 году было «сшито» дело «Промпартии», о массовом вредительстве теперь уже в различных отраслях промышленности и даже в Госплане. По делу было осуждено около 2-х тысяч человек. Главным обвиняемым был объявлен профессор Леонид Рамзин, выдающийся теплотехник, член президиума Госплана и ВСНХ. Пятеро подсудимых, среди которых, помимо Рамзина, были ректор МВТУ Иван Калинин и профессор Николай Чарновский, были приговорены к расстрелу, который был заменен 10-ю годами заключения. В это же время развернулось и дело закавказской «Промпартии», благодаря которому возшла политическая звезда Лаврентия Берия.

Также в 1930 году начались процессы по делу о несуществующей «Трудовой крестьянской партии», по которому в общей сложности было привлечено 1296 человек, включая таких известных экономистов, как Александр Чаянов и теоретик НЭПа Николай Кондра-

Также в 1930 году начались процессы по делу о несуществующей «Трудовой крестьянской партии», по которому в общей сложности было привлечено 1296 человек, включая таких известных экономистов, как Александр Чаянов и теоретик НЭПа Николай Кондра-

ТЬЕВ.

Для успешного развития своего культа, товарищ Сталин также должен был «слегка» изменить историю. Для этого понадобилось подчистить архивы. А чтобы этот процесс прошел без сучка и задоринки, нужно было припугнуть многочисленных

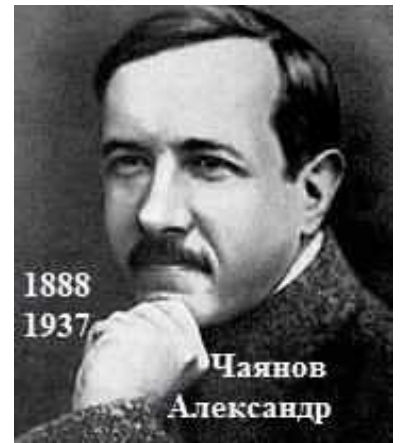

историков-архивистов и краеведов, чтобы быть уверенным, что они правильно понимают политику партии.

Затем к ним были присоединены еще 15 краеведов из Центрального краеведческого бюро. Среди осужденных были тогдашние и будущие академики: директор библиотеки АН СССР и Пушкинского Дома Сергей Платонов; историки Николай Лихачев, Евгений Тарле, Владимир Пичета, Степан Веселовский, Сергей Бахрушин,

Матвей Любавский, Сергей Рождественский, Юрий Готье, Дмитрий Егоров, Владимир Бенешевич и другие. Егоров умер в тюрьме, а Платонов, Лихачев, Любавский и Рождественский – в ссылке. Для остальных дело ограничилось трехлетней ссылкой, после которой они правильно поняли намек, были реабилитированы и верой, и правдой служили партии и достигли высоких званий и наград. Только убежденный монархист Бенешевич

остался в тюрьме дожидаться своей пули 37-ого года отлива.

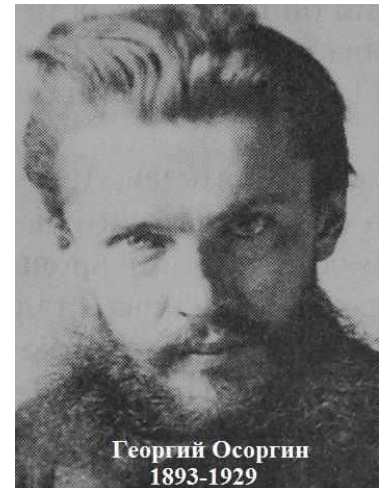

1860 1936
Матвей Любавский

И в лагерях ситуация тоже изменились. В СЛОНе в 1929 году было инспирировано дело об организации среди заключенных подпольной организации, якобы готовившей массовый побег за границу. Уже в то время планировалось по полной привлечь заключенных к «ударному» труду на благо индустриализации. Поэтому целью этих фабрикаций стала «чистка» состава заключенных от царских и белых офицеров, которые могли бы организовать сопротивление. А также от больных, слабосильных и «отказников». По этому делу на Соловках было привлечено более двухсот человек. 51 заключенный был приговорен к расстрелу, из них 36-ти приговор был приведен в исполнение.

Эти события отражены в воспоминаниях академика Лихачева в виде мифа о благородном офицере, дворянине-интеллигенте Георгии Осоргине, а также о его собственном чудесном спасении. По версии Лихачева 28 октября Осоргин уже находился в камере смертников, когда к нему неожиданно приехала жена. Его выпустили из камеры смертников на свидание, обязав под честное слово дворянина не говорить ей, что его ожидает. «И он выполнил свое обещание, данное палачам». Причем неожиданный приезд жены Лихачев объяснял тем, что начальство на материке не знало о том, что творится на островах.

На самом же деле приезд родственников всегда сопровождался длительной перепиской и согласованиями, как с местным, так и с высшим начальством. Осоргин был арестован и впервые допрошен по делу 14 октября, а жена, приехав 1 октября, уехала 13-ого, проведя с ним 13 дней. Поэтому ни о каком неожиданном приезде речи не идет. И он в тот момент никак не мог знать, что вскоре будет арестован и расстрелян. Приговор же по делу №85245 был подписан в Москве членами

Георгий Осоргин
1893-1929

Коллегии ОГПУ Бокием и Эхмансом 24 октября и приведен в исполнение 29 октября. К тому же Дмитрий Сергеевич записал Осоргина в интеллигенты, хотя тот был убежденным монархистом, не побоявшимся заявлять это даже на допросах, за что, собственно, и оказался в СЛОНе. А монархист-интеллигент – это вообще-то нонсенс.

К самому же Лихачеву перед расстрелами приехали на свидание родители, с которыми он провел несколько дней в отдельном домике. Лихачев вспоминал, что в день расстрела ему сообщили, что за ним «приходили». Всю ночь он прятался в поленнице. Ему «стало все ясно». Он подумал, что местные власти, решили для острастки расстрелять круглое число – 300 человек, а когда его не нашли, взяли кого-то другого. Поэтому он теперь должен прожить честную жизнь за двоих.

На самом деле в расстрельном «списке 36-ти» Лихачев не значился, и никто его расстреливать не собирался. Внесудебные расправы над заключенными практиковались постоянно, а убитых проводили как умерших от тифа. Но массовые расстрелы по воле местной администрации, а тем более с составлением пофамильных списков, в то время в лагере не практиковались. И откуда взялась у него это число – 300, неизвестно. Но оно стало гулять по всем воспоминаниям, и было зафиксировано в «Архипелаге» Солженицына.

Все это я привожу не для того, чтобы обидеть заслуженного академика, а чтобы показать, что к мемуарам и воспоминаниям пожилых людей нужно относиться с большой осторожностью.

В советский период вопрос об идентификации русской интеллигенции стал особенно запутанным. Употреблялась масса прилагательных к этому слову: советская, трудовая, рабоче-крестьянская, старорежимная, буржуазная, дореволюционная, передовая, истинная и, наконец, гнилая. В Толковом словаре русского языка 1935 года интеллигенция определяется как «общественный слой работников умственного труда, образованных людей». Это формальное, социально-экономическое определение позволяло включать в

состав интеллигенции всех людей умственного труда, вне зависимости от их мировоззрения, воспитания и отношения к своей стране и ее строю.

На самом деле большая часть подпадающих под это определение людей относилась к интеллектуалам. Как же тогда отличить от них ту самую русскую интеллигенцию, наследницу пламенных борцов с самодержавием за европейскую культуру, которая в советское время практически растворилась в многочисленном отряде тружеников умственного труда. Как выделить крупницы истинных бриллиантов из огромной массы интеллектуальной породы?

Еще раз сформулируем признаки «истинной» интеллигенции. Помимо образованности это: гипертрофированное представление о собственной значимости, стимулирующее постоянные философские «искания»; сформулированное Лихачевым стремление к абсолютной интеллектуальной свободе; негативное мироощущение и связанное с ним неприятие окружающей действительности (народа и его государства); антисистемное мышление, порождающее стремление превратить Россию в милую их сердцу Западную Европу. При этом, если интеллигенты и признавали необходимость построения социализма, то непременно с европейским лицом. Что это такое – никто не знал, но необходимость сомнению не подлежала.

Казалось бы, эти критерии позволяют четко идентифицировать интеллигенцию. Но проблема в том, что в условиях тоталитарного государства, все эти качества тщательно скрывались за бодрыми клятвами в верности коммунистическим идеалам. В сталинский период интеллигенция переместилась с социального на кухонный уровень. И судить о ее существовании можно только по каким-то обрывочным и косвенным признакам. Поэтому, даже приблизительно невозможно оценить численность наследников старорежимной интеллигенции, пущенной Сталиным в распыл.

Также, как и до революции, когда русская интеллигенция состояла из двух частей: либералов и радикалов, при советской власти интеллигенция разделилась на «непримиримых» и «молчаливых». При этом и те и другие фактически оказались во внутренней эмиграции, которая время от времени

переходила во внешнюю. За что интеллигенция и получили прозвище – гнилая.

Из воспоминаний интеллигентов видно, что больше всего они страдали от отсутствия той самой интеллектуальной свободы. При этом они не могли понять, что своей многолетней борьбой за свержение самодержавия, а затем полнейшей импотенцией в самый ответственный момент, когда власть свалилась им в руки, они и породили тоталитарный большевистский режим. Как говорится, за что боролись – на то и напоролись!

Сменовеховцы не понимали, что марксистско-ленинская антисистема, как и любая антисистема, имеет принципом своего существования ложь. Поэтому для нее всегда неизбежно появление «министерства Правды» и «министерства Любви». Причем, если с созданием министерства Любви большевики вполне справлялись самостоятельно, то для формирования министерства Правды, в силу грандиозности стоявших перед ним задач, им была необходима помощь интеллигенции.

Этими задачами были: культурная революция, включающая в себя обеспечение всеобщей грамотности; а также формирование коммунистической идеологии и воспитание нового советского человека. В 30-е годы к этому добавилась задача создания культа личности вождя.

Интенсивный процесс формирования советского человека потребовал широкого использования внешкольного воспитания. Это привело к бурному росту культурно-просветительских учреждений: библиотек, клубов, музеев и т.д. и, соответственно, к существенному росту числа культурно-просветительских работников.

В первые годы, когда идеологические гайки еще не были закручены, интеллигенция продолжала резвиться в своих ложах и кружках, поддерживая «безграничную интеллектуальную свободу». Задачи идеологического воспитания тогда решались силами «пролетарских интеллигентов», таких как: Александр Серафимович, Александр Фадеев, Михаил Шолохов, Демьян Бедный, Александр Безыменский, Аркадий Гайдар, Дмитрий Фурманов, Нико-

лай Островский и «интеллигентов-большевиков»: Луначарского и Надежды Крупской, а также подержавших большевистский переворот «старых» интеллигентов: Тимирязева, Александра Покровского, Алексея Толстого, Викентия Вересаева, Бориса Па-

1892 1977
Федин Константин

стернака (в 20-е годы), Константина Федина, Константина Паустовского, Ильи Эренбурга и представителей «богема»: Маяковского, Блока, Брюсова, Евгения Вахтангова, Всеволода Мейерхольда и других.

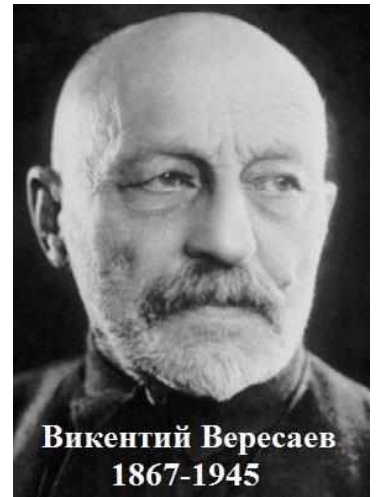
Но в связи с грандиозностью поставленных задач одних только добровольных помощников было недостаточно. После проведенной операции устрашения, Сталин поставил перед гуманитарной интеллигенцией дилемму: либо стать бойцами идеологического фронта, либо раствориться на островах

1890 1960
Борис Пастернак

архипелага¹. Поэтому отделаться простой лояльностью режиму гуманитарная интеллигенция уже не могла.

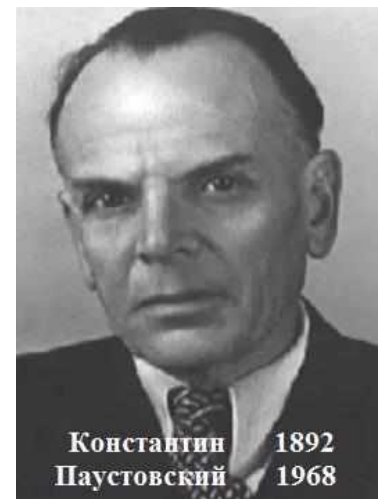
Лишь небольшая часть «непримиримых» ушла в «катакомбы». Еще некоторое число, подобно Лихачеву, сумело найти свою «поленницу дров», нейтральную полосу, вроде славистики или востоковедения, куда почти не добиралась идеология, и в которой им уда-

Викентий Вересаев
1867-1945

1891 1967
Илья Эренбург

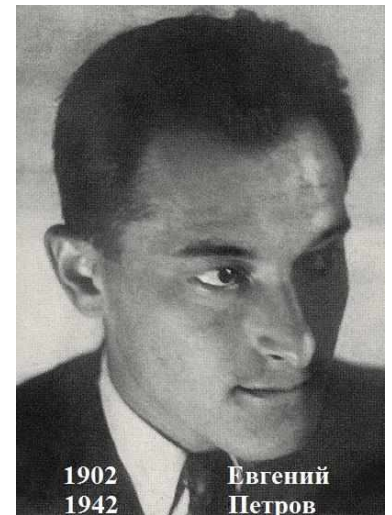
Константин Паустовский
1892 1968

¹ - имеется в виду ГУЛАГ.

лось переждать коммунистическую антисистему. А некоторые, как тот же Лихачев, даже успели убедиться в правоте восточной мудрости: «Если долго сидеть на берегу реки – то рано или поздно увидишь проплывающий мимо труп твоего врага». Но большинство приняло «предложение, от которого невозможно отказаться». И каждый из них умелой рукой вождя был приставлен к делу, соответствующему его способностям и возможностям.

Так Покровский и Брюсов, под зорким оком Крупской, обеспечивали идеологически выдержанный подбор книг и библиотечных кадров в растущей сети библиотек. Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров сатирой клеймили НЭП и обосновывали ликвидацию связанных с ним «бывших» и нэпманов. Маяковский выдавал «нагора» поэтические произведения, поднимающие энтузиазм молодых строителей социализма. Самуил Маршак и Корней Чуковский создавали новую советскую детскую литературу. Писатели-интеллигенты, совместно с пролетарскими коллегами,

ковали идейно выдержанные литературные произведения.

Публицисты и журналисты раскрывали перед читателями грандиозные замыслы и светлые перспективы, а также вскрывали происки «подлых врагов». Здесь лучше всех устроился

Эренбург. До 1940 года он, в качестве корреспондента газеты «Известия» проживал на Западе, где, ис-

пользуя свою литературную известность, успешно работал над созданием положительного образа страны Советов. А заодно также успешно агитировал наиболее известных интеллигентов за возвращение на Родину.

Драматурги, кинематографисты, актеры штамповали высокоидейные спектакли и кинофильмы. А так как товарищ Сталин разделял утверждение Ленина о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», то процесс создания кинематографических шедевров протекал под его личным контролем. Причем, даже бывший розенкрейцер Эйзенштейн был успешно поставлен на службу его тоталитарному режиму.

И все эти интеллигенты, каждый на своем месте, вносили посильный вклад в дело укрепления и развития культа личности Сталина.

Поэтому утверждение профессора Соколова о том, что только «творчески активная и этически определившаяся часть общества, создает, хранит и распространяет идейное содержание своей эпохи», в советский период звучит особенно смешно. Определять то она определяла, но только под бдительным оком идеологического отдела ЦК.

Самым известным на Западе писателям: Горькому и Толстому поручались самые важные задания. В 1929 году в Европе разразился большой скандал. Бежавший с Соловков заключенный написал книгу об ужасах, творившихся в концлагерях на заготовках леса. Великобритания даже приостановила закупку древесины в СССР, из-за чего возникла угроза сокращения валютных поступлений. Тогда Горький был специально вызван из теплого Сорренто и командирован в СЛОН. Оценив увиденное, как «небывалый, фантастично удачный опыт перевоспитания общественно опасных людей в условиях свободного общественно полезного труда», Горький успокоил мировую общественность и с «чистой душой» вернулся в Италию.

Также некоторые полагают, что своей злобной статьей «О русском крестьянстве» 1922 года он вдохновил товарища Сталина на раскулачивание, коллективизацию и организацию Голодомора. «Великому гуманисту» принадлежит и знаменитая максима: «Если враг не сдается – его уничтожают!».

Возможно, именно она укрепила вождя в мысли перейти от практики «перековки» к уничтожению своих врагов.

В 1933 году Горький вместе с Толстым блестяще справился с заданием написать оду сталинской «перековке» врагов и гимн ОГПУ – сборник «Бело-морско-Балтийский канал имени Сталина», в котором «попросили» участвовать еще 36 писателей, среди которых можно отметить Валентина Катаева,

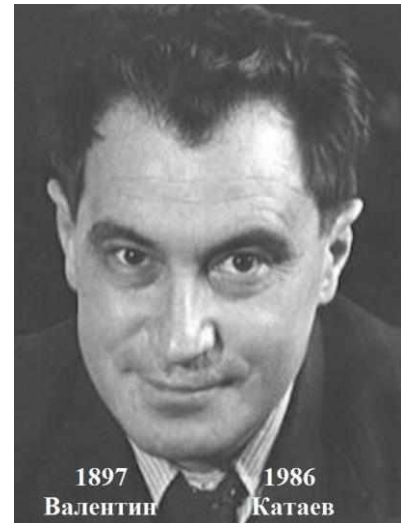

Виктор Шкловский 1893–1984

Виктора Шкловского, Всеволода Иванова и Михаила Зощенко. Гимн первой гигантской стройке, которая осуществлялась исключительно силами заключенных, блистательным чекистам и личному другу Горького, Генриху Ягоде удался на славу. Книга получилась столь яркой, что в написанное, по видимому, поверили и ее авторы. То есть в процессе работы над ней «перековке» подверглись и сами пи-

сатели – наши добрые интеллигенты.

Остается только поражаться политической прозорливости «корифея всех наук». В 1931 году он заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Можно конечно предположить, что глобалисты, начавшие подготовку 2-ой мировой войны, поделились с ним своими планами. Но если не рассматривать эту фантастическую версию, то можно утверждать, что в способности предсказать сроки начала войны Сталин не уступил самому Вольфу Мессингу.

1897–1986
Валентин Катаев

Мировая закулиса действовала в полном соответствии с законами диалектики. Тезис – нацистская Германия, антитезис – коммунистическая Россия, синтез – новый мировой либеральный порядок. Вот почему те же силы, что финансировали приход к власти Гитлера, помогали Сталину реализовывать планы первых пятилеток. Причем помощь Запада большевикам, после

изгнания их прямого ставленника Троцкого, не только не прекратилась, но даже усилилась. Техника, технологии, специалисты текли в Россию рекой. Одних только американских инженеров на стройках пятилетки работало более 5-ти тысяч. Генри Форд поставил конвейерные линии для сборочных цехов первого советского автозавода. Советские инженеры и рабочие проходили стажировку в Америке. Все крупнейшие стройки 1-ой пятилетки: Днепродзержинский ГЭС, Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные и Нижегородский автомобильный заводы строились при участии американских инженеров, с использованием американских технологий и оборудования.

И объяснялось это не только Великой депрессией. Для того чтобы в будущем «уцелевшие» безропотно приняли новый мировой порядок, планируемая бойня должна была стать очень разрушительной и кровопролитной. А для этого необходимо было обеспечить достаточную экономическую и военную мощь основных участников столкновения. Вот почему мировая закулиса помогала и нацистской Германии, и Советской России.

Сталин не останавливался ни перед чем, чтобы успеть подготовиться к неизбежной войне. Единственным источником средств для обеспечения индустриализации могло быть только тотальное ограбление крестьянства. Поэтому была задумана и осуществлена сплошная коллективизация, крестьяне были лишены паспортов, загнаны в колхозы и превращены в крепостных. А чтобы подавить активное сопротивление, было осуществлено превентивное раскулачивание, то есть изъятие из крестьянских общин наиболее самостоятельных, решительных и способных к сопротивлению членов.

Работающие русские мужики рвали жилы на лесоповале, пытались спасти свои семьи от смерти. Своим ударным¹ трудом они добывали валюту для строек первой пятилетки. Другим же источником поступления валюты стал экспорт зерна, которое практически даром забиралось у колхозников.

¹ - ударникам полагалась повышенная пайка и сокращение срока высылки.

Для обеспечения бесперебойного экспорта зерна, необходимого для финансирования строек и обеспечения растущей численности городского населения, мало было загнать крестьян в колхозы. Нужно было заставить их там ударно работать, да еще практически бесплатно.

Подневольный труд всегда малоэффективен. В первые три года после коллективизации производство сельхозпродукции резко упало. Соответственно, существенно сократился и экспорт зерна, дававший основные поступления валюты на нужды индустриализации.

Экономических стимулов крестьянам Сталин, разумеется, предложить не мог, поэтому сделал ставку на страх. Но это должен был быть не просто страх. Необходим был вселенский ужас! И Сталин его обеспечил, организовав Голодомор. Да это был именно искусственно организованный Голодомор, а не вызванный природными причинами голод, подобный трагедии 1921-1922 годов. В районы, срывающие план поставок, Сталин отправил своих опричников, борцов с «саботажем», которые массовыми репрессиями и пытками заставляли колхозников сдавать практически весь хлеб. В наиболее провинившихся округах, внесенных в «черный список», дополнительно осуществлялась полная остановка всякой торговли, закрытие магазинов, закрытие всех кредитов, дополнительное обложение высокими налогами, арест и высылка всех «саботажников».

Одновременно, был принят знаменитый указ «О трех колосках», по которому за кражу нескольких оставшихся гнить на полях картофелин или колосьев голодающие осуждались на 10 лет или даже приговаривались к расстрелу. Миллионы людей умирали от голода, но колхозный хлеб тронуть не смели. Когда же сотни тысяч обезумевших голодных устремились в города, их встретили заградотряды ОГПУ. Сталин, конечно, мог бы позволить этим людям устроиться на расположенные в этих же регионах гигантах 1-ой пятилетки и спасти их от смерти, но это в его планы не входило.

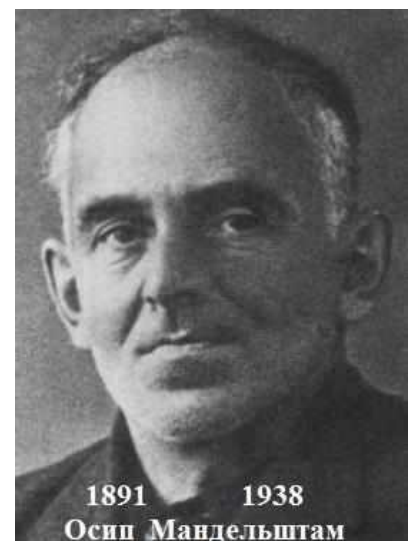
Как и раскулачивание, этот искусственный голод, унесший несколько миллионов жизней, стал одним из проявлений геноцида, направленного про-

тив крестьянства, как наиболее устойчивой к внешним воздействиям части природных этносов. Сталин уже тогда окончательно понял, что с крестьянством социализм не построишь. Поэтому ломка природных стереотипов поведения и являлась еще одной задачей массовой коллективизации. Не случайно 1929 год был назван годом «Великого перелома».

Организовав чудовищный голод, Сталин ясно дал понять крестьянам, что он не остановится ни перед какими злодеяниями, чтобы заставить их принять социалистические ценности и работать в колхозах так, как лучшие из них раньше работали на себя. Тем более что наблюдавшийся всю первую четверть XX века переизбыток рабочих рук на селе, позволял ему без особых потерь для государства уничтожить несколько миллионов «лишних» людей, не вписывавшихся в социалистическую систему. Не случайно от голода больше всего пострадали именно те регионы, где наблюдалось наиболее массовое и ожесточенное сопротивление раскулачиванию и коллективизации. И надо признать, что ему удалось переломить ситуацию. Страх голодной смерти и начавшаяся все же механизация села способствовали тому, что уже в 1934 году началось восстановление сельскохозяйственного производства.

А что же русская интеллигенция? Как она прореагировала на это чудовищное преступление. Да, собственно, никак. Только Михаил Шолохов, которого к истинной интеллигенции вряд ли можно отнести, решился написать письмо Сталину, но после суровой отповеди, замолчал. Настоящие же интеллигенты в это время были либо в лагерях, либо в ссылке. Но даже и те, что успели вернуться, или не были еще затронуты репрессиями, никак себя не проявили. К тому же, из их лагерной жизни мы видим, что спасали и заботились они только о своих. Судьба прочего народа их мало интересовала. Только Осип Мандельштам в 1933 году откликнулся самоубийственным стихотворением

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

Только клетот кремлевского горца –
Душегуба и мужикоборца.

Хотя к русскому крестьянству основная масса интеллигенции относилась не столь враждебно, как Горький, но к тому времени уже видела в косной крестьянской массе главное препятствие на пути к светлому европейскому будущему. И их потомки в своих произведениях, посвященных сталинским репрессиям, все внимание уделяли только событиям 37-го года. Трагедия крестьянства их не слишком волновала.

Итак, та часть дореволюционной технической интеллигенции, которая пережила «чистки» и процессы «вредителей» и в основном перешла на позиции сменовеховцев, была мобилизована на обеспечение ускоренной индустриализации и передачу своего опыта и знаний новому поколению рабоче-крестьянских интеллектуалов.

Гуманитарная же интеллигенция была вовлечена в процесс идейно-художественного обеспечения культурной революции, формирования нового советского человека, обеспечение торжества марксистско-ленинской идеологии и, наконец, культа личности Сталина.

А пока интеллигенция была занята важным делом, товарищ Сталин, очистив государственные органы от «бывших» и разгромив реальных противников, сосредоточился на борьбе со своими соратниками. Он поставил себе грандиозную цель – уничтожить всех старых большевиков, носителей идеологии, замешанной на идеях мировой революции. То есть, сохранив внешнюю оболочку, уничтожить носителей ленинской антисистемы. Сталин был государственным мечтателем, мечтавшим возродить Российскую империю, и все эти догматики-интернационалисты ему сильно мешали. К тому же они знали его еще как Кобу, а не божественного вождя, и этим могли помешать развитию его культа.

К уничтожению старых большевиков Сталина могли подтолкнуть и слухи о стремлении некоторых высокопоставленных партийцев заменить его на Сергея Кирова. А также итоги тайного голосования по кандидатурам в

члены ЦК на XVII съезде ВКПб в 1934 году. Согласно показаниям свидетелей, против кандидатуры Сталина было подано около 300 голосов.

И в 1934 году, после убийства Кирова была запущена машина репрессий против уже самой партии большевиков. Открывались репрессии делом зиновьевской группы в Ленинграде и Москве, по которому были арестованы Каменев, Зиновьев и их сторонники. Одновременно была проведена чистка партии, из которой было исключено 18% ее членов. В наркоматах начались аресты сторонников членов ЦК и Политбюро.

Но начало новой волны массовых репрессий объяснялись не только внутрипартийной борьбой. Была и еще одно прозаическая, но очень зловещая причина. В 1933 году начались перебои с валютными резервами. Иностранцы специалисты в основном покинули СССР. Несмотря на небывалый энтузиазм комсомольской молодежи, воспетый Маяковским:

«Темно свинцовоночие,
и дождик толст, как жгут,
сидят в грязи рабочие,
сидят, лучину жгут.

Сливеют губы с холода,
но губы шепчут в лад:
«Через четыре года

Здесь будет город-сад»»,

Владимир Маяковский
1894-1930

средств на осуществление гигантских планов катастрофически не хватало. К тому же в 1933 году крестьяне-спецпереселенцы были восстановлены в правах, хотя и с запретом на выезд из мест поселений. Тем не менее, теперь их труд уже нужно было оплачивать также, как и обычным гражданам. А в концлагерях труд заключенных, несмотря на все издевательства, был организован крайне бестолково. Да и количество заключенных было еще относительно невелико.

Но еще в 1929 году бывший заключенный Нафталий Френкель предложил эффективную систему выжимания из «сидельцев» максимума возможного при минимуме вложений. Ему принадлежит знаменитое изречение:

«Нужно взять от заключенного все в первые три месяца, потом он нам не нужен». Система получила одобрение вождя, а ее автор был назначен руководителем работ на строительстве Беломорско-Балтийского канала, который был успешно завершён в намеченный срок.

Удачный опыт был распространён и на другие проекты, реализовывавшиеся в особо трудных природно-климатических условиях, и вскоре ОГПУ-НКВД превратилось в гигантскую строительную организацию. А бывший «зэк» стремительно поднялся по служебной лестнице и дослужился до звания генерал-лейтенанта. Родина отметила его заслуги тремя орденами Ленина. И, наконец, главная по тем временам награда – он спокойно умер своей смертью в 1960 году.

Лагерная «экономика» непрерывно разрасталась, захватывая все новые отрасли. Чудовищный монстр ГУЛАГ требовал для своего ненасытного чрева все новых жертв. С 1934 по 1941 годы численность заключённых выросла с 500 тыс. человек до 2 млн. 400 тыс. И это при том, что от «гуманных» условий содержания за 10 лет погибло более 960 тыс. человек.

Когда-то ордынцы могли позволить себе уводить в рабство столько русских людей, сколько им было нужно. Но передовая Конституция 1936 года просто так хватать людей на улицах и отправлять в лагеря не позволяла. Поэтому в НКВД, как в «хозяйствующий» субъект, находящийся на самообеспечении, стали спускать не только производственные планы, но и планы по разоблачению «врагов народа». Требования были весьма строгими, и в случае их невыполнения чекисты отправлялись «на распыл» вместе со своими жертвами. Поэтому «министерство Любви» всячески поощряло доносы граждан друг на друга, развивая соревнование – кто на кого быстрее донесет. И надо признать, что это находило широкий отклик и понимание среди простого населения.

Но с середины 30-х годов появились и персональные расстрельные списки старых большевиков и других партийных и государственных функционеров, по каким-либо причинам опасных для Сталина, и утверждаемые

им самим и его ближайшим окружением. Для оформления таких дел уже приходилось выбивать показания у всего окружения жертв, для чего широко применялись пытки.

37-ой и 38-ой годы потрясли современников не только числом осужденных, но именно количеством расстрельных приговоров. Так из 800 тыс. человек, расстрелянных за весь период нахождения Сталина на посту генсека, около 690 тыс. были приговорены к высшей мере в 1937-38 годах. А всего из 4 млн. осужденных за этот же период, 1.35 млн. были осуждены в 37-38 годах. Товарищу Сталину удалось-таки уничтожить практически всю ленинскую гвардию с ее безумными интернационалистическими идеями. Всех тех, кто осуществлял красный террор в гражданскую, уничтожал и морил голодом крестьянство. И за это ему большое человеческое спасибо.

Вместе с ними, на всякий случай, были уничтожены и многие из осужденных в прошлые годы интеллигентов, от поэта Мандельштама до розенкрейцера Зубакина. Но Сталин не мог открыто объявить свою цель. Поэтому, к сожалению, в эти годы вместе с большевиками, благодаря усердию «органов», работники которых испытывали такой же страх за свою жизнь, было уничтожено и репрессировано огромное количество простых граждан. А вслед за ними пошли и сами ударники «министерства Любви», которые могли догадываться о замысле Великого вождя.

Страх перед заговором высокопоставленных военных, группировавшихся вокруг Тухачевского и региональных партийных вождей, был столь велик, что Сталин лишил «эффективного менеджера» Френкеля почти 700 тыс. рабов, столь необходимых для ненасытного чрева ГУЛАГа, предпочтя заключению расстрел. Несмотря на то, что эти огромные потери повлияли на выполнение планов 2-ой Пятилетки, вождь не стал останавливать «трудлюбивых» чекистов, чтобы не выдать свой замысел.

Не менее трагические события происходили и в культурной сфере.

« Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног».

В полном соответствии с приведенными строками «Интернационала», отражающими футуристическое ощущение времени, свойственное любой ан-

тисистеме, большевики объявили прошлое позорным и недостойным упоминания, а его «пережитки» – главным тормозом на пути формирования нового советского человека. Поэтому история, религия и дореволюционная литература и искусство предавались анафеме. На передний план выходило новое пролетарское искусство и здесь футуризм Маяковского и «театральный Октябрь» Мейерхольда были весьма кстати.

Но поистине звериное чутье Сталина помогло ему понять, что процесс выращивания нового советского человека слишком долг и труден. И что лишение людей исторической памяти и превращение их в новых манкуртов, может обернуться катастрофой в предстоящей войне. Хотя возможно на эту мысль его натолкнула изъятая ОГПУ повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце». Великий вождь понял, что победа в предстоящей битве будет возможна, только если война станет Отечественной. А для этого, как минимум, нужно было вернуть людям само Отечество.

Поэтому, после разгрома партии большевиков в идеологической политике произошел резкий разворот. В 1937 году, в разгар репрессий, с небывалым размахом был отмечен столетний юбилей смерти Пушкина, что тогда воспринималось как гром среди ясного неба. И вскоре усилиями сталинской пропаганды великий русский поэт был превращен в «советского святого».

Вместе с ним в школьную программу и умы советских людей вернулась классическая русская литература и великая русская история. Эти изменения хорошо заметны по кинематографу. На смену «Броненосцу «Потемки-

ну»» и «Чапаеву» пришли: «Петр 1», «Александр Невский» и «Минин и Пожарский», которые снимались под личным контролем Сталина.

Революционная интеллигенция всегда относилась к Пушкину довольно прохладно, а Маяковский с футуристами и вовсе отправили его вместе с русской классикой на «свалку истории». Нельзя сказать, что имя Пушкина совсем было предано забвению. Еще в 1930 году на базе «Пушкинского дома» был создан институт русской литературы. Но тогда интерес к Пушкину и русской классике носил чисто академический характер. Теперь же по команде сверху «свободомыслящая» интеллигенция в кратчайшие сроки на высоком идейно-художественном уровне превратила Пушкина в наше «все».

Но в данном случае можно говорить не об интеллигенции, а об отдельных интеллигентах. В тот период интеллигенция, как социальная группа, перестала существовать. Для функционирования социальной группы необходимо взаимодействие входящих в нее индивидов. Но после ужасов 37-38 годов каждый из оставшихся в живых интеллигентов забился в свою норку и ни о каком взаимодействии не помышлял. Только отдельные герои-самоубийцы, вроде Мандельштама, поднимали голову «над бруствером», тут же получая пулю в лоб.

Наибольшее число «норок» концентрировалось в академических институтах, которые на некоторое время стали своеобразным карантинном, в котором отдельные интеллигенты переживали «худшие времена». Крупнейшим прибежищем русской интеллигенции стал «Пушкинский дом» и в особенности, отдел древнерусской литературы, руководимый академиком Александром Орловым, в котором трудился Дмитрий Лихачев. Еще одним «островком интеллигентности» по выражению профессора Соколова стала Всесоюзная библиотека иностранной литературы». Были такие «островки» и в других крупных библиотеках.

Разрастание ГУЛАГа затронуло и интеллектуалов-технарей, верой и правдой служивших стране Советов. Служба их стала столь обширна, неотложна и затратна, что оказалась государству не по карману. Но война была уже не за горами, и выход был найден нетривиальный. Почти все наиболее известные ученые, конструкторы и инженеры, работавшие в военной промышленности, в результате умелых «следственных действий» были изобличены как враги народа и посажены в элитные тюрьмы ГУЛАГа, именуемые ОТБ (особое техническое бюро), а в просторечии – «шараги».

В них эти специалисты выполняли те же проекты, что и на воле, но только не за большую зарплату, а за право не попасть в колымские лагеря. Среди наиболее известных обитателей «шараг» можно отметить выдающихся авиаконструкторов: Туполева, Владимира Мясищева, Владимира Петлякова, Николая Поликарпова; основоположника советской космонавтики Сергея

Королева; выдающегося конструктора ракетных двигателей Валентина Глушко; выдающегося математика, академика Николая Кошлякова; выдающегося конструктора авиационных двигателей, академика Бориса Стечкина; Тимофеева-Ресовского; Александры Солженицына, а также уже знакомых нам «старых вредителей» Рамзина и Чинокала.

Одной из жертв культа личности Сталина стал сам Иосиф Виссарионович. Ни один человек не способен длительное время выдерживать эти бесконечные потоки славославия и при этом не утратить чувства реальности. И к концу 30-х годов здравый смысл и политическое чутье изменили вождю. Действительно гигантские успехи в социалистическом и военном строительстве, сопровождавшиеся колоссальными жертвами, сменились грубыми просчетами.

Волонтаризм «корифея всех наук» впервые проявился в разгроме генетики и ее сторонников во главе с академиком Николаем Вавиловым. В противовес этим «буржуазным прихвостням» был выдвинут безграмотный, но

социально близкий «академик» Тимофей Лысенко. Его деятельность нанесла серьезный урон сельскому хозяйству. Та же участь после войны постигла и кибернетику.

Но гораздо более серьезные последствия «непогрешимость» Сталина имела в вопросах военного строительства, проявившись в перекосах пропорций бомбардировочной и истребительной авиации, в совершенно безумном расходовании ресурсов на производство огромного числа устаревших и малоэффективных легких танков. Если судить по сухим цифрам, то СССР перед войной имел просто подавляющее превосходство над Германией по танкам и самолетам. Но, во-первых, большинство самолетов были устаревших моделей, а во-вторых, качество подготовки огромного летного состава не выдерживало никакой критики. Еще хуже было положение с бронетехникой. Большая часть старых танков выработала свой ресурс и была разукomплектована. К тому же эта армада была размазана по многочисленным воинским частям. Стратегия по созданию крупных танковых соединений отсутствовала, как отсутствовало и умение высшего командного состава эффективно такие соединения использовать.

Серьезные последствия имел и разгром высшего и даже среднего военного руководства, случившийся перед самой войной в связи с заговором Тухачевского, который усугубил и так довольно плачевное состояние с образованием командного состава Красной армии. К тому же он совпал с резким ростом численности Красной армии и, соответственно, численности командных должностей. В результате многие командиры нижнего и среднего звена не имели даже таких простейших навыков, как умение читать карту и двигаться по компасу, не говоря уж о способности управлять крупными современными соединениями.

Колоссальный ущерб обороноспособности страны нанесла уверенность Сталина в его прозорливости в отношении определения срока начала войны. Это привело к тому, что основные соединения были размещены в новых западных округах на необорудованных театрах военных действий. К тому же

перед самой войной началось их масштабное переформирование при отсутствии новых мобилизационных планов, создание которых завершить не успели. Старые укрепрайоны были уничтожены, а укрепрайоны вдоль новой границы только начали строить. Положение усугублялось отсутствием какой-либо стратегии ведения оборонительной войны, так как это противоречило сталинской установке на победоносный наступательный удар «малой кровью на чужой территории».

Все это привело к колоссальной катастрофе лета 1941 года. Но нужно отдать должное «великому вождю». Отрезвление, а также проявленная им сила воли, позволили Сталину, в конечном счете, исправить собственные роковые ошибки. Правда за их исправление советскому народу пришлось заплатить 27-ю млн. жизней, но чем больше проходит времени, тем больше мы убеждаемся в верности утверждения, что победителей не судят.

Из лагерей на высшие командные должности были возвращены многие талантливые полководцы, такие как маршал Рокоссовский; маршал авиации Ворожейкин; генерал армии Горбатов; генерал-полковники Цветаев и Юшкевич; генерал-лейтенанты Елисеев, Букштынович и Чанышев.

Назначенные после чисток 37-ого года грамотные и энергичные молодые наркомы, такие как Алексей Косыгин, Николай Байбаков, Дмитрий Устинов и другие, в тяжелейших условиях сумели обеспечить переброску за Урал заводов тяжелой промышленности и многократно увеличить выпуск оборонной продукции.

Катастрофа 1941 года наглядно показала, что для удержания фронтов одной коммунистической идеологии оказалось мало. Гигантская цифра сдавшихся в плен (2.3 млн. за первые месяцы) объяснялась не только неподготовленностью войск. Несмотря на большое число коммунистов и комсомольцев, героически умиравших с именем Сталина на устах, основная масса мобилизованных крестьян за колхозную коммунистическую утопию погибать не хотела. Не случайно, на 1 млн. партизан на оккупированных территориях приходилось примерно столько же полицаяв. А из общего числа в 5

млн. военнопленных, 1 млн. вступил в РОА¹ генерала Власова.

С самого начала на всей русской равнине развернулась не только горячая, но и идеологическая война. Фашисты в надежде обеспечить лояльность населения, также как когда-то монголы, сделали ставку на православную церковь. На всех оккупированных территориях повсеместно открывались церковные приходы, возобновлялась церковная жизнь.

Понимая все это, Сталин также обратился за помощью к гонимой им церкви. Тем более что митрополит Сергей в первый же день выпустил воззвание к верующим: «С Божией помощью ...развеять в прах фашистскую вражескую силу...» и благословил на «...предстоящий всенародный подвиг». Практически уже уничтоженная к тому времени русская православная церковь, в отличие от интеллигенции, обозначила четкую позицию: когда Отечество в опасности – проблемы взаимоотношения с богоборческой властью должны отойти на второй план.

В ответ вождь осадил своих наиболее злобных псов, таких как руководитель «Союза воинственных безбожников» Миней Губельман. Притеснения церкви были прекращены. Позднее было дано разрешение на возрождение патриаршества, начали восстанавливаться приходы и монастыри. Все это, наряду с учреждением орденов Суворова, Нахимова, Ушакова, Кутузова, Александра Невского, гвардейского звания, возвращением погон и «контрреволюционного» слова офицеры, вернуло людям, уже почти превращенным в манкуртов, забытое понятие Отечества, за которое жизнь отдать – дело святое! А многочисленные зверства, творимые фашистами на оккупированных территориях, лишили даже самых доверчивых всяких иллюзий, что позволило уже окончательно переломить ситуацию. Тогда вся страна, ценой колоссальных жертв и невероятного напряжения, сумела отразить нашествие объединенной Гитлером Европы и спасти русскую цивилизацию.

А что же интеллигенция? «Непримиримые», такие, например, как духовные наставники Лихачева Андриевский и Аскольдов-Алексеев, оказав-

¹ РОА – Русская освободительная армия

шись в Новгороде на оккупированной территории, пошли на сотрудничество с фашистами. При отступлении немцев в 1944 году, за заслуги перед Рейхом их вывезли в Потсдам, в «Русскую деревню», где собирались такие же коллаборанты. Аскольдов умер при аресте НКВД, а Андриевский, как более молодой и шустрый, сумел сбежать в западную зону оккупации и еще долго подвизался в США. Дмитрий Сергеевич в своих воспоминаниях о замечательных педагогах отмечал, что Аскольдов был захвачен немцами и увезен в Германию, а Андриевский в США выпускал замечательные работы по истории церкви. На самом деле оба сотрудничали в пропагандистских немецких изданиях, а Андриевский в своих «замечательных» работах пропагандировал «катакомбную церковь», ту самую церковь, в числе праздников которой и сегодня присутствует 22 июня – день начала крестового похода против большевизма, а также дни поминовения: святого праведника Адольфа Гитлера; святых новомучеников Константина Воскобойника¹ и Бронислава Каминского².

«Молчаливые» же и во время войны продолжали оставаться во внутренней эмиграции. Меня поразило, что в «Воспоминаниях» Лихачева период Великой Отечественной войны вообще отсутствует. Есть только подробное описание пережитых им ужасов блокады. И хотя немцы упоминаются в этом рассказе несколько раз, но при чтении все равно почему-то возникает ощущение, что блокаду организовали не немецкие войска, а заградотряды НКВД.

Память академика воспроизвела многие мелкие подробности, например, цену, за которую при подготовке к эвакуации была продана каждая из милых его сердцу вещей. Но она не сохранила воспоминания о том, без чего невозможно, немислимо представить воспоминания человека, пережившего годы войны – воспоминания о дне великой Победы! И в воспоминаниях о послевоенных годах он ни разу не употребляет слово фронтовик. Единственные

¹ Воскобойник – организовал на территории Брянщины лояльную немцам Локотскую республику.

² Каминский – инженер-технолог, «вредитель», агент НКВД, бригаденфюрер СС, руководитель Локотской республики после смерти Воскобойника, создатель русской дивизии СС РОНА, основными задачами которой было уничтожение партизан, жидов и коммунистов. После отступления немцев РОНА участвовала в подавлении Варшавского и Словацкого восстаний.

фронтовики для него – это расквартированные в Пушкинском доме моряки с подводной лодки, которые загадили и разворовали многие экспонаты. При описании освобожденного Новгорода чувствуется боль автора за бесценный памятник архитектуры, поврежденный советским снарядом, и только вскользь и как-то отстраненно упоминается о погибших советских солдатах. Тех десятках тысяч простых людей, сложивших голову при освобождении этого бесценного памятника. И даже по поводу написания в блокадном Ленинграде брошюры «Оборона древнерусских городов», которая должна была на примере славных предков вдохновлять солдат на борьбу с фашистами, Лихачев не сделал бравурного заявления типа «мне как белобилетнику тоже хотелось внести свой посильный вклад в общую Победу и бла, бла, бла». Нет, он просто сообщил: «Предложили войти в бригаду... жирная тетка в Исполкоме сформулировала задачу... я согласился».

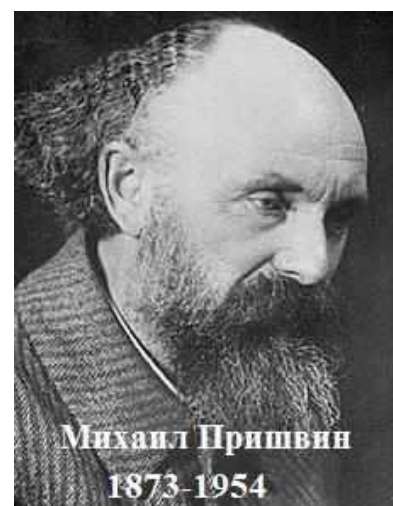
И я вдруг понял, почему. Для Дмитрия Сергеевича это не была Отечественная война! Потому что для истинного интеллигента страна, в которой ему не посчастливилось жить, никогда не была его Отечеством!

Но может быть он один такой. Ведь некоторые интеллигенты, хотя и не воевали, но выступали на передовой, служили военными корреспондентами и бодро распевали:

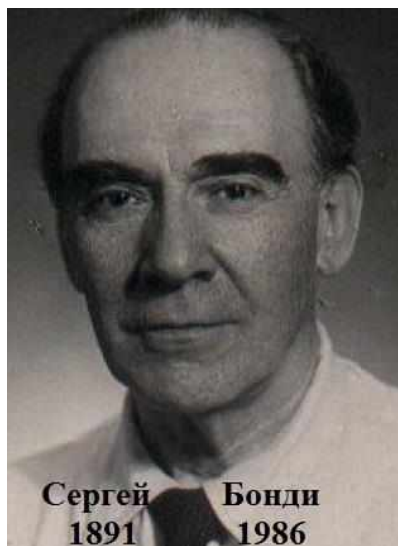
«На пикапе драном, со стареньким наганом
Сходу занимали города».

Но вот некоторые высказывания «истинной» интеллигенции, собранные в спецсообщении Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов» от 24.07.1943 г. Вот патриотичное мнение писателя Михаила Пришвина:

«Народ... угнетен войной и порядками, ждет конца войны любой ценой. Задача каждого человека сейчас – сохранить всеми средствами свою личную жизнь...». А вот бодрое утверждение журналиста Арнольда Колба-

новского: «Заявление Совинформбюро ко второй годовщине войны о невозможности разбить врага без второго фронта это официальное признание нашей слабости, полной неизбежности нашего поражения. Поэтому незачем работать, напрягать свои силы, голодать, терпеть лишения... мы слабы и на победу нет надежды». Мучительные размышления терзают Шкловского: «...больше всего мучает та же мысль: победа ничего не даст хорошего, она не внесет никаких изменений в строй, она не даст возможности писать по-своему и печатать написанное. А без победы – конец, мы погибли. Значит, выхода нет!». А вот человеколюбивое изречение журналиста Павла Краснова: «Я готов терпеть войну еще хоть три года, пусть погибнут еще миллионы людей, лишь бы в результате был сломлен деспотический, каторжный порядок в нашей стране...я, надеются только на союзников, на их победу и над Германией, и над СССР...». Писатель Петр Кузько еще более решителен: «Мы должны быть тем новым, что сменит собой сегодняшнюю бюрократическую советскую рухлядь». Чуковский пророчит: «Скоро нужно ждать еще каких-нибудь решений в угоду нашим хозяевам (союзникам), наша судьба в их руках. Я рад, что начинается новая разумная эпоха. Они нас научат культуре...». Ему вторит Федин: «Продав себя и весь свой народ американцам со всеми нашими потрохами, мы только тогда сможем выйти из этого ужаса разрушения... Им мы должны поклониться и будем ходить по проволоке, как дрессированные собаки...». А профессор-пушкинист Сергей Бонди обнару-

Сергей Бонди
1891 1986

живает творческий потенциал фашистского нашествия: «Для большевиков наступил серьезный кризис... И уже не выйти им из него с поднятой головой, а придется ползать на четвереньках, и то лишь очень короткое время... Вот вам то первое, творческое, что дали немцы».

И это говорилось в тот момент, когда простой народ и его армия, напрягая последние силы, сошлись с фашистами в решающей битве на Кур-

ской дуге, предопределявшей дальнейший ход мировой истории. Конечно, нужно признать, что надеялись интеллигенты все же не на нацистов, а на американцев (ждать помощи от столь любезной им Европы было бессмысленно, ибо она была тогда в глубокой заднице). Они надеялись, что после того, как Гитлер разгромит сталинский режим, храбрые и демократичные янки, в свою очередь, разгромят фашистов и принесут долгожданную свободу.

Интеллигенты тогда впервые позволили себе выглянуть из норок, неверно оценив решение Сталина распустить Коминтерн как признание краха своего режима, когда страх перед издыхающим тираном несколько отпустил.

Конечно, как я уже писал, борьба с большевистской антисистемой – дело святое. Но только не в тот момент, когда под угрозой само существование народа и государства. Но как мы видим, для интеллигенции судьбы миллионов простых людей значения не имели. Лишь бы рухнул ненавистный сталинский режим. А немцы культурная нация, они умеют ценить образованных людей. Так что логическая цепочка: поражение – венские сосиски – баварское пиво родилась в интеллигентных головах задолго до появления телеканала «Дождь».

И вообще только интеллигенция имеет право на существование. Это следует из письма Лихачева «Человек должен быть интеллигентен», в котором академик решительно на этом настаивает. Следовательно, если человек все же не интеллигент, то он вообще не человек и на земле ему не место.

Как мы видим, к середине 20 века отношение интеллигенции к простому народу претерпело значительные изменения. Если вначале было преклонение и восхищение русским мужиком, носителем «социалистической потенции», то после неудачной попытки эту потенцию обнаружить и разбудить, восхищение сменилось раздражением. Затем возникло ощущение возможности самостоятельно осчастливить бестолкового, но все еще дорогого материнскому сердцу интеллигенции, мужика. Когда процесс осчастливливания закончился приходом большевистской диктатуры, материнская любовь начала стремительно угасать. А когда окончательно стало ясно, что это «быдло»,

несмотря на все издевательства над ним большевиков, не способно к какому-либо сопротивлению, любовь окончательно переросла в ненависть. Поэтому истинных интеллигентов, окончательно ушедших во внутреннюю эмиграцию, судьбы страны и ее народа и перестали волновать.

Теперь становится понятным, почему Лихачев не упоминает о дне Победы. Потому что для них это не победа, а Поражение! По планам мировой закулисы Советский Союз должен был погибнуть вместе с нацистской Германией. Но неожиданно для всех, включая и интеллигенцию, он не только выжил, но и распространил свое влияние на значительную часть Европы. В кратчайшие сроки, опять ценой нечеловеческого напряжения простого народа, были восстановлены гигантские разрушения, а милые сердцу интеллигенции американцы лишены монополии на ядерное оружие.

Для все еще разрозненных остатков интеллигенции опять наступили тяжелые времена. Дело о «безродных космополитах» и «дело врачей» нанесли серьезный удар по еврейской составляющей русской интеллигенции. После окончания войны надобность в героической истории отпала, и началось новое закручивание идеологических гаек. Не все интеллигенты сумели почувствовать новый тренд, что привело к публичной порке режиссеров «Адмирала Нахимова» Пудовкина и «Ивана Грозного» – Эйзенштейна. От борьбы с безыдейностью пострадали Зощенко и Ахматова. Остальные же опять замерли в ожидании.

Глава 7. Малый народ

«Мужайтесь!
Заграница нам поможет»

Остап Бендер

Итак, планы глобалистов по результатам 2-ой мировой войны осуществились не до конца. Растерзанная и запуганная Западная Европа и оккупированная Япония безропотно приняли план Маршалла, единые либеральные ценности и Бреттон-Вудскую систему, определившую мировую гегемонию американского доллара. Однако Советская Россия, которая по плану должна была погибнуть в этой мировой бойне вместе с нацистской Германией, не только выжила, но и подчинила себе всю Восточную Европу. А позднее, после крушения Британской Империи, включила в свою орбиту значительную часть освободившихся от колониального ига стран третьего мира, которые по планам глобалистов должны были стать их послушными сателлитами. Поэтому сразу после окончания войны фултонской речью Черчилля вчерашние «союзники» объявили крестовый поход против коммунизма, начав «холодную войну» на уничтожение.

Вместе с надеждами глобалистов рухнули и мечты наших добрых интеллигентов, так жаждавших разгрома немцами коммунистического режима и прихода американских освободителей. Но после начала «холодной войны», находившиеся в глубоком «подполье» истинные интеллигенты вновь воспряли духом, хотя и приготовились к тому, что процесс ликвидации коммунистического режима будет достаточно затяжным.

Трудно сказать, смогла бы мировая закулиса в обозримом будущем добиться успехов в «благородном» деле уничтожения СССР, но после смерти Сталина, ставший новым вождем Никита Хрущев, сам того не желая, нанес коммунистической антисистеме два смертельных удара, после которых ее гибель стала только вопросом времени. Первым ударом стало разоблачение в 1956 году культа личности Сталина и преступлений его режима. Вторым –

принятие в 1960 году 20-ти летнего плана построения коммунизма. Этими действиями Хрущев невольно разоблачил ложь, на которой держался коммунистический режим.

Первый удар уничтожил миф о великом вожде и великой партии большевиков. Жалкая попытка противопоставить злодею Сталину великого гуманиста Ленина, имевшая некоторый успех в 60-х годах, в конечном счете, результатов не дала. И это несмотря на колоссальные пропагандистские усилия, в которых был задействована вся интеллектуальная элита. Разоблачение ужасов культа также нанесло непоправимый удар и по тогда еще сильному коммунистическому движению Западной Европы. После этого коммунистические партии в этих странах практически сошли на нет, лишив Советский Союз мощной поддержки в самом высокоразвитом регионе мира.

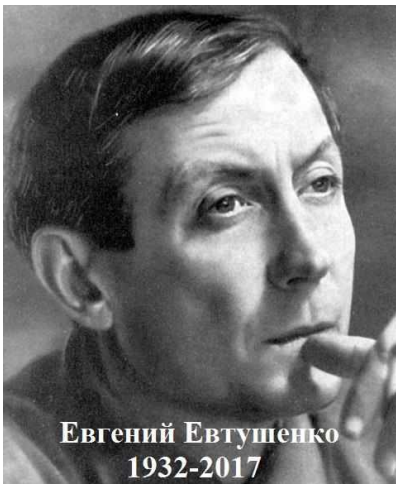
А второй удар к концу 70-х годов окончательно развеял миф о возможности построения коммунизма. После 1980 года в его возможность верили только октябрята и пионеры, да еще некоторые самые наивные комсомольцы.

После разоблачения культа начался так называемый период «оттепели». Для интеллигенции он был отмечен, прежде всего, некоторой либерализацией общественной жизни и ослаблением цензуры. И самое главное, она сопровождалась массовой реабилитацией жертв сталинских репрессий, хотя «раскулаченных» реабилитация не коснулась. Интеллигенты опять вылезли из своих норок погреться на политическом солнышке. На пике «оттепели» вышел в свет «Один день Ивана Денисовича», автор которого тут же был с энтузиазмом принят в эту беспокойную социальную группу.

Интеллектуальная элита разделилась на три части. На безыдейных карьеристов, не верящих уже ни во что и заботящихся только о собственном благе. Постепенно, они начали играть все большую роль и в партийной номенклатуре. Сторонников социализма с «человеческим лицом», стоящих на национально-патриотических позициях и поддерживающих миф о великом «гуманисте» Ленине, светлые идеи которого извратил злодей Сталин. И собственно настоящих интеллигентов-западников, которые стали основой для

диссидентского, а затем и антисоветского движения. Причем состав этих частей был крайне неустойчив и в них наблюдались постоянные перемещения.

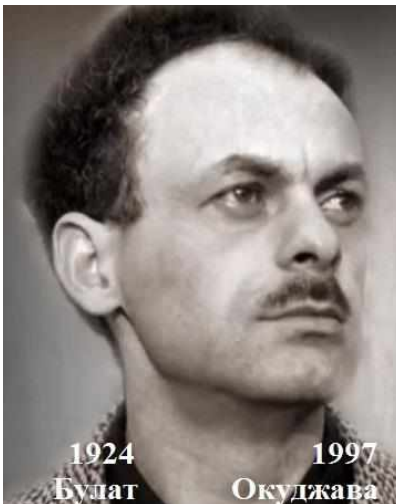
В начальный период оттепели доминировали национал-большевики (словосочетание довольно дикое, так как настоящие большевики, истребленные Сталиным, были, прежде всего, интернационалистами), которых принято называть «шестидесятниками». Особенно ярко это течение проявило себя среди «лириков», дав целую плеяду замечательных поэтов и

бардов, таких как Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Юрий Визбор и другие. Среди «физиков» выделялись писатели братья Стругацкие и Даниил Гранин. К ним примыкали писатели-фронтовики Виктор Некрасов, Василь Быков, Юрий Бондарев, Борис Васильев, ранний Солженицын, объединявшиеся вокруг журнала «Новый мир» Александра Твардовского.

Но оттепель продолжалась недолго, и после воцарения Леонида Брежнева постепенно наступила «эпоха застоя». Она сопровождалась стремительным

распадом национал-большевизма. Значительная часть сторонников возрождения «светлых идей коммунизма» перешла в разряд безыдейных карьеристов. Другие, по большей части «лирики», дрейфовали в сторону формирующегося движения интеллигентно-

диссидентов. Небольшая часть, в основном писатели-деревенщики, такие как

Федор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин, Василий Шукшин, а

также «физики» Игорь Шафаревич и Леонид Бородин постепенно переходили от ленинизма к почвенничеству и патриотизму. Многие «физики», то есть интеллектуалы-технари, после заката «оттепели» даже создали устойчивую субкультуру «походников»-туристов, важнейшим атрибутом которой стала гитара и бардовская песня, а кумирами – Визбор и Владимир Высоцкий.

Автор этих строк, хотя по возрасту и не относится к шестидесятникам, и «оттепель» пришлось на пору его босоного детства, но все же коллизии шестидесятников пережил на собственном опыте. Лет до двадцати я был «верным ленинцем», свято верившим в неизбежное построение коммунизма и во всю эту муру о «самом человечном человеке», а также в возрождение его искаженных Сталиным идей. Но к середине 70-х годов даже такому наивному комсомольцу как я стало ясно, что коммунизм – это горизонт, к которому можно идти, но невозможно придти. После этого я приобрел гитару и прибил к субкультуре «походников», а потом и вовсе сделался безыдейным карьеристом и даже вступил в КПСС. К концу 80-х я уже был убежденным антикоммунистом и, стыдно признаться, вместе с интеллигенцией радостно скакал на обломках Великой Империи. Но уже в начале 90-х пришло отрезвление, а вместе с ним переход на патриотические и даже монархические позиции.

Возникшее после начала эпохи застоя диссидентское движение, поначалу было весьма разношерстным и объединялось только ненасильственными методами сопротивления существующему режиму. Здесь были и «истинные» коммунисты во главе с Роем Медведевым, боровшиеся с искажением марксистско-ленинских идей. И решительные патриоты-почвенники во главе с Шафаревичем и Бородиным, к которым примыкали писатели-деревенщики, такие как Белов и Распутин. Но преобладали все же либералы-западники, пе-

редовой отряд вышедшей из «подполья» интеллигенции.

Благодаря наличию ядерного сдерживания, у «истинной» интеллигенции появилась историческая возможность бороться с коммунистической антисистемой, не опасаясь погубить страну. Первые диссиденты в основном создавали различные правозащитные организации и писали открытые письма в «защиту». Если бы интеллигенты в борьбе с коммунистической антисистемой объединились с почвенниками на национально-патриотической основе, то возможно у этого объединения были бы шансы постепенно сломать тоталитарный режим без больших издержек для страны. Но интеллигенция, как и всегда, стояла на западнических позициях. На Запад она молилась и только на него надеялась. Поэтому представить ее союз с патриотами также невозможно, как когда-то союз западников и славянофилов.

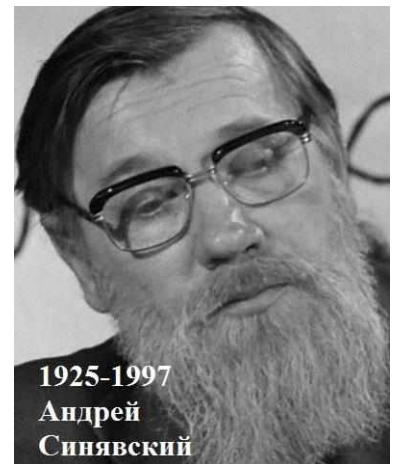
И после короткого периода оттепели, сопровождавшегося некоторым всплеском патриотизма, интеллигенция вернулась на прежние позиции – разрушения России как самостоятельной цивилизации и включение ее обломков в общеевропейскую семью. Поэтому практически все диссиденты-интеллигенты в своей борьбе с коммунистической антисистемой пошли на сотрудничество с силами, в задачи которых восстановление величия России, мягко говоря, не входило.

Диссидентское движение интеллигенции открылось в 1965 делом Андрея Синявского и Юлия

Даниэля, обвиненных в

распространении за границей порочащих строй произведений. Тогда впервые появилось открытое письмо в их защиту, среди подписантов которого мы видим вчерашних поклонников «комиссаров в пыльных шлемах» Окуджаву, Эренбурга, Паустовского, Михаила Шатрова, Вениамина Каверина, певца космонавтики Владимира Войновича и бывшего певца ста-

линских лагерей Шкловского, а также писателя-фронтовика Юрия Нагибина, поклонника американской демократии Чуковского и начинающего режиссера Андрея Тарковского.

Лидером диссидентов стал Владимир Буковский, обмененный впоследствии советским руководством на пламенного чилийского коммуниста Луиса Корвалана. Ему принадлежит вот такая «замечательная» фраза: «Я родился в самый разгар вой-

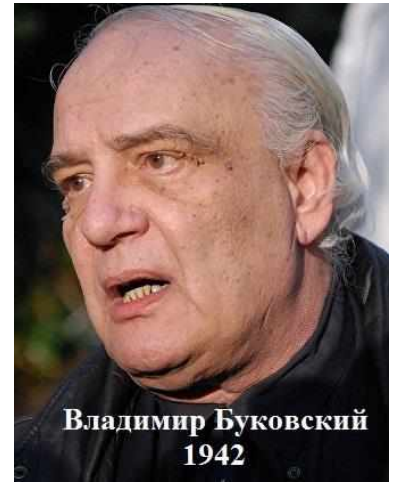
ны, когда миллионы людей убивали друг друга ради того, какие будут на свете лагеря: коричневые или красные». Основным каналом распространения идей диссидентов стал «самиздат» и «тамиздат».

Практически все интеллигенты-диссиденты, покинувшие страну, такие как Буковский, Войнович, Синявский, Александр Галич, Василий Аксенов, Людмила Алексеева, Владимир Максимов, Виктор Некрасов работали в пропагандистских структурах Запада, таких как Голос Америки, радио Свобода, Би-Би-Си и других. Буковский вместе с Максимовым организовали антикоммунистический «Интернационал со-

противления», финансируемый конгрессом США. Крупнейшим изданием «тамиздата» стал журнал Максимова «Континент».

Но и те, кто оставался в СССР, также мечтали не только о падении советского режима, но и о распаде страны. Они тогда уже хорошо понимали, что милая их сердцу Западная Европа сможет поглотить это царство мракобесия только, если

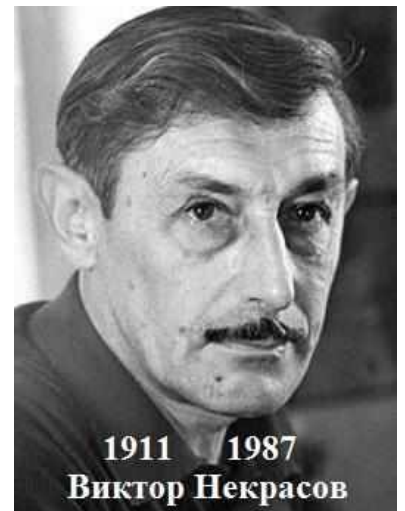
оно распадется на мелкие составляющие. И потому всячески поддерживали проявления сепаратизма национальных окраин СССР.

Несмотря на преследование властей, число диссидентов непрерывно росло. Всего между оттепелью и перестройкой по статьям, связанным с «распространением информации, порочащей советский строй», было осуждено 8145 диссидентов. Немало диссидентов прошло и через принудительное лечение в психиатрических больницах.

Среди оставшихся в СССР интеллигентов, наряду с антикоммунистическими, также преобладали русофобские настроения. Характерно высказывание Юрия Нагибина: «В этой стране я не хочу

иметь детей». А фраза наиболее яркой представительницы диссидентского движения внутри СССР Валерии Новодворской:

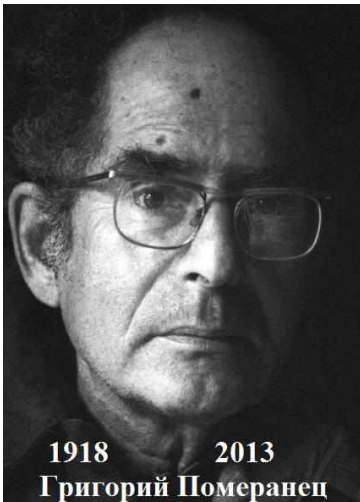

«Русская нация – раковая опухоль человечества», не оставляет сомнений в том, что западническая интеллигенция боролась не только с коммунистическим режимом. Лишившись наивных иллюзий относитель-

но того, что русский человек вдруг каким-то чудесным образом превратится в европейца, теперь они мечтали о ликвидации этого исторического недоразумения, каковым им представлялся русский народ.

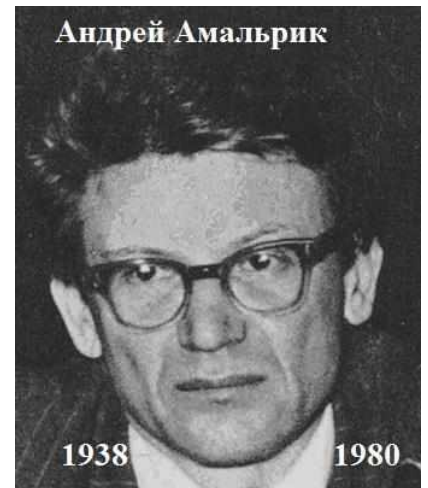
Академик Шафаревич в 1982 году в своей работе «Русофобия» одним из первых обратил внимание на эту новую тенденцию, захватившую умы западнической интеллигенции. Начало формирования

этой новой философии относится к концу 60-х годов. Первым русофобским произведением этого периода стало опубликованное в «самиздате» эссе «Квадрильон» философа-востоковеда Григорий Померанца. Главная мысль этой работы – русского народа больше нет. Он распался и атомизировался. В этом этническом хаосе Померанец обнаруживает следующие «замечательные» типы: рыла (основная масса); гады (партноменклатура); Смердяковы (партийные вожди); гомункулы (безыдейные интеллектуалы) и, наконец, мужественная кучка, которая является зерном будущего, воссоздаваемого ею народа (та самая истинная интеллигенция).

Эти идеи были развиты в опубликованных в «тамиздате» работах таких интеллигентов-эмигрантов как публицист Андрей Амальрик, философ Борис Шрагин и историк Александр Янов. Подхвачены авторами, группировавшимися вокруг максимовского журнала «Континент». И постепенно выкристаллизовались основные русофобские идеи, вокруг которых произошло новое объединение «русской» интеллигенции, начавшей было растворяться в бескрайнем море советских интеллектуалов.

Шафаревич, изучив весь этот обширный материал, сформулировал основные положения интеллигентской русофобии. Итак, какие же черты, по мнению интеллигентов, характерны для этой массы, когда-то представлявшей русский народ. Прежде всего, это «рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпение к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед властью».

Отсюда следует «любовь к жестокой власти, тоска по Хозяину». Далее отмечается «враждебность ко всему чужеродному, склонность винить в своих бедах кого угодно... только не самих себя». Но «главная опасность, нависшая сейчас над нашей страной, — возрождающиеся попытки найти какой-то собственный, самобытный путь развития — как проявление исконного русского мессианства». Эта попытка «смертельно опасна не только для народов СССР, но и для всего человечества». Единственное спасение заключается «в осознании губительного характера этих тенденций, в искоренении их и построении общества по точному образцу современных западных демократий».

Часть авторов пошла еще дальше, утверждая, что «для русских нет надежды на какое-либо осмысленное существование: истории у них вообще никогда не было, имело место лишь бытие вне истории, народ оказался мнимой величиной и ... Россия обречена на скорый распад и уничтожение».

По аналогии с современной концепцией украинского националиста Мосейчука в отношении Крыма, к началу 80-х годов в среде русской интеллигенции сложилось твердое убеждение: «Россия должна стать либо европейской, либо безлюдной!».

Конечно, наблюдая последствия выращивания нового советского человека, глядя на спивающийся пролетариат и умирающую русскую деревню, изнасилованную большевиками, совсем нетрудно разразиться хлесткими концепциями об исчезновении, атомизации и прочей дребедени. Но эти поверхностные наблюдения показывают абсолютное непонимание этнических процессов, отсутствие представлений о той колоссальной устойчивости и инстинкте самосохранения, которыми обладает любая этническая система. И даже мощнейшее воздействие на нее антисистемы, каковой являлась коммунистическая утопия, хотя и привело к многочисленным утратам, но не было способно полностью уничтожить этнос.

Не будучи знакомым с понятием социальной антисистемы, введенным несколько позже Львом Гумилевым, Шафаревич интуитивно формулирует то

же явление другими словами: «...четкая, безапелляционная, ярко сформулированная схема может захватить на время сознание народа, даже будучи совершенно чуждой его духовному складу — если его сознание не защищено, не подготовлено к столкновению с подобными схемами». Поэтому своей задачей он видит разоблачение этих схем, навязываемых народу и, прежде всего, его интеллектуальной части прозападной интеллигенцией или «малым народом» по Шафаревичу.

Правда, под «малым народом» Шафаревич понимал только еврейскую составляющую русской интеллигенции. Его рациональный ум математика не в силах предположить, что русская интеллектуальная элита может так относиться к собственному народу. На первый взгляд, перечисление наиболее известных диссидентских имен говорит в его пользу. Но все же такое утверждение слишком поверхностно, хотя среди лидеров этого движения евреи, безусловно, преобладали. Также как когда-то они составляли абсолютное большинство среди руководителей лагерей ГУЛАГА. Да и если бы Булат Окуджава все же «пал на той гражданской», то «комиссары в пыльных шлемах, склонившиеся молча над ним,» сплошь оказались бы евреями.

«Нация вечной эрекции» с конца XIX играла заметную роль во всех революционных и вообще в сколь-нибудь заметных процессах, происходивших в России и до, и при, и после большевиков. Но все же основную массу прозападнической интеллигенции составляли представители коренных народов России и, в первую очередь, русские. Да и среди перечисленных выше лидеров диссидентского движения Аксенов, Максимов, Алексеева опровергают утверждение Шафаревича, снижая ценность его работы, а самого автора подставляя под обвинение в антисемитизме. И все же, к середине 70-х годов, безусловно, именно евреи во многом определяли идеологию этой социальной группы, а в связи с ростом еврейской составляющей в этой среде и значительным числом интеллектуалов национальных окраин, с удовольствием воспринявших ее разрушительные идеи, русскую интеллигенцию точнее будет называть российской.

«Не национальное возрождение, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего» – вот квинтэссенция идеологии этой социальной группы. Говоря об утверждении Янова о том, что «проблема гражданских прав в СССР более важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации», Шафаревич задается наивным вопросом: «Если эта точка зрения верна, то что же произойдет, если мы сконцентрируем усилия на более важной проблеме, а нация погибнет?».

Но если русские – мнимая величина, не способная воспринимать передовые западные идеи, то как же тогда «избранные» смогут осуществить свою историческую миссию и, разрушив коммунистическую деспотию, приведут эту безликую массу в лоно европейской цивилизации?

Янов дает четкий ответ и на этот вопрос. Это противоречие может быть разрешено только с помощью оккупации, подобно тому, как Япония была оккупирована после войны Соединенными Штатами. Если удалось с Японией, то почему бы сим сострадательным способом не приобщить к европейской семье и Россию?

Поэтому все надежды интеллигенты теперь возлагали только на Запад. И тот действительно помогал, как мог, организуя вещание на СССР, финансируя издания диссидентов, организуя международные компании в «защиту» и т.д. Поэтому все интеллигенты, как оказавшиеся в царстве вождя, так и стлавшие под гнетом тоталитарного режима, руководствовались изречением Остапа Бендера, вынесенным в эпиграф этой главы.

На начальной стадии диссидентского движения, наряду с «лириками», в нем участвовал большой отряд «физиков». В 1966 году, среди подписавших «письмо 25-ти» против возрождения сталинизма были такие выдающиеся ученые, как академики Игорь Тамм, Петр Капица, Михаил Леонтович, Андрей Сахаров, Андрей Колмогоров. К ним присоединились известные «лирики», писатели: Чуковский, Катаев, Паустовский, Эренбург, Сергей Смирнов, Владимир Дудинцев и Виктор Некрасов; режиссеры: Олег Ефремов, Георгий

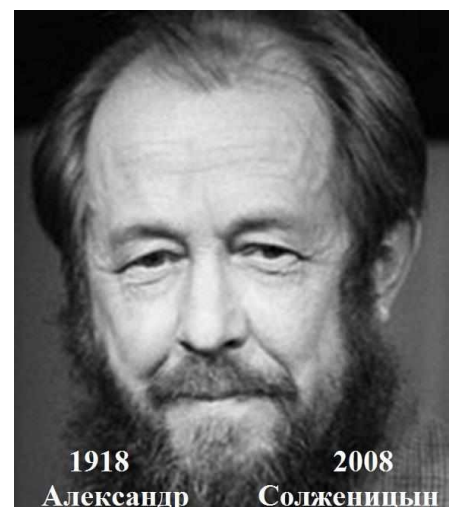
Товстоногов, Марлен Хуциев, Григорий Чухрай, Михаил Ромм; артисты: Иннокентий Смоктуновский, Игорь Ильинский и Майя Плисецкая.

Но большинству ученых, за исключением Сахарова, идеи разрушения страны были не близки, и в дальнейшем они разошлись с диссидентским движением интеллигенции. То же можно сказать и о «лириках». Из всех них только Некрасов стал настоящим интеллигентом, работавшим в эмиграции на американское правительство на радио «Свобода».

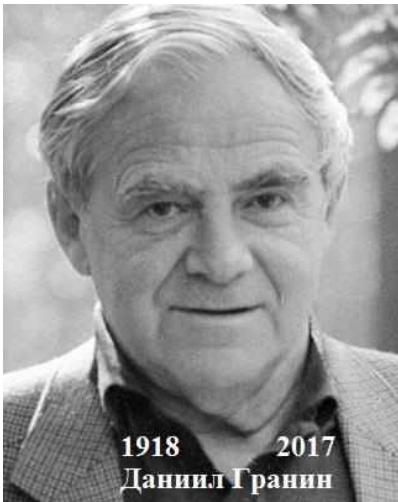
Итак, для нового объединения в единую социальную группу разобщенных в сталинскую эпоху интеллигентов, как и прежде, нужно было общее дело, классическое противостояние «мы – они» и позитивный миф, подобно мифу о Грановском в начале «славного» пути русской интеллигенции.

Общее дело выкристаллизовалось достаточно быстро. Начав с борьбы с возрождением сталинизма, российская интеллигенция вскоре переключилась на противостояние коммунистическому тоталитаризму и, наконец, пришла к идее разрушения «Империи зла» и поддерживающего ее русского народа, мешающего вхождению в лоно европейской цивилизации. По мере изменения и расширения целей борьбы происходил естественный процесс отпадения случайных попутчиков, вроде подписантов вышеприведенного письма. Идею противостояние с ними также способствовало процессу самоидентификации интеллигенции.

Но вот с мифом вышла небольшая заминка. Нужен был не просто негибаемый борец, но и человек, признанный западным общественным мнением. Выдвинутый было на роль великого мыслителя-гуманиста и борца за евроинтеграцию Солженицын надежд интеллигенции не оправдал. Обласканный Западом лауреат Нобелевской премии засел в тихом Вермонте и наотрез отказался поддержать разрушительные идеи диссидентов, постепенно дрейфуя в сторону почвенничества и такого страшного для любого истинного интеллигента понятия, как

1918 2008
Александр Солженицын

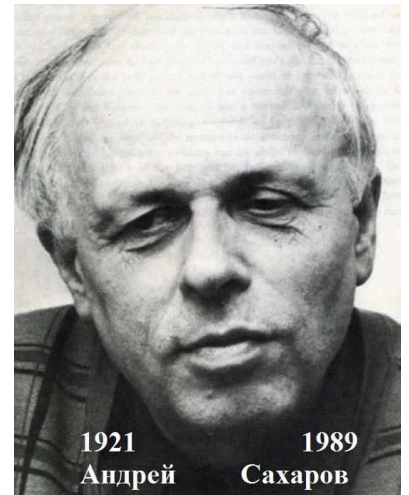

патриотизм и православие. Певец технической интеллигенции Даниил Гранин, написавший несколько ярких произведений об ученых-творцах, мужественно противостоящих бюрократии, отметившись в гонениях на Иосифа Бродского, на роль нестигаемого борца явно не тянул, а диссиденты-эмигранты никому на Западе, кроме спецслужб, были не интересны.

И тут на счастье интеллигенции в 1968 году на политическую сцену вышел академик Сахаров, и она обрела, наконец, своего мифического супергероя, «гиганта политической мысли и отца русской демократии».

Миф – это не ложь, а некоторое преувеличение одних качеств и затушевывание других. Действительно академик Сахаров был и выдающимся ученым и нестигаемым борцом, но вот по поводу всего остального имеются большие вопросы.

«Отец» советской водородной бомбы, трижды герой социалистического труда, как и всякий истинный интеллигент, по состоянию здоровья не попал на фронт. Всю войну он провел в аспирантуре ФИАН у академика Тамма. А в 1948 году был включен в группу ученых ядерного проекта.

Некоторые не без ехидства указывают на то, что и в аспирантуру он был принят по просьбе отца, что правда. И что основные идеи были «заимствованы» у американцев и некоего молодого научного сотрудника, которого забыли упомянуть при награждении. И что водородную бомбу создавал большой коллектив выдающихся физиков, и потому приписывать «отцовство» одному Сахарову несправедливо, что тоже правда. И что, начиная с 1953 года, когда прошло первое испытание водородной бомбы, звездопад наград и званий пролился на нашего борца, минуя остальных участников проекта потому, что Сахаров, как писал академик Гинсбург, был единствен-

ным русским среди многочисленных евреев, и потому поднимался партийным руководством на щит.

Но при этом все, кто близко общался с Сахаровым по работе, будучи и сами блестящими учеными, в один голос подтверждали его выдающиеся способности. Хотя и отмечали невнятную манеру изложения, вызванную оригинальностью его мышления. Эта манера была настолько оригинальна, что ее не могли понять и выдающиеся академики, поставившие ему из-за этого низкую оценку на вступительном экзамене в аспирантуру, и коллеги по работе, и студенты, которым он недолго читал лекции, и которые потребовали сменить преподавателя, по их мнению, совершенно не знавшего предмет.

В начале своей карьеры Сахаров был вполне себе пламенным борцом с американским империализмом. Ходят легенды о том, что он предложил Берия «смыть американский империализм с лица земли», якобы рассчитав проект глубинной водородной бомбы, способной создать апокалиптическое цунами у берегов США. Хотя из воспоминаний академика следует, что он всего лишь высказывал мысль о создании суперторпеды с атомным двигателем, способной скрытно доставить его любимое детище к берегам врага.

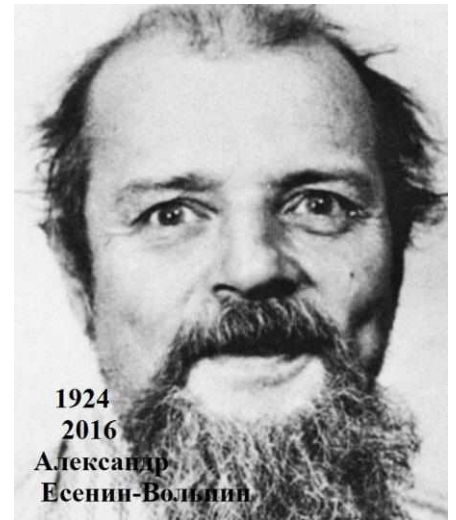
Но после трагического случая во время испытания в 1955 году второй водородной бомбы, приведшего к гибели людей, его мировоззрение резко изменилось. Пламенный борец с американским империализмом стал не менее пламенным борцом за запрещение испытаний ядерного оружия. Но это не помешало ему к 1961 году завершить разработку «кузькиной матери», самой мощной за всю историю термоядерной бомбы, которая была взорвана на Новой Земле. И одновременно, в том числе и благодаря его усилиям, в 1963 был подписан договор о запрете испытаний ядерного оружия в трех средах.

Таким образом, уже первые годы научной деятельности академика Сахарова продемонстрировали его главное качество – бескомпромиссность и негибкость. И при этом, полную общественно-политическую кашу в этой гениальной голове. Как отмечал Рой Медведев: «Он жил слишком долго в каком-то предельно изолированном мире, где мало знали о событиях в

стране, о жизни людей из других слоев общества, да и об истории страны, в которой и для которой они работали»

После успеха борьбы за запрет ядерных испытаний Сахаров, по-видимому, обнаружил в себе призвание к общественно-политической деятельности. А начавшееся вскоре движение диссидентов и «подписантов» целиком захватило его увлекающуюся натуру. Успехи в науке породили в нем непоколебимую уверенность в своем глубоком понимании и общественно-политических и социально-экономических процессов.

Собственно такие ощущения свойственны многим ученым-«технарям». Одним из примеров может служить ваш покорный слуга. Особенно много таких среди математиков. Кроме уже упоминавшегося Шафаревича можно вспомнить сына великого русского поэта Александра Есенина-Вольпина, а также академика Анатолия Фоменко, автора «Новой хронологии», вызвавшей столько насмешек в научных кругах.

Но в большинстве случаев эти «научные откровения» совершенно безвредны, так как обычно редко выходят за пределы собственной кухни. Но с Сахаровым все было иначе. Его бескомпромиссная пассионарная натура требовала решительных действий. И в 1968 году он написал брошюру «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в которой, по сути, изложил основные идеи теории конвергенции, основы которой сформулировал Питирим Сорокин еще в 1944 году и в дальнейшем развил Джон Гэлбрейт. Другим важнейшим посылом этого произведения являлась необходимость безграничной интеллектуальной свободы, жизненно важной для каждой советской доярки и механизатора.

Сейчас теория конвергенции вызывает только улыбку, но и тогда пик ее популярности на Западе уже прошел. В то время на подходе уже была теория постиндустриального общества Даниэла Белла, захватившая умы запад-

ных социологов в 70-е годы. И только для нашего академика конвергенция стала великим откровением. После скандальной публикации произошла первая встреча Сахарова со Солженицыным, на которой было зафиксировано принципиальное расхождение во взглядах потенциальных претендентов на роль сакрального вождя вновь формировавшейся «русской» интеллигенции.

Сама по себе эта наивная работа вряд ли бы повлияла на судьбу пламенного борца. Но он опубликовал ее не в каком-то там «самиздате», а прямо в «Нью-Йорк Таймс», да еще и дал несколько интервью иностранным корреспондентам, нарушив все мыслимые и немыслимые запреты для носителя сверхсекретности. И потому, естественно, был немедленно отстранен от ядерного проекта. Но и это было не так страшно. Сахаров мог бы сосредоточиться на фундаментальных исследованиях в любимом ФИАНе. Но вскоре последовало обращение в западные СМИ с осуждением ввода войск в Чехословакию. После чего лишь огромными усилиями академика Тамма его удалось оформить на самую низкую из возможных для академика должность.

Брошюра не нашла поддержки в рядах вновь формирующейся российской интеллигенции. Какая конвергенция, если задача – разрушить ненавистную Империю, «полностью разровнять, вот просто разровнять Россию». Единственным последователем изложенных в ней «великих» идей можно считать кота Леопольда с его знаменитым: «Ребята! Давайте жить дружно!».

И все же эта публикация и последовавшее преследование властей сделали его известным на Западе, создали ему репутацию борца с тоталитаризмом и сделали потенциальным лидером диссидентского движения. Но чтобы окончательно сформировать мифический образ былинного богатыря-правозащитника, нужно было по возможности избавить академика от его конвергентских глупостей и направить на истинный путь.

Возможно, мечта интеллигентов заполучить столь яркого и неординарного вождя так бы и не осуществилась, но тут в жизни Сахарова случилось два роковых события. В 1969 году умерла его первая жена, Клавдия Вихирева, а в 1970 он познакомился с Еленой Боннэр.

Не буду даже пытаться проанализировать, как ей это удалось, но Боннэр полностью подчинила академика своей воле. Доказательства этого утверждения мы приведем чуть позже, а пока констатируем, что действительно несгибаемый и решительный борец в личной жизни оказался заурядным подкаблучником.

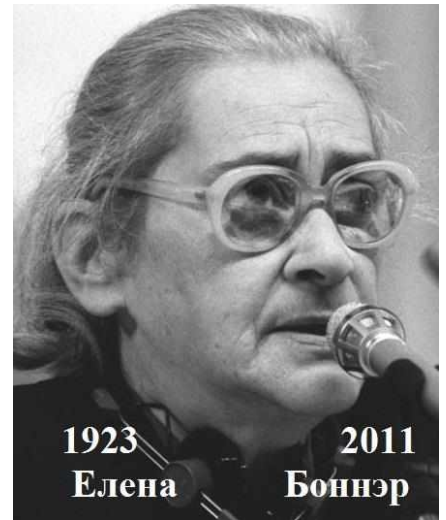
В принципе, это свойство мужского характера достаточно широко распространено и для общества, как правило, не опасно. Но дело в том, что Сахаров женился не просто на женщине, а на «правозащитнике». И это обстоятельство уже имело серьезные общественно-политические последствия и решающее значение в его дальнейшей судьбе.

Елена Георгиевна сразу сообразила, что при правильной раскрутке Сахаров может стать «брендом», от которого можно получать хорошие дивиденды. Надо полагать, что с ее легкой руки он и стал называться на Западе «отцом водородной бомбы». Действительно, фраза «Отец русской водородной бомбы выступил с обращением...» звучала очень убедительно и поднимала новостной рейтинг.

«Люся¹ подсказывала мне многое, что я иначе не понял бы и не сделал. Она большой организатор, она мой мозговой центр» - вспоминал позже академик. И почти сразу после знакомства Сахаров создал вторую в СССР правозащитную организацию: «Комитет прав человека», к которой некоторое время примыкал Шафаревич, а также Есенин-Вольпин.

Первая же правозащитная организация «Инициативная группа по защите прав человека в СССР» была создана в 1969 году. В ней начинали свою «карьеру» такие известные «правозащитники», как Сергей Ковалев, прикрывавший в 1995 году бандитов Дудаева в Чечне, и Мустафа Джемилев, в 2015 году организовавший экономическую и энергетическую блокаду Крыма.

«Люся подсказала» и теория конвергенции была отодвинута на второй

¹ -настоящее имя Боннэр – Люсик.

план. Борьба за права человека теперь целиком поглотила внимание академика. И с этого момента вся деятельность Сахарова проходила под строгим контролем его «мозгового центра». Как пишут в апологетических биографиях Сахарова, «став соратником и верным другом мужа, Елена Григорьевна сосредоточила деятельность Андрея Дмитриевича на защите прав отдельных людей». Правда авторы скромно не указали, что этими отдельными людьми в первую очередь была семья Боннэр.

Уже в 1971 году, в записке в ЦК Сахаров выступил против использования карательной психиатрии, а также за право крымских татар на возвращение, за свободу религии, за немецкую и еврейскую эмиграции. И с этого момента борьба за права евреев на эмиграцию стало основным содержанием его правозащитной деятельности. В 1973 году он направил в конгресс США письмо в поддержку необходимости принятия знаменитой поправки Джексона-Вэника¹. А в 1974 году, во время визита президента Никсона в Москву, Сахаров провел первую голодовку в защиту свободной эмиграции.

В том же году Сахаров выступил с критикой письма Солженицына «Вождям Советского союза», обозначив принципиальные расхождения с автором по вопросу о «здоровой русской линии развития», наличие которой он отрицал. Но при этом не забыл назвать Солженицына «гигантом борьбы за человеческое достоинство». И после выхода в свет в 1975 году очередной брошюры Сахарова «О стране и мире», Солженицын, в точном соответствии с известной басней Крылова, используя свой авторитет на Западе, предложил выдвинуть опального академика на соискание Нобелевской премии мира.

В брошюрке Сахаров вновь вернулся к милой его сердцу конвергенции. Правда теперь, по-видимому, под влиянием «мозгового центра» она получилась у него какая-то односторонняя. Также там содержался целый фонтан идей о разоружении, демократизации, экономических и политических реформах и об ответственности СССР за все развязанные в тот период войны, включая вьетнамскую. Ну и, естественно, центральное положение о пра-

¹ - принята в 1974 году и направлена на ограничение торговли со странами, препятствующими эмиграции.

ве на свободную эмиграцию.

Содержание этой работы еще раз наглядно продемонстрировало, что, выражаясь строго научным языком Солоневича, академик «не смыслил в экономиче, политике и социологии ни уха ни рыла». Но это не помешало Нобелевскому комитету присвоить ему в том же году Премию мира, которую вместо «невъездного» Сахарова получила его «боевая подруга».

Бликий друг Сахарова академик Евгений Фейнберг как-то сказал ему: «Знаете, Андрей Дмитриевич, некоторые известные мне люди, преклоняющиеся и перед Вами, и перед Александром Исаевичем (Солженицыным), считают, что все же ни Вы, ни он не должны давать рекомендации по конкретным вопросам политики и экономики, поскольку вы не профессионалы в этих областях». На что Сахаров без тени смущения ответил: «Конечно, я не специалист, конечно, я совершаю ошибки, но что делать, если другие не смеют сказать ни слова?».

Обе вышеназванные правозащитные организации просуществовали недолго. И после арестов или отъезда за границу основных участников, распались. Группа Ковалева почти сразу, а комитет Сахарова протянул до середины 70-х годов. Но уже в 1976 году также известный физик Юрий Орлов создал «Московскую хельсинскую группу».

В 1975 году СССР подписал известное Хельсинское соглашение, содержащее пакет по правам человека, который в Союзе, естественно, выполнять не собирались. Западническая интеллигенция сразу смекнула, что у нее, в связи с этим появляется отличный козырь. Основным направлением деятельности этой группы стало требование выполнения этого пакета, и привлечение внимания западной общественности к его невыполнению. Среди членов Хельсинской группы были и наши старые знакомые: Амальрик, Алексеева и Боннэр. В этой же группе начинал свой политический путь и такой известный «правозащитник» и «де-

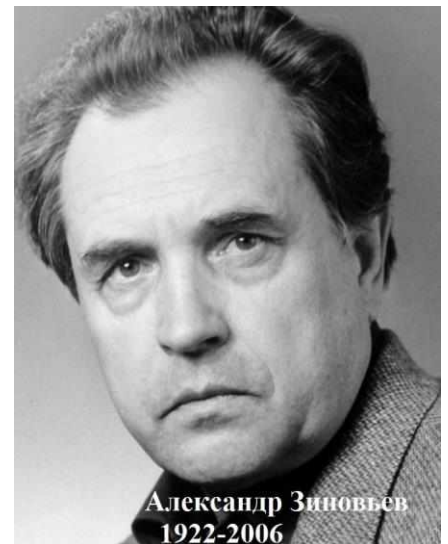
мократ», как Звиад Гамсахурдия, в будущем ставший больше известным как специалист по этническим зачисткам.

Входил в эту группу и знаменитый опальный генерал Петр Григоренко, ранее за свою правозащитную деятельность подвергавшийся длительному принудительному содержанию в психиатрических больницах. Он стал одним из немногих эмигрантов-диссидентов, который в эмиграции повел себя достойно и в попытках разрушения своей Родины участвовать отказался. На предложение занять должность профессора в военной академии

Вест-Пойнт он ответил: «Я благодарен этой стране, которая меня приютила, в которой сделали мне операцию. Но земля России полита моей кровью, наши страны в состоянии противоборства, и я не могу свой военный опыт и знания передавать армии потенциального противника». Таким образом, несмотря на свою правозащитную деятельность и борьбу с тоталитаризмом, до уровня истинного интеллигента Григоренко так и не дорос.

В том же 1976 году с публикацией на Западе сатирического произведения «Зияющие вершины» взошла звезда философа-диссидента и писателя Александра Зиновьева. В 1978 году за границей были изданы романы «В преддверии рая» и «Светлое будущее». За эти публикации в 1978 году он был лишен всех званий, должностей и наград и выслан из страны. На Западе его произведения некоторое время пользовались большой популярностью, и казалось, что у западной интеллигенции может появиться еще один признанный лидер. Но Зиновьев был ярко выраженным нонконформистом. Он одинаково презирал и коммунистов, и либеральных интеллигентов и критиковал Запад не меньше, чем Советский Союз.

В чем-то его жизненный путь, за исключением лагерного опыта, был схож с судьбой Солженицына. Оба были выходцами из крестьян и, на мой взгляд, именно это обстоятельство предопределило их сходную жизненную позицию. Оба ненавидели Сталина и его режим. Зиновьев в юности даже пытался организовать его убийство. Оба воевали, имели боевые награды. Оба не сошлись с либеральной интеллигенцией. Оба критически отнеслись к западной цивилизации. Оба отказались сотрудничать с западными спецслужбами и поддержать усилия интеллигентов-диссидентов по разрушению России.

Но и без их помощи интеллигенция продолжила свою деструктивную работу. Как мы помним, оправдание террористов является давней традицией русской интеллигенции. И когда в 1977 году группа армянских террористов организовала в Москве серию терактов, Сахаров, несмотря на многочисленные улики и экспертизы, выступил с обращением к мировой общественности: «Я не могу избавиться от ощущения, что взрыв в московском метро и трагическая гибель людей — это новая и самая опасная за последние годы провокация репрессивных органов. Именно это ощущение и связанные с ним опасения, что эта провокация может привести к изменению всего внутреннего климата страны, явились побудительной причиной для написания этой статьи». Безусловно, и здесь не обошлось без участия «мозгового центра». Будучи армянкой по отцу «Люся подсказала то, что иначе он не понял бы».

Переведя немалые деньги Сахарова на американские счета, Боннер завершила операцию по обеспечению безбедного существования своей семьи на Западе. Осталось только переправить туда своих детей. Но это уже было делом техники. Была организована компания в защиту «детей Сахарова», преследуемых за убеждения «отца», и к 1978 году и сын, и дочь Боннэр оказались в США, получив в свое распоряжение деньги «великого правозащитника».

Сам же академик, несмотря на свои многочисленные демарши, продолжал оставаться сотрудником ФИАНа, хотя времени на научную работу у него оставалось все меньше. Но после его решительного выступления против

ввода войск в Афганистан, терпение партийных вождей лопнуло. Сахаров был лишен всех званий и наград и был выслан в закрытый город Горький. Но даже при этом звание академика и должность ему были сохранены.

Как вспоминал Сергей Капица, незадолго до этих событий его отец пригласил чету Сахаровых на ужин. Когда ужин подходил к концу, Петр Капица попросил Сахарова пройти в кабинет для беседы. И тут Боннэр резко отрезала: «Андрей Дмитриевич будет говорить только в моем присутствии!». Повисла неловкая пауза, после чего старший Капица сухо сказал сыну: «Сергей, проводи гостей», но сам попрощаться не вышел.

Этот эпизод наглядно демонстрирует степень самостоятельности «великого борца с тоталитаризмом». В период горьковской ссылки Сахаров держал три смертельных голодовки, в результате которых его здоровье было серьезно подорвано. Это вам не пиар-голодовки Надежды Савченко, здесь жизнь академика буквально висела на волоске. Но ради чего он рисковал жизнью? Может быть ради спасения очередного узника совести? Или может быть ради возвращения домой солдат из Афганистана? Ничуть не бывало! Своей первой голодовкой в 1981 году академик вступил в смертельную схватку с тоталитарным режимом за право на выезд в США невесты сына Боннэр, которую тот в попытках «забыл» взять с собой.

Голодовка не произвела на власти должного впечатления и Сахаров оказался на грани смерти. Тогда академик Капица написал Брежневу письмо, в котором говорилось: «Я уже очень старый человек, и жизнь научила меня, что великодушные поступки никогда не забываются. Сберегите Сахарова. Да, у него большие недостатки и трудный характер, но он великий ученый нашей страны». Не знаю, то ли это письмо, то ли личный визит к Брежневу Президента Академии Бориса Александрова, то ли вой прогрессивной западной общественности, но невесту отпустили «за бугор» и академик был спасен.

Интеллигенция очень умилялась самоотверженному стремлению «узника совести» соединить любящие сердца. И восхищалась заботливым «от-

цом», борющимся за счастье «детей». Но вот собственного 15-ти летнего сына Дмитрия, после женитьбы на Боннэр, Сахаров оставил на попечение старшей сестры. Хотя и помогал материально, но только до его совершеннолетия, ежемесячно выплачивая достаточно значительную по тем временам сумму в 150 рублей. При этом, по настоянию супруги, отправлял деньги только почтовыми переводами, чтобы потом не было претензий. А затем предоставил им ту самую полную «интеллектуальную и материальную свободу», за которую всегда так ратовал.

Вообще, коллизия в семье Сахарова сильно напоминала сюжет знаменитой сказки про Золушку, ее доброго отца подкаблучника, злую мачеху и ее наглых и безмозглых дочерей. Только если добрая и безответная Золушка все-таки обрела свой хрустальный башмачок, то наш Золушок свою мечту о «сытой жизни в Америке», в которой он сам признался в одном из интервью, так и не осуществил. Мачеха а, следовательно, и отец высказались категорически против. Появление в США настоящего сына Сахарова было нежелательно для Боннэр, так как могло нанести ущерб брэнду «Дети Сахарова», под который проливался дождь пожертвований от различных фондов.

Сейчас уже маститый портретист, а в 1982 году начинающий художник Сергей Бочаров, вспоминая, что находясь под впечатлением от правозащитной деятельности академика, приехал в Горький, чтобы написать портрет великого мыслителя. «Мы с ним беседовали, и во время беседы, когда Сахаров шел в сторону патриотической любви к Родине, он тут же получал от Елены Боннэр по своей лысине оплеуху. И опять возвращался на демократический путь, и мы дальше продолжали разговор... Когда я увидел, что истинный герой – это Елена Боннер, я развернул холст и поверх Сахарова начал делать черной краской ее портрет. Боннер спросила: “Вы и меня пишете?”. Я говорю: “Нет, я пишу только вас, потому что писать такого “пенька” как Сахаров, который повторяет все ваши мысли – нет смысла. Я-то думал, что это его мысли, а оказалось, что ваши».

Летом 1984 года Сахаров провел вторую смертельную голодовку. Она

сопровождалась насильственной госпитализацией и мучительным кормлением, однако результатов не принесла. И ради чего академик опять поставил на карту свою жизнь? Он боролся за право своей любезной супруги на выезд за границу «для свидания с матерью, детьми и внуками и для лечения».

В апреле 1985 года началась последняя и самая тяжелая голодовка пламенного борца за счастье Боннэр, преследовавшая прежние цели. Такая формулировка целей голодовки удивила даже его преданного поклонника Фейнберга. В своих воспоминаниях он писал: «Все знали в то время: если ты провожаешь за границу даже близкого человека – это разлука навсегда. ... Поэтому такая мотивировка А. Д. многим была непонятна». Пытаясь отговорить Сахарова от этого самоубийственного шага, Фейнберг написал ему письмо, в котором говорилось: «Требование о разрешении Е. Г. лечиться за границей очень непопулярно. 270 миллионов людей лечатся в СССР, и такое требование в глазах многих очень недемократично, не вяжется с Вашим образом борца за справедливость и демократию». На что Сахаров, намекая на трагическую судьбу Михаила Фрунзе, ответил: «Требование дать Е. Г. лечиться за рубежом – не каприз, ее положение выделено из 270 млн. людей граждан СССР ненавистью к ней КГБ».

Неизвестно, чем бы все это закончилось, но на счастье Сахарова, к власти пришел Михаил Горбачев со своей «перестройкой» и «гласностью». После того как Сахаров направил Горбачеву письмо с обещанием прекратить свои общественные выступления и полностью сосредоточиться на научной работе, Боннэр было предоставлено разрешение на выезд, и голодовка была прекращена. Но здоровье Сахарова было окончательно подорвано. Поэтому эмоциональное заявление сына Сахарова: «Моего отца свела в могилу Елена Боннэр!», не так уж и беспочвенно.

Но, несмотря на всю разностороннюю помощь Запада и собственные усилия интеллигентов, их влияние на внутренние процессы было ничтожным. Нельзя же всерьез рассматривать подпольную революционную организацию, созданную среди своих однокурсников студенткой Новодворской, и

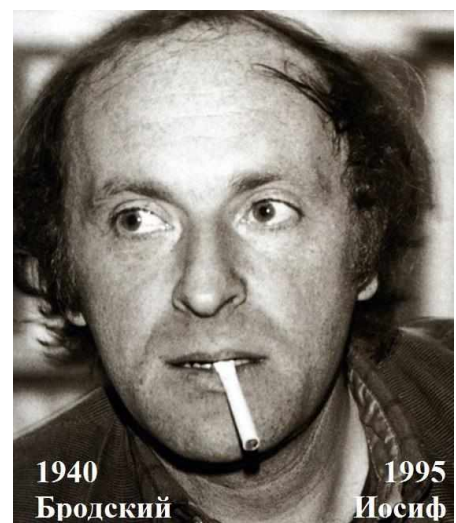
провозгласившей своей целью свержение коммунистического режима. Как отмечал Шрагин: «Помимо тонкого слоя европейски образованной и демократически настроенной интеллигенции, корни диссидентского движения натолкнулись на толщу вечной мерзлоты».

Тем не менее, в процессе этой борьбы российская интеллигенция, атомизированная было в период сталинских репрессий, вновь сумела объединиться в устойчивую социальную группу, резко выделяющуюся из интеллектуального слоя, разросшегося за десятилетия успехов советской высшей школы.

Основные признаки этой социальной группы оставались прежними. Это: негативное мироощущение, антисистемное мышление, преклонение перед Западом и ненависть к России и всему русскому. Но теперь эта ненависть поднялась на новый концептуальный уровень, отразившись в общественной жизни в виде коллективной русофобии. Но это была не бытовая русофобия, это была целая система историко-философских взглядов, обосновывавших необходимость разрушения России и ликвидации того исторического недоразумения, каковым, по их мнению, являлся русский народ.

Наиболее ярко эту ненависть выразил «великий русский» поэт, Нобелевский лауреат Иосиф Бродский, в 1972 году нарисовавший такую вот картину своей бывшей Родины:

Холуй смеется, раб хохочет,
Палач свою секиру точит,
Тиран терзает каплуна,
Сверкает зимняя луна.
То вид отечества: гравюра,
На лежанке солдат и дура.
Старуха чешет мертвый бок.
То вид отечества: лубок.
Собака лает, ветер носит.
Борис у Глеба в морду просит,
Кружатся пары на балу,
В прихожей — куча на полу....

Не отставали от поэтов и публицисты. Так Синявский, оплакивая судьбу эмигрантов новой волны, в 1973 году писал: Россия — Мать, Россия — Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное

потом на помойку, с позором — дитя!...». Но ненависть к России, выраженная в стихах Бродского, ценна для исследователя именно своей искренностью, отсутствием политической составляющей, какого-либо стремления конвертировать ее в материальные блага на Западе, столь свойственное эмигрантам-диссидентам.

Бродский был настоящим поэтом. Он не был замечен ни в каких диссидентских движениях. И за «бугром» он не работал в пропагандистских организациях, не выступал с громкими заявлениями, занимаясь только поэзией. Поразительно, но Бродский, не осиливший даже восьмилетки, сразу после высылки за рубеж был принят на должность профессора в Мичиганский университет и проработал в этой должности в различных университетах всю оставшуюся жизнь. Поэтому его истинные чувства, выраженные в стихах, могут служить объективным свидетельством той атмосферы, в которой воспитывалось молодое поколение новой российской интеллигенции.

Преклонение перед Западом наиболее ярко проявлялось именно в молодежной интеллигентской среде, особенно столичной, где в конце 60-х возникло массовое движение «чуваков»¹, для которых все остальные жители СССР являлись «совками». Провинция ответила на это презрительным «чмо»².

Слово «чувак» имело западноевропейскую этимологию, в некоторых вариантах означавшее «гопник». Построенная же на нем советскими интеллигентными гопниками гордая аббревиатура с «великой американской культурой» во главе в стране Пушкина, Толстого и Достоевского выглядела довольно смешно и лишь подчеркивала интеллектуальный уровень ее носителей.

И все же Советский Союз рухнул, прежде всего, потому что антисистема сгнила изнутри. Когда на смену идейным старцам пришли алчные и беспринципные «комсомольцы», судьба социализма была предрешена. Для

¹ - ЧУВАК – человек, уважающий великую американскую культуру.

² - ЧМО – человек Московской области.

циничных и безыдейных представителей номенклатуры новой волны права на безраздельное, но опосредованное распоряжение всеми национальными богатствами было уже мало. Они возжаждали права владения и передачи по наследству, то есть реальной частной собственности. Наиболее ярко это перерождение партноменклатуры показано в повести Юрия Полякова «ЧП районного масштаба» (1985 год).

Холодная война завершилась полным поражением СССР. Особенно в области экономики. Собственно капиталистические отношения в виде подпольного движения «цеховиков» стали возникать явочным порядком еще задолго до падения социалистической системы. К середине 80-х оно приобрело столь массовый характер, что без него экономика уже не могла функционировать. Этому способствовало и разложение органов внутренних дел, начавшееся при Щелокове и Чурбанове¹, и массовое внедрение в их ряды представителей криминального мира. Только КГБ еще продолжал стоять на страже, но после смерти Андропова и он стал терять свою монолитность.

Основная же масса населения испытывала серьезное раздражение и усталость от тотального дефицита и постоянной лжи, в которую уже никто не верил. Технологическое отставание в гражданских отраслях превратилось в пропасть. Полный развал сельского хозяйства и легкой промышленности привел к тому, что СССР теперь полностью зависел от импорта продовольствия и ширпотреба. Деньги на покрытие импорта поступали от экспорта нефти, и с каждым годом их требовалось все больше.

В этих условиях система стала крайне уязвима, и шеф ЦРУ Уильям Кейси положил на стол президенту Рональду Рейгану план по уничтожению «Империи зла» и разрушению Восточного блока, состоявший из четырех пунктов: обрушения цен на нефть, вооружения моджахедов в Афганистане, финансирования польской «Солидарности» и втягивания СССР в непосильную гонку вооружений, используя «блеф» плана СОИ². И надо признать, что

¹ Щелоков – министр внутренних дел (1968-1982), Чурбанов – его заместитель и зять Брежнева.

² СОИ – стратегическая оборонная инициатива. Планы развертывания в космосе средств перехвата баллистических ракет СССР.

планы эти осуществлялись достаточно успешно. Советский Союз нес тяжелые потери в Афганистане, гигантские оборонные расходы добивали экономику. Но самым страшным ударом стал обвал нефтяных цен, которого американцам удалось добиться, заставив Саудовскую Аравию выбросить на рынок колоссальный объем черного золота.

Лихорадочные попытки Горбачева спасти коммунистическую империю с помощью «перестройки», «гласности» и «нового мышления» уперлись в 8 долларов за баррель. Прилавки и полки магазинов опустели. В бесконечных очередях, в драках за кусок колбасы и бутылку водки «новое мышление» выработать не удалось. Новое руководство в сложившихся условиях не смогло, да и не могло найти достойный выход из столь тяжелой ситуации.

Страшная Чернобыльская авария 1986 года, в основе которой лежал человеческий фактор, и Матиас Руст, приземлившийся на Красной площади в 1987 году, лишь окончательно подчеркнули нежизнеспособность существующего порядка вещей.

Но, несмотря ни на что, каркас тоталитарной системы все еще держался. Хищная и беспринципная партноменклатура, уже приготовившаяся к долежке социалистического пирога, сама не могла решиться на слом социализма. Да и республиканские элиты, уже готовые разорвать Советскую империю, все еще испытывали страх перед всемогущим КГБ.

В высшем политическом руководстве возникло три течения. «Твердолобых» марксистов, надеявшихся как-то сохранить существующий порядок вещей, возглавил Егор Лигачев. Партийных реформаторов, жаждавших серьезных преобразований под контролем КПСС объединял Михаил Горбачев. И, наконец, тех, кто мечтал полностью разрушить коммунистическую идеологию, по иронии судьбы возглавил заведующий идеологическим отделом ЦК Александр Яковлев.

Как вспоминал позже «главный идеолог» страны: «Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами

совершенствования социализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала».

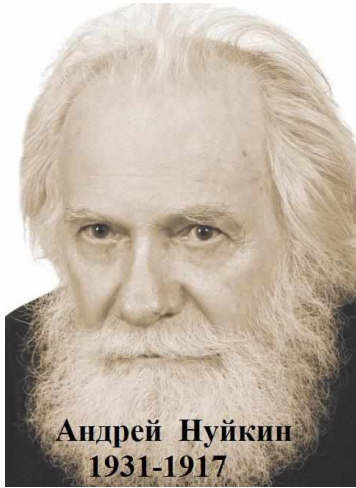
Стремление Яковлева разрушить антисистему весьма похвально. Но, к сожалению, вместе с ней он мечтал и о разрушении своей страны. Как вспоминал бывший председатель КГБ Владимир Крючков: «Я ни разу не слышал от Яковлева тёплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне... Видимо, стремление разрушать, развенчивать всё и вся брало верх... над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу. И ещё — я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе. Да и само понятие «народ» для него вообще никогда не существовало».

Таким образом можно сделать вывод, что Александр Яковлев, безусловно, являлся истинным интеллигентом. И даже такой тонкий и придирчивый знаток интеллигентности, как профессор Соколов, не отказал ему в этом праве. А уж был ли он агентом влияния, завербованным ЦРУ, масоном или просто настоящим интеллигентом, теперь не так уж и важно.

И все же, чтобы система окончательно рухнула, ее нужно было немного подтолкнуть. В качестве тарана Яковлев и компания решили использовать наиболее организованный отряд, каковым к концу 80-х годов являлась западная интеллигенция. Начиная с 1987 года, сразу же после объявления политики «гласности», властителями народных дум стали публицисты. Началось с аналитических публикаций таких известных ученых, как Николай Шмелев, Андроник Мигранян и других. Но вскоре инициативу перехватили публицисты-интеллигенты, такие как философ Юрий Карякин, писатель Андрей Нуйкин, экономист Станислав Шаталин, историк Юрий Афанасьев,

журналист Василий Селюнин, экономист Гавриил Попов, юрист Анатолий Собчак. Они всю «вскрывали» и «бичевали» недостатки, но истинный смысл их действий раскрыл тогда еще молодому будущему Премьеру Украины Николаю Азарову академик Шаталин, заявив ему на одной из встреч с

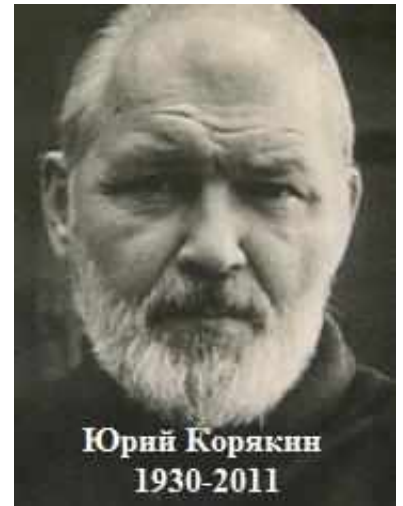

Андрей Нуйкин
1931-1917

общественностью: «Молодой человек, разве вы не видите, что говорите с “быдлом”?

Им надо говорить очень примитивные вещи, чтобы они их проглатывали и поддерживали нас, иначе мы никакой перестройки не сделаем и этот идиотский строй не ломаем...».

В 1987 году из ссылки был возвращен Сахаров, который получил полную свободу своей деятельности. После триумфального турне по США и Европе, академик почувствовал себя способным на великие дела и разродился проектом новой Конституции СССР, в котором чувствовалась рука его «мозгового центра» и который вызвал полный восторг у западной интеллигенции. Даже если оставить в стороне такие замечательные конституционные нормы, как: «счастливая, полная смысла жизнь» или «никто не должен жить в нищете», то все равно в ней содержится ряд поистине революционных положений. Самое главное – Сахаров объявляет суверенными не только республики, но и любые национальные образования, вплоть до национальных округов. При этом все они получали право выхода, полную экономическую самостоятельность и даже собственную валюту, а также собственную систему правоохранительных органов. А ненавистная всеми истинным интеллигентам Россия еще и расчленялась на четыре самостоятельных экономических района.

Юрий Корякин
1930-2011

1934 1997
Станислав Шаталин

Не забыл он вписать и любимую конвергенцию, конечной целью кото-

рой по Конституции должно было стать Мировое правительство. И при этом объявлялся приоритет международных законов над Союзными.

Нетрудно представить, чтобы осталось бы от России, если этот план реализовать. Несколько перефразируя Ивана Аксакова, можно сказать: «тысячу лет русский народ создавал свое великое государство, потом и кровью слагал его», чтобы какой-то облезлый гений несколькими росчерками пера не оставил от него камня на камне.

После объявления «гласности» демократическая публицистика в кратчайшие сроки разнесла коммунистическую идеологию в прах. А без нее антисистема повисла в воздухе, и дни ее были уже сочтены. Таким образом, можно сказать, что коммунистический режим рухнул в силу естественных причин и некоторого внешнего воздействия, лишь ускорившего его падение.

Но проблема в том, что КПСС, и здесь мы должны сказать большое спасибо Ильичу, была единственным фактором, скреплявшим СССР. Ленин, победив Сталина в полемике по национальному вопросу, сделал все возможное, чтобы коммунистическая империя могла существовать только в условиях безраздельного господства компартии. К тому же вождь мирового пролетариата при создании СССР сознательно заложил мины замедленного действия, присоединив Абхазию к Грузии, Нагорный Карабах к Азербайджану, Донецко-Криворожскую республику к Украине. И следующие вожди только усугубляли ситуацию. Сталин объединил Приднестровье с Бессарабией в Молдавскую ССР, многочисленными высылками целых народов усилил межэтническую напряженность. Хрущев тоже внес свой вклад, присоединив к Украине Крым. И когда решением Съезда народных депутатов в 1990 году была отменена монополия КПСС, эти мины рванули, вызвав цепь кровавых межэтнических конфликтов. И в том же году, в полном соответствии с положениями «сахаровской» Конституции, начался «парад суверенитетов» союзных республик, к которому присоединились и некоторые автономные (Татарстан, Карелия, Чечня, Абхазия, Аджария, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Нахичевань, Приднестровье, Крым и Гагаузия). А вслед за этим начался и

процесс выхода союзных республик из состава СССР, где пионерами, естественно, стали прибалты.

Поэтому обвинение Горбачева в развале СССР не совсем корректно. Также как и в сдаче Варшавского договора. Практически стоя на коленях и выклянчивая «политические» кредиты для поддержания все возраставшего импорта, он вряд ли мог диктовать свои условия. Но Горбачев, безусловно, мог выторговать более выгодные условия объединения Германии, используя активное противодействие этому Франции и Великобритании, а также сдачи своих восточных сателлитов и вывода советских войск. Мог хотя бы потребовать достойную компенсацию за оставляемую в Германии огромную инфраструктуру и не начинать вывод войск в никуда.

Но последний Генсек страдал «нарциссизмом». Вспоминая крылатую фразу Василия Розанова, можно сказать, что купавшийся в западных комплиментах наш Нобелевский лауреат готов был «разорвать на клоки Россию, и раздать эти клоки соседям даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы». Поэтому он даже не удосужился получить письменные подтверждения обещаний не расширять НАТО на восток.

Опьяненный обожанием, которое демонстрировала западная пресса к человеку, сдавшему за просто так Варшавский блок, Горбачев считал, что и в своей стране он пользуется огромной популярностью. Поэтому, понимая, что коммунистическую антисистему уже не спасти, он решил сохранить власть, став не партийным вождем, а легитимным руководителем государства.

Поначалу все шло по его сценарию. В феврале 1990 года на пленуме ЦК Горбачев и Яковлев продавили решение об отмене 6-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС и введении поста Президента СССР, и вскоре III съезд народных депутатов избрал Горбачева Президентом. После чего почти 16 млн. коммунистов как корова языком слизала. Это еще раз показало, что коммунистическая антисистема умерла задолго до ее ликвидации, сохраняя только тоталитарный скелет.

Казалось, что Горбачев мог торжествовать. Но после потери партией

монополии на власть предотвратить распад СССР было уже невозможно. Не помог и всесоюзный референдум, на котором 74% населения проголосовало за сохранение Союза. И вскоре наш незадачливый Президент остался у разбитого корыта. Но здесь вина Горбачева состоит в том, что он мог минимизировать негативные последствия процесса распада, но ничего для этого не сделал. В сентябре 1991 году, вопреки еще действующей Конституции, руководимый им Госсовет подписал согласие на выход Прибалтийских республик из СССР без проведения референдумов и процедур согласования условий выхода. После этого заместитель Генерального прокурора СССР Виктор Илюхин даже возбудил против Горбачева дело о государственной измене. Правда, через два дня сам был уволен из органов.

Непосредственным же виновником и ускорителем развала СССР стал Борис Ельцин. Он был, безусловно, харизматической личностью, обуреваемой жадной властью, но ограниченный и бездарный. Но именно Горбачев, сам того не желая, подвергнув Ельцина опале, сделал из обычного номенклатурщика народного заступника (у нас всегда обожали «пострадавших» и «претерпевших»). И после смерти Сахарова западническая интеллигенция сделала на него основную ставку, обеспечив его избрание Президентом РСФСР в 1991 году. И именно Ельцин в жестокой схватке с Горбачевым за власть, Беловежским соглашением окончательно добил издыхающий Союз.

Большинство диссидентов-эмигрантов в бурных событиях перестройки активного участия не принимали. Многие из них уже привыкли к сытой и спокойной жизни за границей, обросли «революционным жирком» и окутаться в гущу революционных событий особым желанием не горели. Да и из местных диссидентов только Сахаров и Новодворская, да еще менее известные: Лев Убожко, Александр Скобов и Андрей Деревянкин, продолжали играть заметную роль в перестроечный период. Зато на первый план вышли «неформалы», хотя и руководимые теми же диссидентами.

Неформальные движения начали стремительно возникать сразу же после смягчения тоталитарного режима. Очень скоро из них стали формироваться протопартии – зачатки будущих партий. В 1988 году путем скрещивания

«бульдога» с «носорогом», стараниями Новодворской была создана первая в СССР оппозиционная партия «Демократический союз», целью которой было провозглашено изменение существующего строя. В нее вошли такие разношерстные неформальные организации, как: «Демократия и гуманизм», которую, помимо Новодворской, представля-

ла Евгения Дебрянская, будущий создатель либертарианской партии и лидер ЛГБТ сообщества России; либеральные демократы Владимира Жириновского; сторонники еврокоммунизма; социал-демократы Скобова; демохристиане Деревянкина; консерваторы Убожко. Объединяла все эти разношерстные силы только идея восприятия западных ценностей. Среди известных диссидентов членом этой партии, помимо самой Новодворской, стал художник Юлий Рыбаков.

Естественно, вскоре от «Демократического союза» отпочковалось несколько партий, но среди всех этих политических start-up-ов, успешным ока-

зался только проект Жириновского, принесший его лидеру безбедное существование и славу всероссийского политического клоуна.

На I Съезде народных депутатов, состоявшемся в 1989 году, на фоне массовых забастовок шахтеров Донбасса и Кузбасса, возникла Межрегиональная депутатская группа, объединившая не номенклатурных депутатов. Ее сопредседателями стали Сахаров, Афанасьев, Попов, Ельцин, а в координационный совет вошли такие известные личности, как Собчак, Ко-

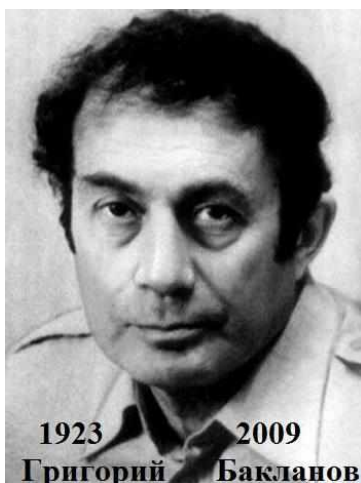
рякин, историк Сергей Станкевич, инженер Юрий Болдырев, публицист Юрий Черниченко и серый кардинал ельцинской клики Геннадий Бурбулис. Формальным лидером группы был назван Ельцин, но реальным – ее фактический организатор Гавриил Попов. Фактически эта группа стала первым политическим объединением интеллигенции.

С началом перестройки оживились и масоны – ну куда же без них! Они также решили «положить свой камень в строительство демократии в России». Хотя, в отличие от 1917 года, теперь они действовали в основном не прямо, а опосредованно, через многочисленные около масонские фонды и организации.

Не будем тратить время на обсуждение вопроса – были ли масонами сами Горбачев или Яковлев, засветившиеся на прямых контактах с Трехсторонней комиссией Рокфеллера, но уже в 1987 году не к ночи помянутый Джордж Сорос основал Фонд «Сорос – Советский союз», носивший ярко выраженный анти-

русский характер. Среди его активистов можно отметить Афанасьева, редактора журнала «Знамя» Георгия Бакланова и разрушителя русской деревни, академика Татьяну Заславскую. Через этот фонд началось финансирование газет и журналов, образовательных программ и даже учебников истории, издаваемых в СССР. Публицисты этих изданий во главе с Баклановым обеспечивали идеологическое прикрытие разрушения не только тоталитарной системы, но и Российской империи, пресекая малейшее проявление

русского национального самосознания. Даже писатели-деревенщики, такие как Белов, Распутин и Астафьев объявлялись «демократической» прессой националистами и чуть ли не фашистами.

И надо признать, их работа была весьма успешной. Эксплуатируя всеобщее недовольство населения сгнившей коммунистической антисистемой, революционной интеллигенции на некоторое время удалось навязать свои взгляды не только рядовым представителям своего социального слоя: культработникам, преподавателям, врачам, инженерам, ученым, но и практически всему интеллектуальному слою СССР.

В 1988 году по просьбе Генри Киссинджера Горбачев дал разрешение на открытие в СССР лож еврейского масонского ордена «Бней Брит». С 1989 года началась открытая вербовка граждан СССР в масонские ложи. Первой свою контактную информацию для советских граждан предоставила парижская русская ложа «Александр Пушкин». Хотя политическое масонство в лице «Великого Востока Франции», в отличие от событий первой русской революции, существенного участия в Перестройке не принимало, но все же отметились созданием в России в 1991 году своей ложи.

Зато в конце перестройки в России появились различные около масонские организации и структуры, такие как Ротари-интернейшенал, открывший в 1990 году при непосредственном участии Горбачева ряд Ротари-клубов в Москве и других городах. Также, помимо Сороса, было отмечено нашествие других многочисленных фондов, вроде фонда Карнеги.

Начиная с 1990 года Фонд Сороса финансировал стажировки за границей и участие в различных конференциях членов команды будущих реформаторов. Сама же команда начала формироваться еще в начале 80-х годов на стажировках в Международном институте прикладного системного анализа в Вене и его советском филиале – Всесоюзном НИИ системных исследований, а также на ежегодных конференциях молодых экономистов Ленинграда и Москвы, где обсуждались пути реформирования советской экономики. Ленинградскую группу возглавлял Анатолий Чубайс, а московскую – Егор Гай-

дар. На более узких, закрытых встречах в рамках этих конференций и сформировалась та самая пресловутая команда Гайдара.

Команда Гайдара на конференции в Альпбахе (Австрия, 1991 год): Александр Шохин, Петр Авен, Андрей Нечаев, Алексей Улюкаев, Анатолий Чубайс, Владимир Машиц, Сергей Глазьев

Противовесом команде Гайдара выступал Григорий Явлинский со своей программой «500 дней». Оба они были очень амбициозны, оба считали только себя носителями экономической истины и, мягко говоря, сильно недолгоблывали друг друга.

Гайдар работал в союзных структурах Горбачева, а Явлинский разрабатывал свою программу

в недрах правительства РСФСР. Казалось бы, возглавить экономические ре-

формы в России Ельцин должен был назначить Явлинского с его готовой программой. Но Григорий Алексеевич сделал ставку не на ту «лошадь». После подавления ГКЧП он продолжал поддерживать Союз и Горбачева.

Но тот уже был отработанным материалом. Выполнив задачу по уничтожению тоталитарной антисистемы, Горбачев больше был не нужен западным кураторам. Ставка в разрушении Российской империи была сделана

на новоиспеченного рыцаря Мальтийского Ордена Бориса Ельцина. Хотя и Михаил Сергеевич не был совсем забыт. В России ему и его семье были оставлены многие привилегии, а за заслуги перед «буржуинами» ему в кормление был пожалован персональный фондик.

Гайдар же после разгрома ГКЧП открыто встал на сторону Ельцина. В дни августовского путча члены его команды: Чубайс, Шохин, Авен, Улюкаев, Глазьев подписали в Вене «Альпбахскую декларацию», главной мыслью которой стала неизбежность разрушения СССР. Поэтому именно Гайдар и

его команда, по рекомендации Бурбулиса, вошли в правительство Ельцина.

Казалось бы, российская интеллигенция достигла победы. Ее представители возглавили правительство России. Мэрами крупнейших российских городов также стали интеллигенты: Москвы – Попов; Ленинграда – Собчак, Горького – Борис Немцов.

Интеллигенция торжествовала. Ненавистный тоталитарный режим пал. Его цепной пес – КГБ СССР уничтожен. Советская империя развалилась. На очереди была Россия, вопрос разрушения которой казался уже решенным. А там уже брезжили братские объятия милой сердцу каждого истинного интеллигента Западной цивилизации.

Но всеобщая эйфория сменилась суровыми буднями, когда от разрушения нужно было переходить к созиданию. Но, как и в феврале 1917 года, интеллигенция продемонстрировала свою полную неспособность к управлению страной и вообще к какой-либо практической работе. К тому же она забыла, что за Февралем всегда наступает Октябрь, за которым следует расплата за все содеянное.

Глава 8. Деградация

Патриотизм не продают в нагрузку
К беретам, сапогам или пальто.
И коль вам стыдно называться русским,
Вы, батенька, не русский. Вы – никто.

Константин Фролов-Крымский

Поначалу основная масса народа разделяла ликование интеллигенции по поводу падения ненавистного коммунистического режима. Но радость была недолгой. Вскоре миллионы русских неожиданно обнаружили, что, не выходя из дома, оказались в эмиграции, став «оккупантами», «негражданами», «ватниками» и прочими замечательными субъектами. В самой же России, после гайдаровской «шоковой терапии» для основной массы населения, включая и большую часть интеллигенции, наступили годы ужаса и нищеты.

Недаром Солженицын, в своей работе «Как нам обустроить Россию?», еще в 1990 году предупреждал: «Часы коммунизма — своё отбили. Но бетонная постройка его ещё не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами».

Как и в начале XX века, после победы «Великой буржуазной революции», изменившей общественный строй в России, интеллигенция разделилась на две неравные части. Меньшую составляли дорвавшиеся до власти и денег революционеры, возглавляемые группой Чубайса-Гайдара, а также Поповым, Собчаком и другими, подобными персонажами. Большую – либерально и прозападнически настроенные представители нижнего звена работников умственного труда (библиотечные работники, преподаватели, работники культуры, научные сотрудники и т.д.). Между ними располагалась так называемая «творческая интеллигенция», включавшая в себя часть писателей, публицистов, журналистов, режиссеров, музыкантов, артистов и т.д.).

Сейчас, в среде интеллигенции бытует мнение, что Гайдар и его команда искренне стремились к благу России, но не учли последствий некоторых своих действий. Но анализ статей, опубликованных этими авторами в

конце 80-х годов, показывает, что все они прекрасно понимали и, собственно, на это и рассчитывали. Гайдаровцы действовали вполне в духе «руссофобии», охватившей «русскую» интеллигенцию в последней трети XX века. Их целью было не только создание крайних форм «дикого» капитализма, но и условий для распада русской нации и даже его физического вымирания. В своей деятельности они руководствовались уже упоминавшейся сентенцией «великого гуманиста» Максима Горького, считая, что хорошо, если «... вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень ... и их заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей».

И надо признать, что поставленных целей они во многом добились. Шоковая терапия привела к одномоментному и всеобщему обнищанию. Особенно сильный удар был нанесен по самым незащищенным – старикам, которых подло лишили всех их накоплений и предоставили свободу умирать в полнейшей нищете. Но и молодому и среднему поколению пришлось не сладко. Закрытие всех «неэффективных» производств, разрыв плановых экономических связей без создания новых привел к массовой явной и скрытой безработице, когда предприятия и организации вроде бы работали, но зарплата не выплачивалась месяцами. Отсутствие денег у населения вызвало паралич коммунального хозяйства. Приметой времени стали горы мусора, в которых рылись пожилые голодные люди.

Все это привело к резкому росту смертности и катастрофическому падению рождаемости. За годы торжества «либеральной демократии» население России сократилось более чем на 13 млн. человек. И это при довольно существенном притоке мигрантов и соотечественников из республик бывшего СССР. Но, собственно, этого наши реформаторы и добивались.

Особенно страшный удар по стране нанесла фактическая ликвидация предприятий военно-промышленного комплекса в рамках так называемой «конверсии», развал армии, уничтожение гражданского авиастроения и других высокотехнологичных отраслей, рассовывание национальных богатств, созданных потом и кровью всего советского народа, по карманам группы ну-

воришей, «назначенных» капиталистами в результате чубайсовской приватизации. Все это уже имело признаки государственной измены, поэтому необходимо еще раз, более пристально посмотреть, откуда к нам на голову свалились эти гайдаровские интеллигенты.

Как это ни удивительно, но венский Международный институт прикладного системного анализа (МИПСА) и его советский филиал – ВНИИСИ, через которые прошли все наши будущие «прорабы перестройки», были созданы совместно СССР и США по инициативе главы КГБ Андропова еще в 1972 и 1976 годах соответственно. Официально целью создания этих структур объявлялось научное обоснование конвергенции двух систем и изучение их лучших сторон ведущими учеными разных стран. Реальной же причиной стало замедление темпов развития социалистической экономики и понимание аналитиками КГБ и, соответственно, Андроповым того, что СССР начинает проигрывать Западу в экономическом соревновании. Таким образом, была предпринята попытка использовать опыт ведущих западных экономистов и подготовить кадры, способные осторожно реформировать плановую экономику.

Но это происходило в тот момент, когда на реформах Косыгина, связанных с внедрением хозрасчета на предприятиях, Политбюро поставило крест. В то время были открыты гигантские запасы сибирской нефти, при этом цены на нее резко возросли, и на СССР пролился дождь нефтедолларов. Поэтому «кремлевские старцы» решили не заморачиваться с реформами, грозившими нарушить девственную чистоту марксизма-ленинизма, а необходимые товары и технологии закупать на нефтедоллары у Запада.

Поэтому Андропов поручил курировать этот проект наиболее засекретченной и не подконтрольной Политбюро структуре, какой являлась Центральная служба разведки СССР. Бессменным директором ВНИИСИ стал зять Косыгина, член элитарного «Римского клуба», потомственный чекист, академик Джермен Гвиашвили, а его замом - академик Шаталин.

Под руководством Шаталина, помимо самого Егора Гайдара, в разное

время во ВНИИСИ трудились будущие министры: Виктор Данилов-Данильян, Петр Авен, Владимир Лопухин, Александр Жуков и Михаил Зурабов. Кроме того, Авен и его будущий советник в Правительстве России Ильдар Каримов длительное время работали в МИПСА, где также проходили стажировку изображенные на приведенном выше снимке участники Альпбахской конференции, члены команды Гайдара и будущие министры: Шохин, Нечаев, Машиц, Чубайс, Глазьев, Улюкаев. Там же засветились будущий мэр Москвы Попов и будущий министр финансов Евгений Ясин.

Итак, зачем КГБ понадобился проект МИПСА более-менее понятно. Но беда в том, что деятельность этого учреждения протекала также и под бдительным оком ЦРУ. А оно ставило задачи подготовить для Запада высокоэффективных агентов влияния. И надо признать, что ЦРУ с этой задачей блестяще справилось. Тем более, что интересы Запада здесь совпадали с мечтами интеллигентов о разрушении коммунистической антисистемы и пасомого ею «ватного стада».

Новый директор Службы внешней разведки России Евгений Примаков, наблюдая, как его подшефные формируют правительство России, скорее всего не предполагал, что они приведут с собой своих кураторов из ЦРУ, занявших посты советников во многих министерствах. И как позже признавались некоторые сотрудники этого Кабинета, многие постановления Правительства представляли собой перевод с английского на русский. И это не страшилки из теории заговоров. Наличие кадровых офицеров ЦРУ в Правительстве России того времени публично признал и Владимир Путин и американская Фемида, осудившая этих офицеров за то, что они при работе в российском Правительстве нарушили закон, запрещающий использовать служебное положение в целях личного обогащения.

Особенно большой ущерб нанесла деятельность советника Чубайса Джонатана Хэя, совместно с другими иностранными «инвесторами» скупавшего за бесценок и перепрофилировавшего ключевые предприятия ВПК, что приводило к срыву важнейших оборонных заказов.

Анализ состава команды Гайдара показывает, что все они были учеными-аналитиками. Никто из них не имел опыта практической работы, никогда не руководил не то что министерством, но даже детским садом. Любой разумный человек скажет, что деятельность такого правительства неизбежно приведет к катастрофе. Но ужас состоял в том, что эта катастрофа, собственно, и планировалась.

«Но мы-то здесь причем?! – как и в 1917 году воскликнут либеральные интеллигенты во главе с профессором Соколовым – это все подлые интеллектуалы виноваты, а мы библиотекари, культработники, педагоги, простые ученые и другие хранители истинной интеллигентности¹ сами серьезно пострадали от этих реформ!».

Но практически все вышеназванные деятели закончили экономические факультеты МГУ или ЛГУ. А МГУ, как мы помним, является *alma mater* русской интеллигенции и ее главной кузницей. Его ступени еще помнят звук шагов Грановского и Белинского. И отказать его лучшим выпускникам, а в МИПСА и ВНИИСИ брали только лучших, в праве носить это гордое звание как-то даже кощунственно.

Безусловно, до прихода в Правительство все они были плоть от плоти пропитанной ядом русофобии российской интеллигенции. Как вспоминал в последствие Чубайс, он ненавидел свою школу с продвинутым военно-патриотическим воспитанием. По его словам, они с друзьями даже пытались ее разрушить, но «удалось только оторвать чайку, приваренную к военно-патриотическому памятнику».

Как известно – бытие определяет сознание. И оказавшись в коридорах власти у огромной денежной кормушки, наши добрые интеллигенты быстро растеряли свой интеллигентский альтруизм и превратились в заурядное во-рье. В 1992 году на волне массового психоза по поиску «золота партии» Гайдар, по указанию Ельцина, нанял знаменитое частное детективное агентство

¹ Соколов считает, что в наше время интеллигенция сохранилась только среди либеральной части этих категорий граждан.

Kroll. Параллельно расследование вела Генпрокуратура, которая действительно обнаружила на зарубежных и российских счетах около 13 млрд. долларов КПСС. Kroll также предоставил промежуточный отчет в 4-х томах, с которым ознакомился Авен. После чего контракт с этой фирмой Гайдар расторг. Сам же доклад в Генпрокуратуру передан не был и таинственно исчез. Все это породило слухи о том, что вместо золота партии американцы обнаружили секретные зарубежные счета «великих реформаторов». Да и аресту хотя бы российских счетов, обнаруженных Генпрокуратурой, ведомства Гайдара всячески препятствовали, и ни один рубль с них в казну государства так и не был возвращен.

Коррупционные скандалы с самого начала их деятельности сотрясали и администрации наших интеллигентных краснобаев, мэров Попова и Собчака, продемонстрировавших свою полную хозяйственную несостоятельность. Попов прославился проектом сдачи Нескучного сада в аренду на 50 лет за 99 долларов и запомнился бесконечными переименованиями и сносами памятников. Собчак – переименованием Ленинграда в Санкт-Петербург, пышными приемами квазимонархических персон, получением в качестве «благодарности» элитных квартир и «улицами разбитых фонарей».

Заместитель Попова историк Сергей Станкевич по утверждению бывшего Председателя Правительства СССР Николая Рыжкова присвоил роскошную квартиру бывшего советского Министра торговли Патоличева, брал взятки, после чего благополучно сбежал за границу, спасаясь от преследования Генпрокуратуры, выдавшей ордер на его арест.

И заместителей Собчака также преследовала череда коррупционных скандалов. Так в материалах нескольких дел о расхищении госсредств и коррупции фигурировало имя председателя Главного финансового управления мэрии Санкт-Петербурга Алексея Кудрина.

Материалы на коррупционеров были переданы

Главному государственному инспектору России Юрию Болдыреву, который инициировал проверку. Но после скандала с приостановкой Ельциным проверки администрации Москвы, сплошь состоявшей тогда из профессоров, докторов и прочих потомственных интеллигентов, а также выявленными грандиозными хищениями в Западной группе войск, Болдырев, пытавшийся противостоять начавшемуся разграблению страны, был уволен, и дела закончилось ничем.

Но он успел передать накопленные материалы Вице-Президенту Александру Руцкому, который вместе с Верховным Советом также пытался остановить процесс разграбления страны. Именно эти материалы стали основой тех знаменитых «12-ти чемоданов компромата», которые Руцкой, по видимому, обменял на свою свободу после проведенного Ельциным государственного переворота. Путч, сопровождавшийся расстрелом «Белого дома» из танков, был совершен осенью 1993 года. В результате Верховный Совет был разогнан, принята новая Конституция и теперь уже ничто не могло помешать разрушению страны.

Либеральная интеллигенция пребывала в некоторой растерянности. С одной стороны, наконец, началось движение на Запад, о котором она так мечтала. Их наиболее революционные представители заполнили коридоры власти различных уровней, захватили большинство СМИ, а проклятые «совки» поджали хвосты и, как им казалось, были обречены на исчезновение. Но при этом они с удивлением обнаружили, что на нищету обрекли не только «совков», но и их самих, истинных хранителей высшей интеллигентности, в силу своей скромности не сумевших дорваться до государственного корыта. Но, несмотря на то что громкое чавканье их плотоядных и более решительных революционных собратьев сильно раздражало, либеральные интеллигенты проявили чудеса альтруизма, в решающий момент поддержав ельцинскую клику.

Особенностью этого времени было то, что с момента падения коммунистического режима прошло еще слишком мало времени, его неприятие

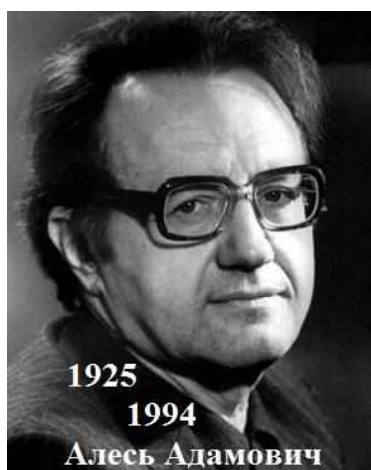
было еще слишком остро и охватывало не только западническую интеллигенцию, но и практически всю интеллектуальную элиту и значительную часть простого народа. Это хорошо видно по результатам знаменитого референдума «Да – Да – Нет – Да» о доверии Президенту и Верховному Совету, состоявшемуся в начале конфликта между ними.

Я хорошо помню это время. Шок 1992 года уже немного прошел. Масштабы разграбления страны и конечные цели приватизаторов тогда еще были известны только единицам. Было ощущение, что если немного потерпеть, то мы наконец создадим нормальную рыночную экономику. Была наивная вера, что Запад искренне стремится помочь нам преодолеть наследие коммунистического прошлого и что мы скоро вольемся в дружную высококоразвитую европейскую семью.

Благодаря массивной пропаганде, развязанной либеральной интеллигенцией в подконтрольных ей СМИ, у большинства складывалось впечатление, что Верховный Совет, в котором преобладали коммунисты, тянет страну в прошлое. Поэтому расстрел законно избранного парламента не встретил активного сопротивления у большей части населения.

Тогдашний Премьер Черномырдин высказался о депутатах с рабоче-крестьянской прямоотой: «Это же нелюди, зверье! Никаких переговоров!.. Надо перебить эту банду». Не менее «толерантно» заявление публициста-аграрника Черниченко, выступившего с призывом: «Раздавите эту гадину!».

Но гораздо интереснее реакция «истинной» интеллигенции. Дирижер Мстислав Ростропович за несколько дней до начала боестолкновений провел на Красной площади концерт, символизировавший поддержку режима. В ночь перед штурмом Белого дома актеры Кирилл Лавров и Леонид Ярмольник, писатель Аркадий Арканов выступили с поддержкой действий Ельцина, а Лия Ахеджакова обратилась к армии с просьбой «покончить с защитниками социализма». Явлинский же призывал: «Применить все силы правопорядка для подавления фашиствующих, экстремистских, бандитских формирований, собранных под эгидой Белого дома».

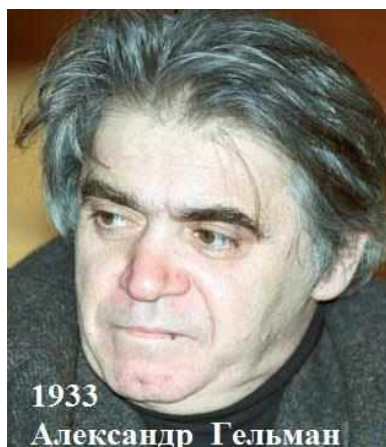

После расстрела «Белого дома» и гибели сотен людей, цвет писательской интеллигенции, «власти-тели дум» написали открытое письмо с одобрением действий Ельцина. Среди подписантов были: Адамович, Ахмадулина, Бакланов, Гранин, Карякин, Нагибин, Нуйкин, Окуджава, Рождественский, Селюнин, Черниченко, Василь Быков, Борис Васильев, Александр Гельман, Ан-

дрей Дементьев, Римма Казакова, Анатолий Приставкин, Михаил Чулаки и новый светоч тогдашней интеллигенции, академик Лихачев. Правда позднее Дементьев утверждал, что он, а также Ахмадулина и Рождественский не давали своего согласия на подписание.

В письме наши добрые интеллигенты и великие правозащитники, борцы за безграничную свободу слова и «бла, бла, бла» не только поддержали расстрел из танков легитимного парламента, но и потребовали от президента запретить «все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений», закрыть все «недемократические» газеты

и журналы, приостановить деятельность всех местных

Советов, отказавшихся подчиниться указам Ельцина, а также признать нелегитимными Съезд Советов и все образованные им органы, включая Конституционный суд, принявший постановление об отрешении Ельцина от должности.

Как справедливо заметил профессор Сергей Кара-Мурза, у свободолюбивых интеллигентов неожиданно обнаружился «тоталитаризм мышления».

Они продемонстрировали, что свобода слова, права человека, легитимность – все это только про них, а на основную, серую массу это не распространяется, она должна сидеть тихо и не высовываться. Как всегда наиболее откровенно высказалась Новодворская: «Я лично правами человека накушалась досыта. Когда-то и мы, и ЦРУ использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое и хватит врать про права человека и про правозащитников».

Даже некоторые известные диссиденты-эмигранты, такие как Зиновьев, Максимов и Синявский выступили с осуждением Ельцина и авторов «письма 42-х». А вот Буковский, Аксенов и другие эмигранты высказали им полную поддержку. Среди известных писателей и публицистов внутри России публично осудить подписантов рискнули только Бондарев, Белов и Александр

Проханов.

Призыв выдающихся представителей интеллигенции был услышан, и еще один «истинный» интеллигент, тогдашний Министр печати, доктор наук и по совместительству, известный коррупционер Виктор Шумейко издал приказ №199 о запрете всех националистических изданий, в названиях которых, как правило, присутствовало слово русский, включая наиболее известную газету «День» Проханова.

После окончательной победы ельцинский режим показал себя во всей красе. Разграбление страны вышло на новый уровень, когда все национальные богатства перешли в руки небольшой группы олигархов. Армия разрушалась и растлевалась. За границу по цене металлолома с полным вооружением и сверхсекретной документацией продавались боевые вертолеты, самолеты и корабли, включая тяжелые авианесущие крейсера «Минск» и «Новороссийск». Офицеров, пытавшихся этому препятствовать, увольняли на пенсию, а тех, кто соглашался фактически пойти на измену Родине, повышали по службе.

При этом революционная интеллигенция, как и в феврале 1917 продемонстрировала свою полную несостоятельность в управлении на всех уровнях и была быстро оттерта энергичными «товарищами в кепке» из бывшей партноменклатуры, хотя бы имевшими представление о том, как организуется управление хозяйством. В провинции же во многих местах интеллигенцию оттеснили от власти и вовсе криминальные структуры.

Лев Гумилев, еще в 90-ом, отвечая на вопрос, относит ли он себя к интеллигенции, ответил: «Боже меня сохрани!». И совершенно верно заметил: «Нынешняя интеллигенция — это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всем судят и совершенно не приемлют инакомыслия».

Уже к середине 90-х революционная часть российской интеллигенции практически перестала существовать. Такие как Шохин, Лопухин, Нечаев, Кох и многие другие стали удачливыми бизнесменами, а Авен даже олигархом, то есть даже формально теперь относились к классу капиталистов. Другие, подобно Глазьеву и Болдыреву, после расстрела парламента, наблюдая вакханалию по разрушению своей Родины, решительно порвали со своей социальной группой и вслед за Солженицыным дрейфовали в сторону национально-патриотических убеждений. Многие, подобно Жукову, Зурабову, Улюкаеву и многим другим прочно вжились в роль госчиновников, встроились в формировавшуюся вертикаль власти и от интеллигенции тоже отпали. Правда и здесь бывшие интеллигенты внесли свежую струю. Переводя в офф-шоры нажитую «непосильным» трудом «зелень», скупая за границей недвижимость и отправляя своих детей в Лондон и другие святые для сердца каждого интеллигента места, они на личном примере осуществили мечту интеллигенции о воссоединении с Западом. Лишь немногие, подобно Попову, Данилову-Данильяну и Гайдару вернулись к традиционной для интеллигенции научно-образовательной и общественно-политической деятельности.

Попов первым сообразил, что не стоит дожидаться, пока его снесут «благодарные» массы и уже в конце 1992 года добровольно уступил свое ме-

сто Лужкову, став президентом Московского международного института, созданного при участии известного масона Джорджа Буша-старшего. Наряду с созданным в Санкт-Петербурге при участии фонда Сороса Европейским университетом, а также Высшей школой экономики, этот ВУЗ стал одним из основных центров по воспроизводству западной интеллигенции.

Большой вклад Попов внес и в развитие идей академика Сахарова. В частности, развивая идею создания Мирового правительства, он предлагал поставить под его контроль все ядерное оружие, всю ядерную энергетику, космическую промышленность и все богатства недр планеты. Те страны, которые не примут глобализм, должны исключаться из мирового сообщества. Популистская демократия должна быть исключена (должен вводиться образовательный, интеллектуальный и налоговый избирательный ценз). Проще говоря – голосуют только умные и богатые. Должен быть установлен жесткий контроль за рождаемостью, каждой стране должны быть установлены предельные нормативы, зависящие от размеров национального богатства («нельзя, чтобы плодились нищие»). Должен производиться постоянный генетический контроль на стадии зародыша и постоянная очистка генофонда человечества. Как говорится – Гитлер отдыхает!

Собчак продержался во власти несколько дольше, но в 1996 году и он проиграл выборы своему заму – Александру Яковлеву. После чего, также как и Станкевич, сбежал за границу, спасаясь от уголовного преследования. Правда в 1999 году, когда его бывший студент и соратник Путин пробился к вершинам власти, все дела против Собчака и Станкевича были прекращены. А так как в правовом государстве виновным человека может признать только суд, то будем считать, что эти преследования были политически мотивированы. Ходили слухи, что часть новой демократической элиты и в первую очередь Станкевич, пытались выдвинуть кандидатуру Собчака на пост Президента в 1996 году. И хотя Собчак отказался, но Ельцин все равно обиделся, за что оба «безвинно» и пострадали.

После того, как стали ясны масштабы разграбления страны и к чему

это все ведет, в среде рядовых представителей либеральной интеллигенции начался идейный разброд. Многие из тех, кто мечтал о свержении коммунистического режима, вовсе не были пропитаны ядом русофобии и не сочувствовали разрушению страны и русского народа. Но при этом они сохраняли западнические настроения и наивно полагали, что Россия каким-то чудесным образом целиком, сохраняя свою национальную идентичность, войдет в цивилизованную семью европейских народов. А некоторые, такие как писатели Игорь Волгин, Юрий Поляков и другие даже имели наглость вообще признавать наличие великой русской культуры. Поэтому они отшатнулись от своих русофобских вождей и 90-е годы прошли под знаком раскола интеллигенции. Причем обе стороны считали подлинной интеллигенцией только себя.

В отличие от февраля 1917 года, в 90-е годы политическое масонство не играло такой большой роли в жизни России. Их роль теперь взяли на себя

профессиональные политтехнологи, вроде гендиректора НТВ Игоря Малашенко, которые впервые ярко проявили себя в 1996 году, обеспечив избрание Президентом труппа Ельцина. Наиболее известным среди них стал Глеб Павловский, еще в конце 80-х начавший сотрудничать со структурами Сороса. Но, как мы уже отмечали ранее, регулярное масонство и около масонские фонды и организации в 90-е годы рас-

цветали пышным цветом, вбирая в себя цвет русофобской интеллигенции.

Среди «белого» масонства можно отметить Ротари-клубы, клубы «Магистериум» и «Взаимодействие», орден Орла, в которые входят наиболее известные и влиятельные люди России, а также фонды Карнеги и Сороса.

Российские Ротари-клубы входят в международную сеть Rotary International, объединяющую по всему миру более 1.2 млн. членов. Они объединяют профессионалов и бизнесменов для осуществления различных гуманитарных проектов и формирования гражданского общества по лекалам глобалистов. В разное время членами клубов были Лужков, Анатолий Собчак,

Нагибин, главред «Известий» Юрий Макаров и многие бизнесмены, например, Гусинский.

Клуб «Магистериум» был создан при участии Сороса по образцу знаменитого Бильдербергского клуба, но по сравнению с последним оказался все же мелковат. Ключевые фигуры: Александр Яковлев, Шаталин, диссидент Максимов по разным причинам быстро сошли с политического небосклона, а советник Президента Клинтона по экономике Рейх все же до уровня Бжежинского не дотягивал. Хотя в состав «Магистериума» некоторое время входили влиятельные российские политики, бизнесмены и представители масонствующей интеллигенции.

Гайдар, после формального ухода из Правительства, для сохранения теневого влияния на экономические и политические процессы разрушения России, создал клуб «Взаимодействие», куда вошли предприниматели, руководители банковских, биржевых учреждений, крупные государственные чиновники, влиятельные представители интеллигенции – журналисты и ученые.

В 1995 году Сорос открыл в России Фонд «Открытое общество», в который вложил около 1 млрд. долларов. Фонд возглавила директор библиотеки

иностранной литературы Екатерина Гениева, которая, по мнению профессора Соколова, является ярчайшим представителем интеллигенции.

Среди функционеров и членов наблюдательного Совета этого фонда мож-

но отметить: правозащитницу Алексееву, актера

Басилашвили, писателя Войновича, известного адвоката Андрея Макарова, Малашенко, министра РФ Эллу Памфилову, академика Бориса Раушенбаха, Министра науки в Правительстве Ельцина Бориса Салтыкова и других известных интеллигентов.

Фонд занимался выделением грантов перспективным российским уче-

ным, многие из которых потом оказались за границей. На деньги Сороса заказывались и издавались учебники для средней школы, в том числе и по гуманитарным дисциплинам, проводились учительские конференции, формировавшие «свежий» взгляд на преподавание истории и обществоведения. Создавались новые учебники истории для школ и ВУЗов соответствующей идеологической направленности. Была создана Московская высшая школа социальных и общественных наук. Финансировались российские НКО и либеральные СМИ. В частности, одним из первых Сорос начал финансировать «Эхо Москвы». Финансировались «толстые» журналы: «Новый мир», «Знамя», «Звезда» и т.д. Закупалась литература определенной направленности для пополнения российских библиотек.

Почти 20 лет на деньги Сороса наша добрая интеллигенция занималась попытками подавления национального самосознания русского народа, пока, наконец, в 2015 году Фонд не был признан Генпрокуратурой нежелательной организацией в России. А вслед за этим было закрыто и еще одно детище Сороса – Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Помимо «белого» масонства, вносящего свой посильный вклад в дело разрушения российского государства и его духовных и экономических основ, вернувшееся в начале 90-х в Россию регулярное масонство занялось привычным делом по отрыву своих адептов от русской этнической системы.

Первым российским масоном новой волны стал философ Георгий Дергачев, который был посвящен в Париже в ложу Великого Востока Франции. В 1991 году в Москве делегация Великого Востока провела посвящение нескольких русских масонов и учредила ложу политического масонства «Северная звезда», досточтимым мастером которой стал Дергачев. В 1992 году в Париже Великой ложей Франции была основана ложа «Гармо-

ния» шотландского устава, мастером которой также стал Дергачев. Она стала первой ложей регулярного масонства, заработавшей в Москве. При этом во Франции для эмигрантов открылись русские ложи «Астрея», «Гермес», «Северное сияние» и «Пушкин». Вскоре в России открылись регулярные ложи «Новая Астрея», «Лотос» и «Гамаюн». Вместе с «Гармонией» они в 1995 году образовали Великую ложу России, великим мастером которой также стал Дергачев.

Ложь Гармония, Москва 1992 год

В 2007 году великим мастером Великой ложи России стал политтехнолог, создатель политических партий «под ключ», ученик Павловского, глава Демократической партии России, кандидат в президенты России 2008 года Андрей Богданов, остающийся главным масоном России и по сей день.

Масонские ложи, как и ранее, вновь стали родным домом для русской интеллигенции. В отличие от политического, регулярное масонство всегда подчеркивает, что не занимается политикой, по крайней мере, на низовом уровне, а только самосовершенствованием своих братьев. Но проблема в

том, что в процессе этого совершенствования адепты незаметно вырываются из своих этнических систем, стереотипы поведения членов которых не соответствуют «высоким» идеалам строителей Храма. При этом незаметно формируется презрение к «непосвященным», что хорошо согласуется с русофобскими настроениями российской интеллигенции. Да, сама организация в политику не вмешивается, но это нисколько не мешает заниматься политикой ее членам, что хорошо видно на примере Богданова.

Благодаря, в том числе и всем этим фондам, клубам и ложам, через входившую в них наиболее «продвинутую» часть интеллигенции, взявшую под контроль практически все средства массовой информации, разграбление страны сопровождалось практически полным подавлением национально-патриотических тенденций в жизни общества. Апофеозом этого процесса стала знаменитая фраза: «Патриотизм – последнее прибежище негодяев!», которую так любили тогда повторять наши видные интеллигенты.

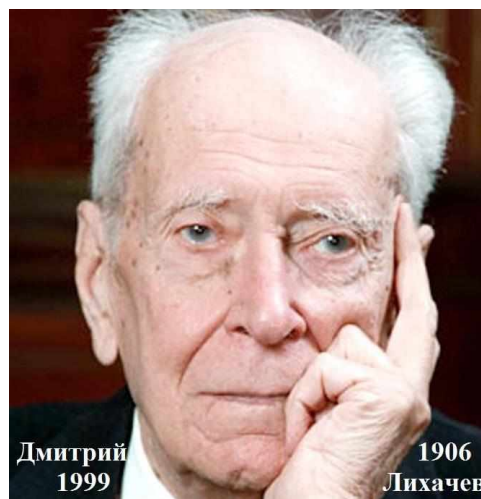
Явлинский, сильно обиженный на Ельцина за то, что тот не оценил по достоинству его гениальные экономические идеи, после разгрома Верховного Совета решил стать оппозиционером. При этом часть либеральной западной интеллигенции, которая не сумела пробиться к государственному корыту, и потому обреченная вместе с остальным народом на нищету, также сильно обиделась на ельцинскую клику. Обиженные нашли друг друга. Так в 1993 году родилась партия «Яблоко», партия обиженной, но верной западным идеалам интеллигенции. Появление этой организации еще раз опровергло утверждение Лихачева, о том, что из интеллигенции нельзя сделать партии. Одну букву в ее название внес уже упоминавшийся Болдырев. Но вскоре он понял, с кем имеет дело и окончательно порвал с этой социальной группой.

Но партия обеспечивает только политическую сплоченность социальной группы. Для духовного сплочения западной либеральной интеллигенции нужен был персонифицированный символ, каковым в 70-80-е годы был для них академик Сахаров. Но он был героем революционного периода. Теперь же,

когда либеральная интеллигенция мучительно искала свое место в новых жизненных реалиях, ей понадобился мифический символ иного склада.

Забронзовевший Солженицын, вчерашний властитель дум русской интеллигенции, триумфально вернувшийся в 1994 году в Москву на поезде через Владивосток, был с негодованием отвергнут «передовой» интеллигенцией. За свое открытое письмо «Как нам обустроить Россию?», в котором он посмел снова высказать мысли о национальном возрождении, Солженицын был подвергнут остракизму и навсегда исчез со страниц газет, журналов и телеканалов, контролируемых либералами. Но если древнеафинский остракизм просто заключался в написании на глиняных черепках имени человека, которого граждане считали нежелательным в своем городе, то на Солженицына буквально обрушились ушаты грязи. «Помрачение рассудка», «пятая колонна советской пропаганды», «проповедь о великорусском национализме» и «черносотенные инсинуации» – это только некоторые эпитеты, которые обрушились на вчерашнего кумира.

Звание же нового мифического героя и апостола интеллигентности перешло к академику Лихачеву. В это время академик совершал новый подвиг – подвиг «старчества», публикуя адресованные молодежи «Письма о

добром и прекрасном», содержащие такие глубокие сентенции, как уже упоминавшаяся «социальный долг каждого человека – быть интеллигентным!».

Телевидение – великая вещь! И вскоре миф о не сходящем с экранов академике Лихачеве – величайшем образце русского интеллигента, захватил умы интеллигенции. То, что это был именно миф, признает даже такой адепт академика, как профессор Соколов. Он приводит следующее высказывание Гранина о Лихачеве: «Он не был святым. У него, как у всякого живого человека, достаточно было черт, которые могли не нравиться. Он был достаточно деспотичен, порой капризен, кого-то не поддержал, кого-то не принял, не по-

нял. Жалуются, что имел любимцев, от некоторых вещей уклонялся, поддавался лести, бывал жесток...».

Даже если принять во внимание естественную ревность Гранина, также претендовавшего на эту великую роль, все же нужно признать, что это несколько странная характеристика для апостола интеллигентности. Но миф он на то и миф – его нельзя анализировать, в него можно только верить. Поэтому, несмотря ни на что, даже не соглашаясь с академиком в определении понятия интеллигенции, профессор Соколов продолжает считать Лихачева идеалом интеллигентности.

После окончательного разгрома «младореформаторами» во главе с Ельциным всякой оппозиции, теперь уже и сама Россия оказалась на грани разрушения. Залоговые аукционы окончательно переправили ее национальные богатства в карманы кучки олигархов. К ним же перешли практически все СМИ вместе с журналистско-публицистической интеллигенцией, которая теперь обслуживала грызню олигархических кланов за место у корыта. После того, как Ельцин, будучи еще главой Верховного Совета РСФСР, спьяну ляпнул: «Берите столько суверенитета, столько сможете проглотить», началась ползучая суверенизация, когда Президенты всех мастей росли как грибы после дождя, а местные власти соревновались в том, кто больше примет законов, противоречащих Конституции России. Ну, а Чечня вообще объявила о своей полной независимости.

Страна в целом также практически утратила суверенитет. Для предотвращения окончательного социально-экономического коллапса ельцинское правительство униженно кланчилось кредиты МВФ, которые давались под определенные политические условия. Замечательна фраза, с которой министр иностранных дел Козырев обратился к бывшему президенту США Никсону: «... если ... вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен», свидетельствовала о том, что у России в то время не было собственной внешней политики.

Но, собственно, не было и внутренней. Большевики, разрушив право-

славие, заменили десять заповедей моральным кодексом строителя коммунизма, на поддержание которого работала вся огромная пропагандистская машина СССР. При этом далеко не все стереотипы поведения русского этноса подверглись коренной ломке. Так соборность была трансформирована в коллективизм. На смену державности пришел советский патриотизм, персонафицированный в образе «отца народов» - Генерального Секретаря. Православная вера заменена религией коммунизма с его моральным кодексом.

Теперь же стереотипы менялись кардинально. Коллективизм был заменен индивидуализмом. Державный патриотизм – парадом суверенитетов. А вместо веры – нигилизм и оккультизм. Дополнительную остроту придавал чудовищный разрыв между богатыми и бедными, то есть отсутствие социальной справедливости, стремление к которой всегда было характерно для русских и активно пропагандировалось в советский период.

Здравоохранение и народное образование были практически полностью разрушены. Научный потенциал страны в значительной мере был уничтожен. Произошел массовый отток лучших «мозгов» за границу. Многочисленные тоталитарные секты безнаказанно вырывали из этнических систем сотни тысяч их членов. Планомерное растрепывание подрастающего поколения вызвало невиданный взлет детских абортотворцев и наркомании. Потеря нравственных ориентиров и смысла жизни у взрослого населения привела к колоссальному росту алкоголизма (4.6 млн. алкоголиков в 1980 году и 8 млн. в 1995) и самоубийств (58 тысяч в 1996 году). Причем ситуация усугублялась стремительным ростом процента женщин-алкоголиков. В результате количество детей-сирот и беспризорников перевалило за миллион!

Все это привело к нравственному одичанию общества. В стране замелькали «бригады» отнюдь не коммунистического труда. В них «быки» и «бригадиры» демонстрировали невиданную ранее жестокость. На передний план в стране вышли криминальные «авторитеты», перенесли воровские законы и понятия на жизнь всего общества. При этом крупнейшими рэкетирами стали «оборотни в погонах» из различных силовых ведомств.

Первая чеченская война продемонстрировала крайне низкую боеспособность российской армии. Изношенность старой боевой техники, отсутствие поступлений новой, чудовищное казнокрадство и предательство на всех уровнях – от генералов до прапорщиков, страшная «дедовщина», усугубленная внедрением «воровских понятий» в армейскую жизнь – все это приводило к тяжелым поражениям и потерям.

Положение усугублялось фактическим предательством интеллигенции. Да, первая чеченская была страшной ошибкой Ельцина. Но наши «прогрессивные» журналисты и правозащитники, выступая в поддержку чеченских боевиков, также как и их предшественники во время русско-японской войны, фактически стреляли в спину мальчишкам, выполнявшим приказ своего верховного главнокомандующего и погибшим в атмосфере всеобщего предательства.

Первая чеченская компания закончилась позорным хасавюртовским соглашением, по которому Чечня, лишенная своего вождя¹, фактически оказалась в руках международных террористов и стала своеобразным прообразом ИГИЛ. И теперь эти международные банды, подпитываемые королями и шейхами Ближнего Востока и спецслужбами Запада, уже начинали представлять угрозу территориальной целостности всей России. А когда в результате обрушения пирамиды ГКО, в 1998 году был объявлен технический дефолт, казалось, что дни российской государственности сочтены.

Наконец-то мечты наиболее радикальной части западной интеллигенции начинали приобретать реальные очертания. В атмосфере экономического коллапса и атак исламских боевиков распад российской государственности представлялся неизбежным. Еще немного и осколки этой территории с радостью перейдут под внешнее управление представителей «цивилизованного» мира, которые обеспечат наконец интеллигентам слияние с их духовной западноевропейской родиной.

Но вопреки всему, Россия опять выжила. Рационального объяснения

¹ общепризнанный лидер Дудаев был уничтожен в результате спецоперации.

этому факту найти сложно. Поневоле начинаешь вспоминать легенду о чудесном обретении в день отречения Николая II «державной» иконы Божьей Матери. Для многих верующих это символизировало то, что с этого момента Богородица взяла Россию под свое небесное управление и покровительство.

Но все же, сам Ельцин не был интеллигентом и разрушение государства, главой которого формально он был, в его планы не входило. Первой его судорожной реакцией на начавшийся развал страны стала совершенно не подготовленная, бездарная чеченская компания, которая только усугубила положение.

Но даже сохранение одной только территориальной целостности для такой страны, как Россия было мало. Видимо кто-то из советников донес до Ельцина мысль Шафаревича о том, что «для великой страны ЖИТЬ — не означает лишь не распадаться на части и сводить концы с концами в своем хозяйстве. Она должна ещё осознавать ту цель, ради которой существует, свою миссию в мире».

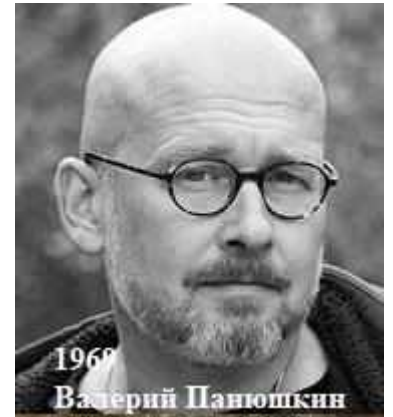
Формулирование цели и миссии было возложено на интеллектуальную элиту. Гордые своей исторической ролью интеллектуалы, среди которых было немало интеллигентов, собрались на уже упоминавшийся ранее судьбоносный Конгресс, который закончился «пшиком». Интеллигенты так и не смогли о чем-либо договориться, тем более что их апостол внес дополнительную сумятицу в умы, заявив, что главное качество истинного интеллигента – постоянное противостояние власти. И при этом он не погнушался получить из рук Ельцина очередной орден. А вот оплеванный интеллигенцией Солженицын получать такой же орден Андрея Первозванного отказался, заявив: «От верховной власти, доведшей Россию до нынешнего гибельного состояния, я принять награду не могу».

После дефолта Ельцин окончательно разогнал гайдаровскую команду и обратился за помощью к бывшему КГБ, назначив на пост Премьера Примакова. И тот со своей командой сумел спасти экономику от окончательного краха, в благодарность за что и был уволен.

А дальше произошло и вовсе необъяснимое. Всегда так жаждавший власти Ельцин вдруг добровольно уступил ее малоизвестному чекисту Путину, предварительно подчинив ему ФСБ. Оставим вопрос о том, как и почему это произошло бесчисленным политологам из всевозможных институтов и фондов, тем более для нашей темы это существенного значения не имеет. Но все же сакраментальный вопрос – «Who are you Mr Putin?», до сих пор остается актуальным.

Тем не менее, страна снова выжила, сохранила свою территориальную целостность и даже стала понемногу развиваться. Это вызвало приступ уже вселенской злобы у наших добрых интеллигентов. Ведь счастье было так близко, так возможно! Казалось, еще немного и многочисленные осколки России будут поглощены Западной демократией, ненавистная «гэбня» будет устранена, и американские управленцы обеспечат, наконец, нашим интеллигентам достойную жизнь в цивилизованном обществе. И вдруг такой облом!

Отсюда и эта все возрастающая ненависть и буквально бешенство, с которым и либеральная и революционная интеллигенция реагирует на крайне неоднозначный, хотя и спасший Россию от распада, путинский режим. Все эти журналисты с «Эха Москвы», «Дождя», «РБК» и некоторых других теле- и радиоканалов, такие как Алексей Венедиктов, Юлия Латынина, Валерий Панюшкин, Николай Сванидзе, Ксения Собчак изо дня в день вещают о том, какой ужасный народ населяет эту территорию и какой

не менее ужасный режим им управляет.

«Всем на свете стало бы легче, если бы русская нация прекратила свое существование», – утверждал Панюшкин. «У русских нет и никогда не будет никакой истории, так как нельзя сказать правду – стыдно», – вторила ему небезызвестная Ирина Хакамада. Латынина освежала идеи Сахарова-Попова: «Если бы Рос-

сия разделилась на части, в некотором количестве частей началась бы нормальная жизнь». А вот перл Ксении Собчак: «Русский народ – это генетический мусор». Но всех превзошла ее матушка, Людмила Нарусова, предложившая «достойный» выход: «Истреблять! Всех поголовно, меньше народа – больше кислорода! Вам мешает российский народ, его нужно ликвидировать! Я не призываю к смене власти! Я призываю к смене народа!».

Не меньшую русофобию проявляли и представители либеральной ин-

теллигенции из партии «Яблоко» Явлинского и революционной – из «Союз правых сил» Чубайса и Леонида Гозмана, не говоря уж о так называемой несистемной оппозиции, проводящий свои шабаши в Прибалтике и других «намоленных» местах.

Не отстают от них и представители других интеллигентских профессий, вроде кинорежиссера Григория Амнуэля, режиссера Иосифа Рейхенгауза, философа Андрея Окары, преподавателей Игоря Чубайса,

Бориса Надеждина и многих других. На многочисленных ток-шоу на федеральных каналах в прайм-тайм

они непрерывно вещают о том, как кровавый режим душит свободу слова. При этом, естественно, вся их жесткая критика милитаристских устремлений режима продиктована «исключительно заботой» о несчастных учителях, врачах и других бюджетниках, обрекаемых на нищету непомерными амбициями министерства обороны.

Среди всей этой публики выделяется политолог Александр Сытин, который, в отличие от других публицистов-интеллигентов, в прямом эфире на

1963
Борис Надеждин

всю страну честно и открыто признается в своей ненависти к русскому народу и его государству, и надеется, «что Трамп раздавит гадину, развалившуюся на 1/6 части суши». Конечно, его высказывания шокируют, но, по крайней мере, он открыто говорит то, о чем многие интеллигенты мечтают, но, как правило, стыдливо умалчивают. И за это ему огромное спасибо.

Ведь чем больше он и ему подобные будут высказывать такие «замечательные» мысли, тем меньше останется в России людей, наивно верящих в «благородные» помыслы современной русофобствующей интеллигенции.

Как мы видим, налицо явная деградация «властителей дум» и «формирователей нравственных норм и духовного содержания эпохи». И связана она, прежде всего, с «загниванием» духовной родины интеллигентов – западно-христианской цивилизации, которая на наших глазах переживает финальный аккорд фазы обскурации. Проявления этой деградации, начало которой прозорливо отме-

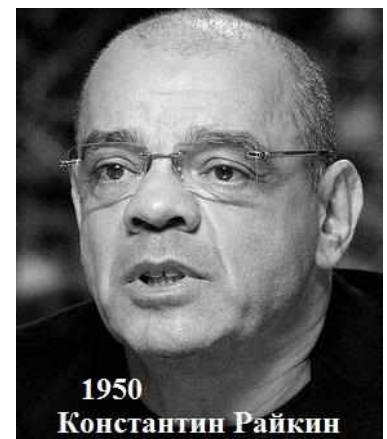
1958
Александр Сытин

1969
Кирилл Серебрянников

тил Шпенглер в «Закате Европы» еще в 1918 году, сейчас уже настолько оче-

видны, что не замечать их может только слепой. А вместе с Западной Европой началась и деградация русской интеллигенции, для которой европейская цивилизация всегда была и остается нравственным идеалом.

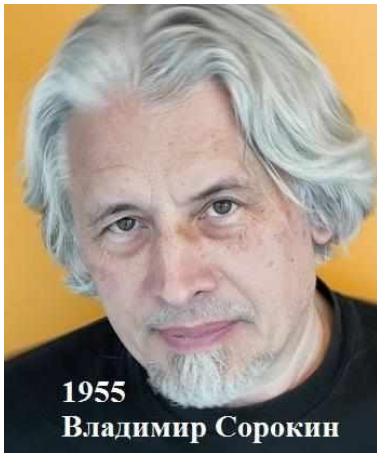
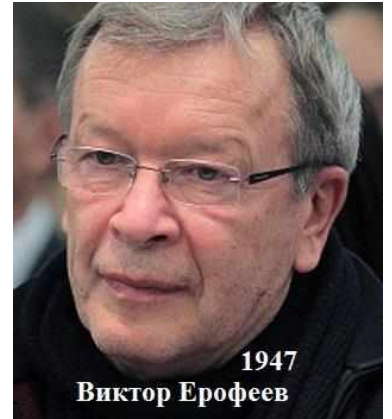
1950
Константин Райкин

Особенно заметна деградация среди так называемой творческой интел-

лигенции. Стеная под гнетом тоталитаризма, который буквально не давал дышать людям творческих профессий, интеллигенты намекали, что как только «оковы тяжкие падут, темницы рухнут и свобода...», вот тут они и выдадут свои «нетленки». И вот оковы пали! И что же мы увидели?

Вместо замечательных фильмов Данелия, Рязанова, Тарковского, Шукшина и многих других, мы получили потоки чернухи, порнухи и прочих художественных изысков, непрерывно изливающихся на зрителя в бесконечных «мыльных» сериалах.

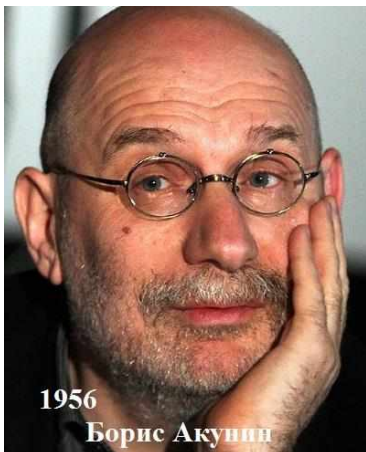
Вместо великолепных спектаклей Товстоногова, Владимирова, Любимова, Ефремова, Захарова, потрясавших искрометностью и глубиной проникновения в материал, появились «новые прочтения» с Онегиным на роликовых коньках или Джульеттой в рваных джинсах, Райкин-младший, потрясавший го-

лым членом, или Кирилл Серебрянников, больше прославившийся обвинениями в мошенничестве, чем театральными постановками.

Вместо пронзительных произведений Распутина, Абрамова, писателей-фронтовиков теперь творческими вершинами стали произведения постмодернистов Виктора Ерофеева и Владимира Сорокина, являющихся по выражению самого Ерофеева

«рупорами зла», черная тоска Людмилы Улицкой, литературный китч Бориса Акунина, бригады литературных негров, под брендами «Маринина» и «Донцова», выпекающих тонны деструктивной макулатуры.

Но наиболее заметна деградация в изображении

тельном искусстве. Я, конечно, не большой знаток постмодерна и соц-арта и не смогу по манере письма отличить творения, написанные членом художника Федора Челномазова от произведений, созданных

1952
Дарья Донцова

ных грудью американки Кирры Айн Варседжи. Так же как по игре красок не смогу

1957
Александра Маринина

отличить творения гавайской художницы Лани Белосо, созданные менструальной жидкостью, от произведений Милли Браун, творящей рвотными массажами.

Здесь нам понадобится помощь истинных знатоков современного искусства, вроде бывшего Министра культуры Михаила Швыдкого. Но, все же, пример маленького мальчика из сказки «Новое платье короля» Г.Х. Андерсена вдохновляет меня смело воскликнуть – а король-то голый!

Арт-художники, галеристы, искусствоведы образуют замкнутую элитарную общность, превратившую эту дерьмомазню в выгодный бизнес-проект. Поэтому «ценители» скупают творения постмодерна за бешенные деньги вовсе не из любви к высокому искусству, а рассматривают это как выгодное вложение капитала.

Главной особенностью современного искусства стала его «элитарность», презрение к рядовому обывателю и его проблемам, особенно заметное в изобразительном искусстве. Здесь русская интеллигенция не просто следует за загнивающим Западом, но кое-где и обгоняет его. Вспомним, как интеллигенция восхищалась смелыми и полными глубокого смысла действиями художника-акциониста Петра Павленского. Журнал «Артгид» даже назвал его самой влиятельной фигурой в российском искусстве. А вот французские братья по разуму творчество великого художника не оценили. После

1984
Петр Павленский

акции у дверей Банка Франции суд поместил его под арест, а французские психиатры диагностировали у него несколько психических расстройств. Вот такой демократический облом!

Философ Александр Ципко, подводя итог «расцвета» постсоветской творческой интеллигенции, отмечал: «Наверное, никогда в истории России общественная мысль и гуманитарная интеллигенция... не были так далеки от народа, от его жизни, как сейчас... Поразительно, но впервые в истории России от народа, его бед и страданий отвернулись и " литература, искусство, театр, кино».

Но справедливости ради нужно признать, что далеко не всех представителей богемного искусства можно отнести к интеллигенции. И вообще вопрос о том, кого, собственно, можно считать представителями этой социальной группы, усложнившийся в советский период, в 90-е годы стал вообще чрезвычайно запутанным.

Если до революции интеллигенция поглотила практически весь еще не многочисленный слой выпускников университетов, освоивших свободные профессии, то в сталинский период остатки разгромленной «истинной» интеллигенции составляли лишь разрозненные вкрапления в разросшемся слое «советской интеллигенции», к которой формально относили всех работников умственного труда с высшим образованием. Только в брежневскую эпоху «истинная» интеллигенция начала вновь собираться под знаменами диссидентов и ее самоидентификацией стали антикоммунизм и русофобия.

В 90-е годы все опять «смешалось в доме Облонских». Интеллектуальная элита в то время соревновалась с интеллигенцией – кто из них больший антикоммунист, и русофобские настроения на этом фоне не слишком бросались в глаза. Только в 2000-е интеллигенция начала резко выделяться острым неприятием путинского режима, помешавшего осуществить их давнюю мечту, и уже откровенной русофобией. Но все равно, выделить истинных интеллигентов, особенно рядовых, из интеллектуального слоя многочисленных работников умственного труда было еще довольно сложно.

И только 2014 год сформировал четкий критерий, позволяющий легко отличить интеллигента от интеллектуала. Этим критерием стал ответ на вопрос: «Крым наш?». Ответ на него четко определил отношение интеллигенции к России и русским. И наглядно продемонстрировал даже самым наивным обывателям русофобские настроения «русской» интеллигенции.

О нынешнем отношении простого народа к «формирователям духовных смыслов» свидетельствует статистика выборов в органы власти. Если в 90-е годы «Яблоко» и «Союз правых сил» получали существенный процент голосов избирателей и за них голосовали не только интеллигенты, но и большая часть интеллектуалов и даже рядовые граждане, то теперь ничтожные проценты, которые получают эти партии, позволяют достаточно точно оценить численность «истинной» интеллигенции в современной России, демонстрирующие тенденции к ее сокращению. Хотя, конечно, эти цифры не вполне отражают численность современной русской интеллигенции, так как достаточно существенная ее часть перебралась на Запад, осуществив на личном примере давнюю мечту основателей этой социальной группы.

И все же, с вступлением российского суперэтноса в инерциальную фазу, которая обычно характеризуется расцветом культуры и экономики, появляется надежда, что эта чужеродная социальная группа перестанет, наконец, разрушать нашу несчастную страну и исчезнет навсегда! И у нас останется только нормальная, национально ориентированная интеллектуальная элита.

Послесловие

Итак, мы проследили «славный» путь русской интеллигенции от ее зарождения до наших дней. Мы выяснили, что она сформировалась в середине XIX века из части образованных разночинцев и дворян на фоне идейного противостояния «западников» и «славянофилов» вокруг мифа о «ярких ученых и педагогах, бескомпромиссных борцах с тиранией, творческих личностях, руководствующийся чувствами совести и стыда, эмоциями сострадания и благоговения перед Культурой и Наукой».

Уникальность русской интеллигенции заключалась в том, что с самого начала эта социальная группа оказалась абсолютно чужой в своей стране. Духовной родиной русской интеллигенции стала западно-христианская цивилизация, переживавшая в то время расцвет материальной культуры, а основной целью – стремление приобщиться к ней. Также для интеллигенции было характерно острое неприятие окружающей действительности, то есть негативное мироощущение, которое порождало антисистемное мышление, то есть представление об этнической системе не как о живом организме, подчиняющемся природным законам развития, а как о механизме, устройство которого определяется волей и идеями «гениальных» мыслителей.

Негативное мироощущение и антисистемное мышление сформировали стереотипы поведения этой референтной социальной группы, резко выделявшие ее из других социальных групп. Среди основных можно выделить перманентную оппозиционность власти, представление о собственном великом предназначении, пренебрежение карьерой ради «великой цели», стремление к всеобъемлющим реформам и владение «истиной в последней инстанции».

Правда, своих теорий интеллигенты не имели – они черпали их на Западе, поэтому в вопросе о способе приобщения России к западной цивилизации царил «кабак» непрерывно менявшихся идей. Вначале, под влиянием идеализма Шеллинга и Гегеля интеллигенты уповали на «Абсолютную идею», которая выведет это историческое недоразумение, каковым, по их мнению, являлась

Россия, на столбовую дорогу мирового прогресса. Главным же врагом поначалу был объявлен бюрократический режим Николая «Палкина».

Затем они получили по мозгам материализмом Фейербаха и поголовно превратились в либералов, нигилистов, социалистов, и прочих истов. Абсолютная идея была отставлена, вместо нее двигателем прогресса был объявлен русский мужик, в котором проницательный взор интеллигентов обнаружил социалистическую потенцию, которую необходимо было лишь разбудить. Главным же врагом России теперь уже было объявлен весь институт самодержавия, которое в лице Александра II в это время осуществляло грандиозные либеральные реформы, начавшиеся с освобождения крепостных крестьян.

После неудачной попытки «разбудить» русского мужика, раздражение интеллигенции распространилось уже на весь народ. Однако материнское сердце интеллигенции не оставляло попыток «осчастливить» непутевого мужика собственными силами. При этом часть интеллигенции сделала ставку на новую теорию Маркса, а движущей силой революции был объявлен пролетариат.

Руководствуясь «эмоциями сострадания и благоговения», интеллигенция своей моральной поддержкой освятила деятельность первых революционеров-террористов, доставив России сомнительную честь стать Родиной современного международного терроризма.

После недолгого периода раскаяния, вызванного пережитым ужасом от русского бунта 1905 года «бессмысленного и беспощадного», интеллигенция вновь с энтузиазмом принялась раскачивать лодку Великой Империи. Но теперь уже все теории были отброшены и в дело пущены масонские технологии, позволившие интеллигенции совместно с частью земства успешно осуществить первую в новейшей истории «цветную революцию».

Но, одержав долгожданную победу, интеллигенция продемонстрировала свою полную несостоятельность в управлении страной и была «низвергнута революцией», а затем разгромлена большевиками в гражданской войне.

Часть «гигантов русской общественной мысли, властителей дум, пожирателей иностранных философских цитат» сбежали за границу. Где посте-

ленно и растворились среди этносов любезной им Западной Европы. Та же часть, которая осталась в России и сумела выжить после репрессий, в сталинский период атомизировалась, растворившись в безбрежном море «советской интеллигенции».

Казалось, что русская интеллигенция исчезла навсегда, но в брежневский период эти спящие споры вновь проросли и дали диссидентские побеги. И вскоре на них зазеленели листочки новой генерации русской интеллигенции, объединяющим фактором которой, как и прежде, оставалось стремление приобщиться к Западному миру. Но теперь уже это стремление сопровождалось откровенной русофобией, то есть желанием уничтожить не только коммунистическую антисистему, но и ненавистный сердцу каждого истинного интеллигента русский народ, ставший главным препятствием на пути осуществления ее мечты.

Рождение интеллигенции характеризовалось максимальным взлетом духовности ее членов. Там действительно наблюдалась и совесть, и эмоции сострадания и благоговения перед Культурой и Природой, и бескорыстное служение идеалам. Но в дальнейшем наблюдалась ее естественная деградация. Если в первых двух поколениях личных интеллигентов преобладали люди, по своим личностным качествам соответствовавшие критериям этой референтной группы, то перед революцией, в третьем и четвертом поколении уже начали преобладать потомственные интеллигенты, попадавшие в эту группу в силу своего рождения и по своим качествам далеко не всегда соответствовавшие ей. То есть там начинала преобладать чеховская «вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция».

После катастрофы 17-ого года произошел естественный отбор и среди сохранившихся немногочисленных «непримиримых», ставших потом основой диссидентского движения, этическая планка вновь поднялась. Но в борьбе истинной интеллигенции с коммунистической антисистемой на первые роли вышли представители еврейской составляющей русской интеллигенции, которые сумели навязать остальным представления о том, что приобщение к за-

падной цивилизации возможно только при разрушении русской этнической системы, которая, как они вполне справедливо считали, не способна воспринять западные ценности. То есть в процессе борьбы с коммунизмом русская интеллигенция встала на позиции махровой русофобии.

И после победы над коммунистической антисистемой начался процесс стремительной деградации русской интеллигенции, который происходит на фоне деградации ее духовной Родины – западно-христианской цивилизации. Значительная часть революционной интеллигенции вообще отпала от своей социальной группы, уйдя в бизнес или став профессиональными политиками. Многие рядовые члены либеральной части интеллигенции также от нее отошла, не приняв откровенно русофобские идеи своих вождей.

И если первые русские интеллигенты действительно мечтали о благе России, хотя и превратно ими понятом, то нынешние способны только бегать в «вашингтонский обком» с жалобами на путинский режим и требованиями пожесточе наказать Россию.

Западно-христианский суперэтнос умирает. Жить ему осталось максимум полтора-два поколения, после чего на его месте возникнет что-нибудь вроде «европейских исламских эмиратов». Казалось бы, вслед за ним должна исчезнуть и западническая интеллигенция, так долго терзавшая своими бредовыми идеями нашу несчастную Родину.

Но, как говорится, – не дождетесь! Наши бодрые интеллигенты быстро утрут слезы и устрелят свои пронизательные взоры куда-нибудь в сторону США. И станут нести очередной бред о том, что вселенский центр духовности, как они всегда и считали, находится именно там. Собственно, этот процесс переобувания можно наблюдать уже сейчас.

Так что нам еще долго придется терпеть это чужеродное новообразование, по крайней мере, до тех пор, пока Россия не догонит ведущие державы по уровню экономики и материальной культуры. Если же нам сделать этого не удастся, то интеллигенция останется с нами навсегда!

2018 год.

Оглавление

Предисловие.....	1
Глава 1. От Рюрика до Лихачева.....	7
Глава 2. Истоки.....	20
Глава 3. Что делать.....	52
Глава 4. Бесы.....	90
Глава 5. Пляска на крови.....	121
Глава 6. За что боролись, на то и напоролись.....	166
Глава 7. Малый народ.....	217
Глава 8. Деградация.....	255
Послесловие.....	284